

449
X
—

91(497)

~~Александръ Павловичъ~~

~~ЗАКЪ.~~

20

В. В. ВОДОВОЗОВЪ

НА БАЛКАНАХЪ

Статьи. Путевые очерки.

Riitgiraamatukogu.
№ А. 950. . . +

Изд-во «ОГНИ»

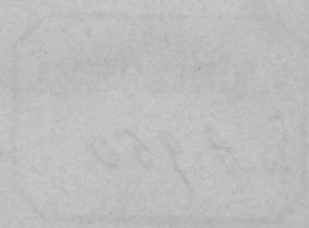
ПЕТРОГРАДЪ, ФОНТАНКА, 80.

1917 г.

НА БАЛКАНАХЪ

Създаденъ Петербургъ

Тип. «Орбита» Т/Д. Смирновъ-Дмитріевъ, Крастинъ и К^о.
Петроградъ, Петр. стор., Ижорская 11.

Въ настоящей книгѣ я собралъ нѣкоторыя изъ моихъ статей о Балканахъ, напечатанныхъ въ послѣдніе три года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Статья о бухарестскомъ мирѣ была напечатана въ «Современникѣ» (№№ 10 и 11 за 1913 г.); статья «По сербской Македоніи», представляющая отчетъ о моей поѣздкѣ по этой странѣ, принятой въ декабрѣ 1914, январѣ и февралѣ 1915 г., была первоначально напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» (№ I за 1916); въ статьѣ о «Судьбѣ Македоніи въ годы великой войны» я использовалъ рядъ моихъ газетныхъ статей (изъ «Русскихъ Вѣдомостей» и «Дня»), соединивъ ихъ въ одну; остальные были напечатаны въ «Днѣ» въ 1915 и 1916 г.г. Всѣ статьи подверглись значительной переработкѣ.

Центромъ моего вниманія въ настоящей книгѣ явилась Македонія, какъ причина настоящей войны. Вопросъ о томъ, кому должна принадлежать эта страна, занимавшій меня во время моего путешествія по ней, въ настоящее время уже рѣшенъ, но рѣшенъ не съ точки зрѣнія интересовъ и желаній ея населенія, не съ точки зрѣнія мира и спокойствія Балканскаго полуострова и Европы, а съ точки зрѣнія хищническихъ вождельннй одной изъ сосѣднихъ странъ. Разрѣшенъ онъ посредствомъ грубаго насилія, безъ всякаго спроса о желаніяхъ населенія, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это разрѣшеніе засѣ-

ваеть на балканахъ новый посѣвъ, долженствующій дать пышную жатву взаимной ненависти и новыхъ войнъ, и что оно не есть разрѣшеніе безспорное и окончательное. Во всякомъ случаѣ, я позволю себѣ надѣяться, что мои очерки окажутся не бесполезными для уясненія историческихъ корней болгаро-сербской распри, а можетъ быть,—кто знаетъ,—и для практическаго его разрѣшенія въ недалекомъ будущемъ.

Посвященный сербской Македоніи очеркъ до его появленія въ печати былъ прочитанъ мною въ формѣ доклада въ Обществѣ Славянскаго Научнаго Единенія въ Петербургѣ, а потомъ въ формѣ публичной лекціи въ Тифлисѣ, Баку, Ростовѣ на/Д. и другихъ городахъ. Онъ вызвалъ очень рѣзкія возраженія сперва на самомъ засѣданіи Общества Славянскаго Единенія, потомъ въ болгарской печати. Мнѣ говорили, что я поѣхалъ въ Македонію безъ достаточной филологической подготовки, что я не компетентенъ рѣшать трудный и спорный вопросъ о нарѣчіяхъ, господствующихъ въ Македоніи, и объ ихъ отношеніяхъ къ болгарскому и сербскому языку; на этомъ возраженіи особенно настаивалъ Н. С. Державинъ, и его повторяли въ болгарской печати.

Я, дѣйствительно, не филологъ, но я вовсе и не задавался цѣлью представить филологическое изслѣдованіе о нарѣчій македонскихъ славянъ. Вопросъ о языкѣ меня занималъ сравнительно мало, такъ какъ я убѣжденъ, что языкъ далеко не единственный, даже не главный факторъ, опредѣляющій политическія стремленія народа. Эльзасцы говорятъ по-нѣмецки, но національное чувство дѣлаетъ ихъ французами, и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ германскаго завоеванія заставляетъ ихъ тяготѣть къ Франціи.

—Не въ этомъ только бѣда; бѣда въ томъ, что вы смотрите на Македонію черезъ сербскія очки,—говорилъ мнѣ

Н. С. Державинъ, говорили другіе мои оппоненты, и вслѣдъ за ними всѣ органы болгарской печати, которые отозвались на мой докладъ. Сербы показали вамъ свой македонскій товаръ лицомъ, а вы забыли объ обязательныхъ для изслѣдователя,—обязательныхъ даже по отношенію къ врагу въ дни войны,—безпристрастіи и научной объективности, и не попытались взглянуть на него съ изнанки.

Это обвиненіе гораздо серьезнѣе. Но ни Державинъ, ни другіе мои оппоненты не представили ни одного конкретнаго факта, который меня убѣдилъ-бы, все время предпочитая прятаться за старыя филологическія изысканія Григоровича, Ягича, Кондакова и др., утверждавшихъ, что македонскіе славяне по своему языку ближе къ Болгаріи, чѣмъ къ Сербіи. Но изъ нѣмецкаго языка Эльзаса или почти всей Швейцаріи я не могу сдѣлать политическаго вывода о томъ, что Эльзась и Швейцарія должны принадлежать Германіи, и изъ болгарскаго (если онъ болгарскій) языка македонцевъ не могу сдѣлать вывода, что Македонія должна быть присоединена къ Болгаріи. Правда, подобный филологическій хламъ преподносили мнѣ сербы въ Сербіи нисколько не меньше, чѣмъ болгары въ Болгаріи. Когда я требовалъ отвѣта на вопросъ о томъ, могутъ ли новыя торговыя дороги и торговыя отношенія съ Бѣлградомъ искупить для Македоніи потерю дешеваго европейскаго импорта черезъ салоницкую гавань; когда я спрашивалъ, стремятся ли македонцы воссоединиться съ Болгаріей; когда я добивался узнать, можно-ли поручиться, что при присоединеніи Македоніи къ Болгаріи болгарское правительство съумѣетъ обойтись безъ національнаго гнета,—то въ отвѣтъ на все это я слишкомъ часто слышалъ разсужденія о томъ, говорятъ-ли македонцы «я» или «азъ», «крака» или «нога», «дѣвочка» или «момиче», да еще о томъ, какое значеніе имѣетъ обычай празднованія «славы» въ Македоніи. Это дѣлалось и сербскими, и бол-

гарскими не только филологами, но и политиками, и даже не политиками, а просто мѣстными жителями въ родѣ македонскихъ исправниковъ и священниковъ, желавшихъ доказать мнѣ правильность или неправильность раздѣла Македоніи. Но для меня эта аргументація совершенно не убѣдительна; и пока мнѣ не будутъ представлены совѣмъ иные доводы, я останусь при своемъ убѣжденіи, что миръ Балканамъ могла бы обезпечить только единая автономная Македонія и балканская федерація; что разрѣзъ Македоніи, совершенный въ Бухарестѣ, былъ тяжелымъ преступленіемъ; но что Сербія отчасти загладила свою долю участія въ этомъ преступленіи большой культурной работой, произведенной ею въ Македоніи, и что не слѣдуетъ исправлять бухарестскаго преступленія новымъ преступленіемъ передачи болгарамъ уже успѣвшей сербизироваться Македоніи, какъ это готова была сдѣлать русская дипломатія въ тщетной надеждѣ привлечь Болгарію на нашу сторону.

Теперь Македонія завоевана болгарами, и доходяція до насъ извѣстія объ установленномъ ими тамъ террорѣ только укрѣпляютъ меня въ моемъ убѣжденіи (см. главу о «Судьбѣ Македоніи въ годы великой войны»).

Для полноты моей книги слѣдовало бы дать оцѣнку интересовъ Италіи на Балканахъ и того соглашенія между нею и державами согласія, на основѣ котораго Италія вступила въ мировую войну. Такой очеркъ былъ мною написанъ, но по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ онъ свѣтъ увидѣлъ лишь въ столь ощипанномъ видѣ, что я не рѣшаюсь предложить его вновь читателямъ; я отказываюсь также говорить о роли Черногоріи и ея короля. Разговоръ объ этихъ печальныхъ эпизодахъ настоящей войны тоже приходится отложить до окончанія войны.

Считаю долгомъ принести глубочайшую благодарность тѣмъ лицамъ, которыя оказали мнѣ неоцѣнимое содѣйствіе въ моей поѣздкѣ по Македоніи: сербскому королевичу Александру, министрамъ Пашичу и Јовановичу, поручику Семизу, г. Милоевичу, проф. Срѣтеновичу, г. Т. Живковичу, профессорамъ Беличу, Атанасевичу, Цвіичу; двумъ выдающимся дѣятелямъ сербской социаль-демократической партіи, Филипповичу и депутату скупщины Лапчевичу; бывшему премьеру Л. Стояновичу и бывшему министру Генчичу; подполковнику Др. Дмитріевичу; шабацкому, ускюбскому, охридскому, тетовскому окружнымъ управителямъ; велесскому и дибрскому срезскимъ начальникамъ, всѣмъ многочисленнымъ священникамъ, учителямъ, врачамъ, торговцамъ и многимъ другимъ лицамъ, которыхъ я не могу здѣсь даже перечислить; сербскому посланнику въ Софіи Чолакъ-Античу и секретарю миссіи Дмитріевичу; наконецъ, русскимъ посланникамъ: въ Нишѣ кн. Г. Н. Трубецкому и въ Софіи А. А. Савинскому, а также русскому консулу въ Монастырѣ Н. В. Кохманскому. Вмѣстѣ со своею благодарностью я не могу не выразить всѣмъ названнымъ мною сербскимъ дѣятелямъ свое сердечное сочувствіе къ тому неизмѣримо горю, которое въ настоящее время постигло и объединило въ общемъ чувствѣ глубокой скорби ихъ всѣхъ—отъ королевича до социаль-демократовъ.

На возвратномъ пути изъ Сербіи черезъ Болгарію я имѣлъ случай бесѣдовать о Македоніи съ многими изъ моихъ болгарскихъ друзей и знакомыхъ,—съ заслуженнымъ болгарскимъ статистикомъ Кирилломъ Поповымъ, проф. Шишмановымъ, г-жей Л. М. Шишмановой, г. Мишевымъ, проф. Кръстевымъ, г. Згуревымъ, г. Гешовымъ, С. Бобчевымъ, Р. Маджаровымъ и мн. др. Если моя книга дойдетъ до нихъ, то они сами увидятъ, что они не убѣдили меня въ основательности болгарскихъ притязаній на Македонію, и что бесѣды съ ними были мнѣ полезны только отрицатель-

нымъ образомъ, уяснивъ мнѣ тотъ болгарскій взглядъ на македонскій вопросъ, который я считаю неправильнымъ. Все же я обязанъ всѣмъ этимъ лицамъ благодарностью, хотя и сильно опасаюсь, что она будетъ дурно принята ими. Это могло бы случиться даже до того злосчастнаго момента, когда Болгарія приняла участіе въ настоящей войнѣ. Тѣмъ болѣе теперь, они,—боюсь,—заподозрятъ въ ней насмѣшку. Но они будутъ неправы. Разъединенные рѣками крови, мы теперь волею судебъ находимся въ разныхъ лагеряхъ. Но въ этомъ я вижу не столько результатъ чьей-либо злой воли, сколько великое стихійное бѣдствіе, постигшее весь міръ, въ которомъ и злая, и добрая воля отдѣльныхъ людей пропадаетъ, какъ малая капля въ безконечномъ океанѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, совершающіяся нынѣ событія отодвигаютъ въ безконечную даль тотъ счастливый моментъ,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ единую семью соединятся.

Тѣмъ не менѣе сильнѣйшее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы бѣдствія настоящей войны окончились какъ можно скорѣе. Быть можетъ, тогда мнѣ удастся лично позжать руку названному здѣсь и многимъ другимъ моимъ болгарскимъ друзьямъ и убѣдить ихъ въ томъ, что моя благодарность и мое уваженіе къ нимъ, несмотря на расхождение въ убѣжденіяхъ, совершенно искренни.

В. Водовозовъ.

1 сентября, 1916.

Бухарестскій миръ.

За войной «освободительной», ведшейся союзомъ маленькихъ балканскихъ державъ противъ Турціи, послѣдовала война «братоубійственная», причемъ «освободительницамъ» Сербіи и Греціи помогала, хотя и безъ формальнаго договора, та самая Турція, отъ ига которой онѣ только что освободили порабощенныхъ македонцевъ, а также Румынія, сохранявшая нейтралитетъ во время первой войны.

Новая война доставила новымъ союзникамъ полное торжество надъ Болгаріей, оставшейся изолированной, и это торжество нашло себѣ яркое выраженіе въ Бухарестскомъ мирномъ трактатѣ 28 іюля 1913 г. На банкетѣ, который по заключеніи мира былъ данъ делегатамъ мирной конференціи, нынѣ покойный румынскій король Карлъ привѣтствовалъ ихъ такими восторженными словами:

«Бухарестскій миръ прекратилъ войну между народами, которымъ судьбою предназначено жить между собою въ согласіи... Этотъ миръ приноситъ облегченіе страдающимъ народамъ и открываетъ новую эру взаимнаго довѣрія и благоденствія Балканскаго полуострова. Я твердо увѣренъ, что если наши страны смогутъ свободно работать надъ своей организаціей и надъ своимъ экономическимъ развитіемъ, то черезъ немного лѣтъ онѣ пожнутъ плоды своихъ усилій и своей мудрости».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дурной бухарестскій миръ былъ все же лучше всякой доброй ссоры, а тѣмъ болѣе такой дурной ссоры, какою была послѣдняя балканская война. Тѣмъ не менѣе не только теперь, когда мы хорошо знаемъ цѣну «новой эры взаимнаго довѣрія и благоденствія Балканскаго полуострова», но даже и въ тотъ самый моментъ, когда произносились эти слова, было крайне странно слышать изъ королевскихъ устъ, что балканскимъ народамъ, никогда не умѣвшимъ жить въ мирѣ между собою, самою судьбою предназначено именно это; еще страннѣе звучали рѣчи про какую-то новую эру взаимнаго довѣрія, когда именно король Карль (или его правительство) сдѣлалъ все, что только было въ его силахъ, чтобы отодвинуть ее какъ можно дальше. Уже тогда было ясно, что бухарестскій миръ (вмѣстѣ съ предшествовавшимъ ему лондонскимъ миромъ 17 мая и послѣдовавшимъ за нимъ болгаро-турецкимъ соглашеніемъ 16 сентября) въ дѣйствительности былъ лишь перемиріемъ, необходимымъ вслѣдствіе крайняго истощенія противниковъ, но ни въ какомъ случаѣ не прочнымъ миромъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на карту Балканскаго полуострова, созданную Бухарестскимъ миромъ.

Если бы кто-либо проводилъ границы между балканскими государствами съ злостнымъ намѣреніемъ сдѣлать невозможнымъ ихъ нормальное развитіе и посѣять возможно больше сѣмянъ раздора и войны, то лишь въ немногихъ пунктахъ онъ смогъ бы исполнить свою задачу лучше.

Племенное родство населяющихъ полуостровъ народовъ, его экономическіе интересы, стратегическіе интересы государствъ,—все было перепутано, все было нарушено самымъ жестокимъ образомъ.

Румынія получила свою добычу всѣхъ дешевле. Она получила очень богатую страну съ 286.000 душъ населенія

и добилась срытія пограничныхъ болгарскихъ крѣпостей. Но она приобрѣла населеніе, привыкшее къ болѣе демократическому строю, чѣмъ помѣщичій строй Румыніи, которое не могло смотрѣть на своихъ новыхъ властелиновъ иначе, какъ со злобой и ненавистью. Такимъ образомъ въ Румыніи образовалась своя Добруджа *ingredenta*, и Болгарія, сильно ослабленная, но все-таки не уничтоженная, должна была отнынѣ представлять изъ себя опаснаго врага для нея, сильнаго если не крѣпостями, то тяготѣніемъ къ ней населенія потерянной ею земли. Поэтому Румыніи съ самаго начала пришлось ограничить въ новоприобрѣтенныхъ земляхъ свободу собраній и печати, которою онѣ пользовались въ своемъ прежнемъ отечествѣ, и лишить ихъ населеніе избирательнаго права, которое оно тоже имѣло и къ которому привыкло въ теченіе 40 лѣтъ независимаго существованія Болгаріи.

Сербія получила больше всѣхъ. 5-го октября 1913 г. сербскій король открылъ очередную сессію скупщины тронной рѣчью, въ которой говорилось, что послѣднія войны были начаты «для достиженія свободы нашихъ братьевъ и процвѣтанія сербскаго королевства»; что «необходимость освобожденія порабощенныхъ братьевъ вызывалась неслыханнымъ гнетомъ и страданіями нашихъ братьевъ въ Старой Сербіи и Македоніи»; что «побѣда дала возможность освободить порабощенныхъ братьевъ».

И однако освобожденные братья не получили участія въ сербскомъ народномъ представительствѣ и подверглись ряду стѣсненій во имя сербизаціи. Пусть эта сербизація не отличалась особенной жестокостью, пусть она продолжалась недолго, пусть даже одновременно съ нею шла культурная работа, которая въ изумительно короткій срокъ примирила населеніе со своимъ новымъ положеніемъ, но все же она была произведена, ясно свидѣтель-

ствуя, что завоеваніе Македоніи было продиктовано вовсе не освободительными стремленіями.

Вся тронная рѣчь была проникнута гордостью торжествующаго империализма: мы побѣдили, мы заняли достойное насъ мѣсто въ ряду державъ, мы разрѣшили великія задачи, мы открыли себѣ путь къ двумъ морямъ—Адриатическому и Эгейскому; мы—великая Сербія.

Въ дѣйствительности на пути къ Адриатическому морю лежала Албанія, а къ Эгейскому—Греція, и,—что еще важнѣе,—притязанія Болгаріи и затаенное чувство болгарской національной обиды. Национальная задача Сербіи вовсе не была разрѣшена: сербскій народъ по-прежнему оставался раздѣленнымъ между четырьмя государствами: Сербіей, Черногоріей, Австріей и Венгріей, и только около одной трети его жило въ Сербскомъ королевствѣ; зато въ это послѣднее было влито новое населеніе Старой Сербіи и Македоніи, изъ котораго только славяне подверглись легкой сербизаціи, тогда какъ албанцы, греки, турки оказались элементомъ, чуждымъ сербамъ по крови и по культурѣ. Едва были произнесены королевскія слова объ успѣшномъ разрѣшеніи національныхъ задачъ, какъ среди албанцевъ новыхъ сербскихъ земель начались волненія, поддержанныя изъ сосѣдней Албаніи и съ этою послѣднею пришлось вести новую войну.

Такимъ образомъ на албанской границѣ положеніе Сербіи внушало самыя серьезныя опасенія.

Еще серьезнѣе была опасность на границѣ съ Болгаріей, ненависть которой къ Сербіи стала непримиримой. Опасность была весьма велика, несмотря на то, что въ стратегическомъ отношеніи Сербія, полукольцомъ сдавливающая Софію, могла бы чувствовать себя превосходно.

Такимъ образомъ Сербія, какъ будто окрѣпшая въ войнѣ, въ дѣйствительности за сравнительно небольшія

выгоды територіального расширенія заплатила очень дорого: на самомъ Балканскомъ полуостровѣ у нея оказался въ лицѣ Болгаріи непримиримый врагъ, и въ лицѣ Албаніи весьма неудобный сосѣдь. И это на самомъ полуостровѣ; а внѣ его были сильно задѣты интересы Австріи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что хотя король въ своей тронной рѣчи и обѣщалъ дружественныя отношенія съ Турціей и даже съ Болгаріей, но все-таки онъ считалъ нужнымъ «поднять политическія и военныя силы великой Сербіи на должную высоту для сохраненія и развитія въ будущемъ нашего національнаго достоянія».

Греція получила (еще по лондонскому миру 17 мая) Критъ и Тессалію, населенные греками, но зато она получила также часть Македоніи, населенную по-преимуществу македонскими славянами, болгарами, евреями, турками и другими этнографическими группами, не питающими ни малѣйшей симпатіи къ греческому владычеству. Сверхъ того она получила острова Эгейскаго моря, греческіе по составу своего населенія, но находившіеся тогда и находящіеся понынѣ въ фактическомъ обладаніи Италіи. И тутъ, слѣдовательно, миръ открывалъ возможность безконечныхъ конфликтовъ, и тутъ онъ обязывалъ правящіе круги государства лишь къ безграничному напряженію своихъ военныхъ силъ.

Была создана Албанія, но на сѣверѣ она была лишена дѣйствительно албанскихъ земель, а на югѣ получила чисто греческія,—и все вообще государство было не болѣе, чѣмъ чисто искусственнымъ и нежизнеспособнымъ порожденіемъ иностранныхъ дипломатій.

Всего хуже, однако, обстояло дѣло съ Болгаріей. Она потеряла часть своей территоріи въ пользу Румыніи, а взаменъ ея приобрѣла небольшой, совершенно разоренный кусокъ Македоніи и западную Фракію безъ Адрианополя. Доставшаяся болгарамъ часть Македоніи стремилась къ

самостоятельному политическому бытію вмѣстѣ со всею остальною Македонією, и лишь на худой конецъ соглашалась на присоединеніе къ Болгаріи. Но что касается Фракіи, то она, населенная по-преимуществу турками и греками, совершенно ей чужда; ни до войны, ни во время обѣихъ войнъ она ничѣмъ не обнаруживала желанія присоединиться къ Болгаріи, ни даже уйти изъ-подъ власти турецкаго правительства: скорѣе наоборотъ.

Яснымъ доказательствомъ можетъ служить печальный фактъ, что уже въ концѣ 1912 г. и въ началѣ 1913 г., т. е. до окончанія первой войны съ Турціей, во Фракіи производилось насильственное крещеніе помаковъ, т. е. болгаръ, исповѣдующихъ исламъ.

Въ стратегическомъ отношеніи бухарестскимъ миромъ Болгарія поставлена въ особо тяжелыя условія. Со стороны Румыніи она была обнажена отъ крѣпостей. Сербія полукольцомъ сжимала ея столицу, такъ что вступленіе въ нее сербскихъ войскъ въ случаѣ войны представлялось сравнительно легкимъ. При такихъ условіяхъ Болгарія, которая во Фракіи должна была имѣть свой ирредентизмъ, и въ свою очередь въ Добруджѣ и сербской Македоніи получила возможность поддерживать болгарскій ирредентизмъ, естественно и неизбежно должна была устремить все свое вниманіе на усиленіе оруженныхъ силъ, на политическіе союзы для реванша. Въ правящихъ кругахъ державъ-побѣдительницъ много говорили о союзѣ Греціи, Румыніи, Сербіи и Черногоріи, къ которому, какъ великодушно прибавляли сторонники этого плана, надо будетъ постараться привлечь и Болгарію, лишь только та окажется въ силахъ забыть горечь вчерашняго пораженія. Но было совершенно ясно, что союзъ съ Болгаріей для Сербіи невозможенъ на многія десятилѣтія, что онѣ никогда не пойдутъ вмѣстѣ, но на многіе годы будутъ непримиримыми врагами.

Стало ясно также, что и Россія, которая стояла у колыбели балканскаго союза, и играла видную роль при заключеніи договора 29 февраля 1912 г., потеряла свой престижъ, если не на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, то по крайней мѣрѣ въ Болгаріи.

Кому случалось бывать въ Болгаріи въ старые годы, тотъ хорошо знаетъ, какую любовь внушала къ себѣ тамъ Россія. Каковъ бы ни былъ характеръ тѣхъ дипломатическихъ интригъ, результатомъ которыхъ явилась турецкая война 1877—78 года; каковы бы ни были мотивы, руководившіе Россіею при объявленіи ею этой войны Турціи; каково бы ни было ея значеніе для внутренняго развитія Россіи,—для Болгаріи всегда было ясно одно: отъ турецкой власти, власти тяжелой, власти, не дававшей въ свое время простора для развитія народныхъ силъ, Болгарія была освобождена благодаря участію Россіи. Освобожденная Россіею, она начала самостоятельное политическое существованіе, и первымъ крупнымъ событіемъ въ ея внутренней жизни было надѣленіе вчерашнихъ арендаторовъ и половниковъ землю въ собственность. Эта мѣра была бы конечно совершенно невозможна при господствѣ старой турецкой власти. И совершенно естественно, что надѣленный землю болгарскій мужикъ питалъ глубокое, казалось бы, неистребимое чувство благодарности къ своей освободительницѣ.

Когда черезъ 7 лѣтъ послѣ окончанія войны Болгарское княжество провозгласило свое возсоединеніе съ Восточной Румеліей и, такимъ образомъ, совершило дѣйствіе, диктовавшееся насущной потребностью населенія обѣихъ половинъ раскромсанной на берлинскомъ конгрессѣ страны, то первая вооружилась на него Россія, и вызванный этимъ событіемъ разрывъ дипломатическихъ отношеній между освобожденною Болгаріей и освободительницею Россіею длился почти 10 лѣтъ. Тогда симпатіи болгарскаго народа

къ Россіи подверглись тяжелому испытанію, но все же вынесли его, несмотря даже на то, что политика Россіи привела къ 8-ми лѣтнему тиранническому господству Стамбулова, изъ руссофила обратившагося къ этому времени въ крайняго руссофоба. Руссофобство чувствовалось тогда только на поверхности политической жизни, въ поведеніи правительства, въ настроеніи нѣкоторыхъ,—далеко не всѣхъ,—политическихъ партій и небольшой части интеллигенціи; въ толщу народныхъ массъ оно не проникло; въ нихъ чувство горячей благодарности и любви къ освободительницѣ оставалось непоколебленнымъ; имя Александра II по-прежнему произносилось болгарами съ глубокимъ благоговѣніемъ. Да и такъ называемое руссофобство правительства Стамбулова и тѣхъ партій, на которыя оно опиралось, вовсе не было настоящимъ руссофобствомъ, а исключительно стремленіемъ вести самостоятельную, независимую отъ Россіи, но вовсе не обязательно враждебную ей политику. Такъ было въ эпоху Стамбулова, т. е. до 1894 г.; тѣмъ болѣе такъ было и въ слѣдующія два десятилѣтія, когда совершилось примиреніе официальной Болгаріи съ официальной Россіей, и когда у кормила власти чередовались руссофильскіе и руссофобскіе (стамбуловистскіе) кабинеты.

Война 1912—13 г. и Бухарестскій миръ всему этому положили конецъ. Ни о какой любви и благодарности къ Россіи среди болгарскаго населенія не могло быть больше и рѣчи. Русскій путешественникъ по Болгаріи чувствовалъ перемѣну на каждомъ шагу, одинаково при встрѣчахъ съ людьми изъ народа и съ людьми изъ «общества». До самыхъ глубинъ народной жизни дошло убѣжденіе, что Россія въ послѣднемъ конфликтѣ сыграла крайне печальную роль, и что тѣ бѣдствія, которыя переживаетъ Болгарія, отъ которыхъ страдали всѣ классы ея населенія безъ исключенія—и буржуазія, и интеллигенція, и рабочіе, и

крестьяне,—явились результатомъ не только собственныхъ ошибокъ, но и политики иностранныхъ державъ, и въ особенности Россіи; чувство обиды, раздраженія противъ этой послѣдней было, можетъ быть, даже острѣе и глубже, чѣмъ на это могли бы давать право дѣйствительныя ошибки русской дипломатіи.

Такимъ образомъ балканскія войны 1912—13 гг. и бухарестскій миръ не разрѣшили сколько нибудь правильнымъ образомъ ни одного жгучаго вопроса на Балканахъ, а вмѣсто того посѣяли тамъ новыя сѣмена раздора и войны.

А такъ какъ,—и это самое важное,—раздѣлъ Турціи сильно задѣлъ интересы Австріи, то бухарестскій миръ былъ предисловіемъ къ великой міровой войнѣ, и онъ же предрѣшалъ невозможность для Болгаріи принять участіе въ войнѣ въ нашемъ станѣ. Можно еще было разсчитывать на ея нейтралитетъ,—ни въ какомъ случаѣ на ея поддержку. Поэтому вся та политика русской дипломатіи, которая—уже во время великой міровой войны,—была направлена къ тому, чтобы получить посредствомъ пожертвованія части сербскихъ пріобрѣтеній поддержку Болгаріи, съ самаго начала была обречена на неудачу.

ПО СЕРБСКОЙ МАКЕДОНИИ.

Путевыя замѣтки.

I.

— Какъ вы смотрите на македонскій вопросъ? Кто по вашему правъ, — мы или болгары? — спросилъ меня корольевичъ Александръ, когда я, по его приглашенію, посѣтилъ его передъ своей поѣздкой въ сербскую Македонію.

Вопросъ былъ щекотливый, и я предпочелъ уклониться отъ прямого отвѣта.

— У меня нѣтъ еще достаточно опредѣленнаго мнѣнія о македонскомъ вопросѣ, и именно для того, чтобы составить его на мѣстѣ, я хочу туда ѣхать.

— Съ какой же точки зрѣнія хотите вы его изучать?

Дипломатическій отвѣтъ сталъ для меня невозможнымъ, и я отвѣтилъ прямо:

— Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда державы ведутъ споръ изъ-за той или другой территоріи, меня прежде всего и больше всего интересуеть отношеніе къ вопросу самого населенія спорной области. Съ этой демократической точки зрѣнія я подхожу и къ македонскому вопросу. Мнѣ сравнительно безразлично, вы или болгары повинны въ нарушеніи договора 29 февраля 1912 г., да и самый договоръ этотъ не кажется мнѣ чѣмъ-то непогрѣшимымъ и непрекаемымъ. Даже вопросъ, кто болѣе повиненъ въ братоубійственной сербско-болгарской войнѣ 1913 г., меня инте-

ресуеть сравнительно мало. Я хочу выяснить, что думаетъ и чувствуетъ, чего хочетъ население спорной области; довольно ли оно вашимъ режимомъ, или нѣтъ, а въ послѣднемъ случаѣ предпочло ли бы оно перейти подъ власть Болгаріи, или же лелѣетъ мысль объ автономной Македоніи. Если я увижу, что рассказы болгаръ о господствѣ въ сербской Македоніи террора невѣрны, что сербская власть есть власть культурная, что Сербія принимаетъ мѣры и готовится къ болѣе или менѣе правильному разрѣшенію тягостнаго для Македоніи аграрнаго вопроса и т. д., и что въ результатѣ население Македоніи довольно вашимъ режимомъ, то я приду къ выводу, что возвращеніе Македоніи подъ власть Болгаріи нежелательно. Напротивъ, пусть даже разборъ дипломатической и военной исторіи убѣдитъ меня, что правы были вы, я все-таки выскажусь за болгаръ, разъ я найду, что вы властвуете въ Македоніи при помощи военнаго и полицейскаго террора, что население страдаетъ отъ него и желаетъ перехода подъ власть Болгаріи. Къ этому я могу прибавить, что я уже читалъ вашъ манифестъ о дарованіи Македоніи политическихъ правъ, и его *содержаніе*, которому я, конечно, горячо сочувствую, до нѣкоторой степени предрасполагаетъ меня въ пользу благоприятнаго для Сербіи отвѣта.

Слово—«содержаніе» я подчеркнулъ, чтобы не прибавлять, что либеральныя обѣщанія манифеста не скрыли отъ меня его антиконституціонной формы, чреватой очень опасными послѣдствіями (онъ подписанъ королевичемъ не на правахъ регента, а на правахъ главнокомандующаго, и не контрастированъ ни однимъ министромъ), и я ясно видѣлъ, что королевичъ меня понялъ.

— Я могу обѣщать вамъ,—отвѣтилъ мнѣ Александръ,— что для вашего путешествія по Македоніи со стороны сербскаго правительства не будетъ поставлено никакихъ препятствій; напротивъ, будетъ сдѣлано все возможное, чтобы

облегчить его и дать вамъ возможность на мѣстѣ изучить вопросъ. И я увѣренъ, что въ результатѣ путешествія вы станете на нашу сторону.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе моей бесѣды съ королевичемъ Александромъ, которую я велъ въ Крагуевацѣ 16 декабря 1914 года, на другой день послѣ подписанія имъ знаменательнаго манифеста о дарованіи политическихъ правъ Македоніи въ награду за доблесть македонскихъ солдатъ, сражавшихся рука объ руку съ сербами противъ Австріи, и такую задачу поставилъ я себѣ во время моего путешествія по Македоніи.

II.

Если оставить въ сторонѣ древнее Македонское царство, которое съ нынѣшней Македоніей не имѣетъ ничего общаго ни по этнографическому составу населенія, ни по историческимъ традиціямъ, ни по политическимъ стремленіямъ, то Македонія никогда не представляла не только особеннаго государства, но даже отдѣльной провинціи. Со времени заселенія Балканскаго полуострова славянами изъ-за нея велась постоянная борьба между Византіей, Болгаріей и Сербіей, и она дѣлилась на различныя части самымъ причудливымъ образомъ. Передъ послѣдними балканскими войнами Македонія лежала въ предѣлахъ трехъ турецкихъ вилайетовъ (провинцій): Коссовскаго (иначе—Ускюбскаго), Салоникскаго и Монастырскаго (Битольскаго), но далеко не совпадала съ ними. Добрую половину Коссовскаго вилайета, къ сѣверу отъ горной цѣпи Шаръ-Дагъ, составляла область, которую никто къ Македоніи не причислялъ, и которая носила ходячее наименованіе Старой Сербіи. Значительную часть вилайета Монастырскаго (Битольскаго) составляла несомнѣнная Албанія. Югъ вилайета Салоникскаго составлялъ турецкую Фессалію. Но точно опредѣлить

Обозначенія:

----- Границы: Македонии, Болгарии, Сербии и Греции до 1912 года.

----- Границы державъ по Бухарестскому миру 28го июля 1913 года.

▨ Спорная зона Македоніи по договору 29го февраля 1913 г.

Примѣчаніе къ картѣ Македоніи.

Для этой карты я воспользовался картой «македонскихъ народниковъ», о которой я говорю ниже (стр. 27).

Но я занесъ на нее границы, проведенныя бухарестскимъ миромъ 1913 года, а также границы по договору 29 февраля 1912 г.

Прерывистыми линиями заштрихована вся та «спорная» зона Македоніи, которая по договору 29 февраля 1912 г. должна была подлежать арбитражу. Все, что лежитъ отъ нея къ сѣверу, т. е. такъ называемая Старая Сербія, должно было достаться (и досталось) Сербіи; вся часть Македоніи, лежащая къ югу, должна была, какъ предполагалось, достаться болгарамъ, въ дѣйствительности же досталась тоже сербамъ.

границы Македоніи съ Эссаліей, Албаніей, Старой Сербіей и на востокъ съ Эракіей совершенно невозможно; онѣ издавна составляли предметъ постоянныхъ споровъ и проводились въ зависимости отъ политическихъ стремленій Болгаріи, Сербіи, Греціи и различныхъ общественныхъ группъ самой Македоніи *).

На этой, не вполне опредѣленной, территоріи живетъ около 2¹/₂ милліоновъ человекъ чрезвычайно разнообразнаго національнаго состава. Тутъ имѣются и турки, и арнауты (албанцы), притомъ какъ арнауты-мусульмане, такъ и арнауты-христіане; и греки (въ небольшой части принявшіе исламъ), и куцовлахи, и армяне, и евреи, и цыгане (по большей части — мусульмане), но всего больше (однако не больше половины) славяне, принадлежность

---

*) Во время балканской войны съ турками, слѣдовательно еще до войны болгаро-сербской, — нѣсколько македонскихъ выходцевъ въ Петербургѣ, группировавшихся около небольшого журнала «Голосъ Македонца», выпустили въ свѣтъ «карту Македоніи по програма на Македонските народници» (Издад во Петроград 1913 г. Д. Д. Павле-Чуповски). На этой картѣ Македонію отъ такъ называемой Старой Сербіи (нынѣ тоже входящей въ составъ Сербскаго королевства) отдѣляетъ горный хребетъ Шаръ-Планина (по турецки Шаръ-Дагъ); на сѣверо-востокъ она граничитъ съ Болгаріей, какою та была до послѣднихъ войнъ; на востокъ Родопскія горы отдѣляютъ ее отъ Эракіи; на югъ она достигаетъ Эгейскаго моря, причемъ въ нее включается весь Халкедонскій полуостровъ, даже съ Аѳонскимъ монастыремъ; на юго-западѣ граница идетъ километровъ на 20 южнѣе рѣки Быстрицы, на западѣ по горному хребту Пинду, и затѣмъ по Албанскому хребту, тянущемуся километровъ на 20 къ западу отъ Охридскаго озера и рѣки Черный Дринь. Такимъ образомъ македонскіе народники вводили въ область Македоніи значительную часть нынѣшней Албаніи.

Карта Павле Чуповскаго не можетъ претендовать на особую авторитетность. Но вполне авторитетной карты не существуетъ вовсе.

которыхъ къ тому или иному славянскому племени составляетъ и посейчасъ предметъ ожесточенныхъ споровъ между политиками и филологами различныхъ школъ.

Филологи и политики болгарскіе доказываютъ, что славяне, населяющіе Македонію, принадлежатъ къ болгарскому племени; что ихъ языкъ, хотя онъ и не вполне совпадаетъ съ болгарскимъ и включаетъ въ себя нѣкоторые сербскіе элементы, но долженъ быть признанъ несомнѣннымъ нарѣчіемъ болгарскаго языка; что македонскіе славяне чувствуютъ себя болгарами, еще до турецкой войны стремились и стремятся и сейчасъ къ политическому воссоединенію съ Болгаріей.

Филологи и политики сербскіе болѣе крайняго направленія настаиваютъ на томъ, что языкъ, если не всей, то по крайней мѣрѣ западной Македоніи (на которую Сербія только и претендовала), есть нарѣчіе сербскаго языка; что обычаи у македонцевъ и въ частности празднованіе славы*), неизвѣстное другимъ народамъ, тоже сближаетъ ихъ съ сербами; что эти западные македонцы до 1912 г. стремились соединиться съ Сербіей, а послѣ 1912—13 были очень счастливы, что такое соединеніе совершилось. Ученые и политики болѣе осторожные (Цвѣичъ, Беличъ) довольствуются болѣе скромнымъ утвержденіемъ: македонскіе славяне представляютъ изъ себя народность промежуточную

---

*) Слава — нѣчто въ родѣ именинъ, но не отдѣльнаго лица, а именинъ цѣлой семьи или даже цѣлаго рода, причемъ чувствуется память святого, покровителя данной семьи; празднованіе ея состоитъ въ богослуженіи на дому у празднующаго ее съ особымъ освященіемъ особаго «колива» (кулича) и въ пиршествѣ. «Гдѣ слава, тамъ сербы; гдѣ сербы — тамъ слава», — такой принципъ устанавливаютъ сербскіе этнографы для опредѣленія границъ сербской народности. Критерій врядъ ли, однако, можетъ быть принятъ безусловно. По крайней мѣрѣ въ Болгаріи имѣются мѣстности, куда зашелъ обычай славы, но было бы странно предъявлять на этомъ основаніи политическія притязанія на нихъ.

между болгарами и сербами, лишенную яснаго національнаго сознанія, стремившуюся въ турецкое время освободиться отъ турецкой власти, но не имѣвшую опредѣленныхъ политическихъ и національныхъ симпатій; послѣ войны 1913 года западные македонцы были совершенно довольны фактомъ присоединенія къ Сербіи. Такъ говорятъ эти политики*). Правда, сознаются они, македонскіе славяне въ силу историческихъ условій часто называютъ себя бугарами, но «подъ названіемъ бугары не скрывается никакого національнаго самосознанія»**).

Большая часть русскихъ ученыхъ, конечно, тоже не безусловно чуждыхъ политическихъ пристрастій, обыкновенно склонялась въ пользу болгарскаго рѣшенія филологическаго вопроса. Такъ напр., проф. Флоринскій на изданной имъ въ 1911 г. въ Кіевѣ извѣстной «Этнографиче-

---

*) А. Беличь. «Сербы и болгары въ Балканскомъ союзѣ». Петрогр. 1913. стр. 70.

***) Форма бугаринъ—сербская; по-болгарски то же имя звучитъ нѣсколько иначе: българинъ. На этомъ различіи произношенія строятся различные выводы. Македонскіе славяне по большей части (хотя не всегда) произносятъ «бугаринъ». Сербы видятъ въ этомъ доказательство того, что болгарское ихъ происхожденіе является сомнительнымъ: не даромъ же они даже собственное имя своей народности произносятъ по-сербски; а если они называютъ—или лучше сказать—называли себя бугарами, то для этого имѣется нѣсколько причинъ: этою кличкою македонскіе славяне еще въ первую половину XIX вѣка спасали себя отъ преслѣдованій со стороны турокъ, такъ какъ сербы тогда подняли возстаніе противъ турокъ, и имя «сербъ» являлось въ глазахъ турокъ синонимомъ слова «революціонеръ», а болгары въ то время были спокойны. Позднѣе (съ 1870) это имя обозначало не только народность, и даже не столько народность, сколько принадлежность къ экзархистской (болгарской) церкви. Наконецъ оно могло явиться результатомъ болгарской пропаганды, навязавшей населенію чуждыя его этнографическому происхожденію національныя стремленія. Такъ сербы объясняютъ это наименованіе. Ср. Беличь, стр. 40 и сл.]

ческой картѣ западнаго славянства и западной Руси» окрашиваетъ почти всю Македонію тою же краской, что и Болгарію, и только сѣверо-востокъ ея (округа Ускюбскій, отчасти Тетовскій и Кумановскій) признаетъ въ этнографическомъ отношеніи сербскими*).

Наконецъ, немногочисленная македонская интеллигенція**) настаиваетъ на томъ, что македонское нарѣчіе, близкое къ болгарскому и сербскому, пожалуй, промежуточное между ними, но ни въ какомъ случаѣ не тождественное съ ними, представляетъ изъ себя самостоятельный македонскій языкъ, и македонцы—самостоятельную македонскую народность славянскаго происхожденія.

Статистика въ турецкія времена была ниже всякой критики, и потому распредѣленіе населенія Македоніи по этнографическимъ группамъ, дававшееся изслѣдователями, совершенно зависѣло отъ политическихъ убѣжденій авторовъ. Вотъ характерный примѣръ:

Населеніе Македоніи по даннымъ:

	болгарской статисти- ки (Кон- човъ, 1900).	сербской статисти- ки (Гопче- вичъ 1889).	греческой статисти- ки (Деліанисъ, 1904), (безъ Кос- совскаго вил.).
Болгары	1.181.336	57.600	332.162
Сербы	700(!)	2.048.320(!)	—
Албанцы	128.711	165.620	—
Турки	499.204	231.400	634.017

*) Округа—административное дѣленіе нынѣшней сербской Македоніи — совершенно не совпадаютъ и гораздо меньше турецкихъ вилайетовъ. Всѣ названные здѣсь округа — Ускюбскій, Тетовскій, Кумановскій и еще нѣкоторые др., входятъ въ составъ бывшаго Коссовскаго (Ускюбскаго) вилайета.

**) Въ томъ числѣ тѣ «македонскіе народники», которые издавали «Голосъ Македонца» и напечатали упомянутую выше карту.

Населеніе Македоніи по даннымъ:

	болгарской статисти- ки (Кон- човъ 1900).	сербской статисти- ки (Гопче- вичъ 1889).	греческой статисти- ки (Деліанисъ 1904), (безъ Кос- совскаго вил.).
Куцовлахи . . .	80.767	69.665	25.101
Евреи	67.840	64.645	53.147
Цыгане	54.557	28.730	8.911
Греки	228.702	201.140	652.795
Разные	16.407	3.500	18.685
Итого	2.258.224	2.870.620	1.724.818 ¹⁾

III.

Уже много лѣтъ безпрестанныя возстанія въ Македоніи говорили о сильномъ недовольствѣ ея населенія своимъ положеніемъ. Причины недовольства лежали во-первыхъ, въ той неурядицѣ, которая сопровождала турецкій режимъ, — въ полномъ отсутствіи безопасности личности и культурнаго прогресса, а во-вторыхъ—и это всего важнѣе,—въ аграрныхъ условіяхъ. Македонія, страна по преимуществу земледѣльческая, страдала отъ вопіющаго малоземелья. Почти вся земля принадлежала крупнымъ землевладѣльцамъ, каковыми являлись почти исключительно турки (или, по крайней мѣрѣ, мусульмане), а крестьяне, по большей части славяне, не имѣя возможности вести хозяйство на своихъ карлико-

*) Сопоставленіе трехъ таблицъ сдѣлано въ изданіи: Dotation Carnegie pour la Paix internationale. «Enquête dans les Balkans. Rapport présenté aux directeurs de la Dotation par les membres de la Commission d'enquête». Парижъ, 1914, стр. 9, откуда я и беру эту таблицу, исправивъ только по подлиннику (по книгѣ Кончова «Македония, Етнография и статистика». София, 1900, стр. 289) опечатки, вкравшіяся въ первую графу таблицы Карнегійскаго института. Ср. напечатанную въ приложеніи таблицу распредѣленія населенія по вѣроисповѣданію и народности въ сербской Македоніи.

выхъ участкахъ, либо арендовали ее у крупныхъ землевладѣльцевъ, либо обрабатывали исполу, и кромѣ налоговъ въ пользу государства должны были отдавать землевладѣльцу треть, половину урожая, а то и больше, или же отбывали на ихъ поляхъ барщину, иногда равнявшуюся пяти днямъ въ недѣлю. По большей части они находились у хозяина въ неоплатномъ долгу, съ трудомъ выплачивали ему ростовщическіе проценты, и до полной уплаты долга не могли перейти къ другому хозяину. Такимъ образомъ, они были прочно прикрѣплены къ землѣ, если не прямымъ закономъ, то властью денегъ. Это безземелье или малоземелье и заставляло крестьянское славянство Македоніи съ завистью смотрѣть на сосѣднія Болгарію и Сербію, въ которыхъ вскорѣ послѣ освобожденія была произведена аграрная реформа, помѣщики экспропрированы, и земля передана въ собственность крестьянства.

Турецкая революція въ 1908 г. почти ничего не перемѣнила въ положеніи македонскаго крестьянства. Правда, она создала извѣстный внѣшній порядокъ, извѣстную безопасность личности, извѣстную свободу, нѣкоторое правосудіе. И порядокъ, и безопасность личности, и свобода и правосудіе,—все это было весьма относительно. Вали (губернаторы), каймакамы (исправники), кади (судьи),—вся вообще администрація, за немногими исключеніями, осталась прежняя, и хотя она была подчинена нѣкоторому контролю, ранѣе совершенно неизвѣстному, но быстро перемѣнить всѣ приемы управленія младотурецкое правительство не сумѣло, отчасти потому, что, какъ мы увидимъ дальше, его дѣятельность сильно затруднялась политикой сосѣднихъ балканскихъ государствъ, а главнымъ образомъ потому, что опоры для своей власти оно искало не въ славянахъ, а въ туркахъ, т. е. господствующемъ классѣ страны.

Но даже тотъ незначительный прогрессъ, который былъ сдѣланъ при немъ, народныя массы Македоніи ощущали не только съ его положительной, но и съ его отрицательной стороны. Когда въ Турціи не было свободы и не было порядка, была все же инстанція, куда можно было жаловаться на эксплуатацію и жестокость помѣщика; этой инстанціей былъ ятаганъ, ружье, красный пѣтухъ, революціонная чета (или комита, какъ она называлась на Балканахъ, отъ слова комитетъ). Помѣщики хорошо знали, что они ходятъ по раскаленной почвѣ, рѣдко жили въ своихъ чифликахъ (помѣстьяхъ), предпочитая проживать свои доходы (обыкновенно, впрочемъ, довольно скудные) въ Константинополѣ или Салоникахъ. И это оказывалось для сельяковъ выгоднымъ. Революціонная комита была, такимъ образомъ, какъ бы тайнымъ правительствомъ; оно, конечно, имѣло свои очень темныя стороны не только для турецкихъ помѣщиковъ, но и для славянскаго населенія, но все-таки оно вело упорную борьбу съ правительствомъ явнымъ и до нѣкоторой степени смягчало тяжесть крѣпостной или полукрѣпостной зависимости.

Но вотъ произошла революція, и началась преобразовательная работа. Амнистія обратила вчерашнихъ четниковъ, годы и десятки лѣтъ жившихъ въ нелегальномъ положеніи, всѣхъ этихъ Санданскихъ, Кантарджіевыхъ и др.—въ полноправныхъ гражданъ Оттоманской имперіи; они свободно и открыто появлялись въ константинопольскихъ кафэ и вели дѣятельную агитацію: издавали газеты, устраивали многолюдные митинги и т. д. Но дѣятельность революціонныхъ комитъ была сильно затруднена съ улучшеніемъ полиціи, и ихъ значеніе, какъ революціоннаго правительства, оказалось сильно ослабленнымъ, хотя и не уничтоженнымъ. Зато отрицательное ихъ значеніе, какъ разбойничьихъ шаекъ, сдѣлалось замѣтнѣе.

Условія жизни македонскаго народа сильно осложнялись сосѣдствомъ съ маленькими балканскими государствами, имѣвшими свои интересы и преслѣдовавшими свои политическія цѣли въ Македоніи.

Болгарія стремилась присоединить къ себѣ всю Македонію, опираясь на признаваемую ею этнографическую принадлежность македонскихъ славянъ къ болгарской народности; Сербія готова была отдать восточную Македонію болгарамъ, но стремилась къ захвату западной; Греція предъявляла притязанія на южную Македонію. При этомъ городъ Салоники являлся лакомымъ кускомъ для всѣхъ. Такимъ образомъ, для болгаръ Македонія представляла изъ себя нѣчто цѣлое и недѣлимое, долженствовавшее принадлежать имъ; греки и сербы стремились къ ея раздѣлу.

Причина этихъ притязаній ясна. Долина рѣки Вардара, т. е. западная часть Македоніи, составляетъ часть великой дороги изъ Европы къ Эгейскому морю, и власть надъ ней въ высшей степени важна для всякаго близлежащаго государства, развивающаго свою обрабатывающую промышленность, стремящагося къ торгово-промышленному расширенію. Что же касается этнографіи и филологіи, то онѣ, разумѣется, болѣе или менѣе удовлетворительно исполняли свои обязанности на службѣ у имперіалистскихъ вожделѣннй государствъ, вступившихъ на дорогу капиталистическаго развитія.

Симпатіи македонской революціонной интеллигенціи, естественно дѣлились между тремя державами: одни для освобожденія Македоніи искали опоры въ Болгаріи и были готовы заплатить за нее политической независимостью своей родины, другіе—въ Сербіи или Греціи, соглашаясь пожертвовать не только независимостью, но и единствомъ и цѣлостью страны.

Державы, мечтавшія о захватѣ всей ли Македоніи, или значительной ея части въ свою пользу, считали нужнымъ различными способами поддерживать македонское движеніе, но, конечно, только то его теченіе, отъ котораго можно было бы ожидать помощи въ будущей революціи или въ будущей войнѣ. Поэтому болгары вели въ Македоніи болгарскую пропаганду, сербы—сербскую, греки—греческую. Они содержали тамъ свои учебныя заведенія, поддерживали церковь, субсидировали свои газеты и т. д., и не скупились на поддержку революціонныхъ комитѣ.

Поддержка давала македонскимъ революціонерамъ,—и не къ ихъ выгодѣ,—совершенно особый обликъ. Далекое не всегда это были тѣ герои долга и идеи, которыхъ знаетъ революціонная исторія другихъ странъ и которыхъ знаетъ даже исторія самихъ Болгаріи, Сербіи, Греціи; это были должностныя лица на службѣ сосѣднихъ государствъ, твердо расчитывавшія не только на безопасное убѣжище въ случаѣ преслѣдованія, но и на матеріальную поддержку.

Только небольшая часть активныхъ македонскихъ революціонеровъ не принадлежала ни къ одному изъ этихъ трехъ теченій. Не вѣря въ безкорыстіе ни Болгаріи, ни Сербіи, ни Греціи, она сильно боялась насильственного присоединенія Македоніи къ одной изъ нихъ, и еще сильнѣе—возможнаго, даже вѣроятнаго ея раздѣла между ними. Она еще задолго до 1908 г. писала на своемъ знамени: «Македонія для македонцевъ» и мечтала объ образованіи изъ нея особаго государства, или хотя бы автономной провинціи Турецкой имперіи (по образцу существовавшей въ 1878—85 гг. Восточной Румелии). И лишь на худой конецъ она соглашалась на присоединеніе къ Болгаріи, такъ какъ только Болгарія въ силу географическихъ условій могла получить и удержать въ своей власти всю страну, тогда какъ ея соперницы мечтали о раздѣлѣ.

У македонскихъ автономистовъ, какъ мы видѣли, были тоже свои этнографическія и филологическія основанія; правда, у нихъ не было собственного университета и собственныхъ профессоровъ на жалованьи, и потому ихъ этнографія и филологія исполняли свои служебныя обязанности гораздо хуже, чѣмъ филологія сербская или болгарская. Но энергіи, героизма, убѣжденности въ ихъ борьбѣ за свободу было отъ этого не меньше. И они едва-ли не дольше и не лучше, чѣмъ участники другихъ революціонныхъ теченій, играли роль тайнаго правительства въ соціальной борьбѣ между крестьянствомъ и помѣщиками, ибо только у нихъ была ясная и выработанная аграрная программа: земля—народу, которая доминировала надъ программой политической, тогда какъ у революціонеровъ другихъ теченій было обратно.

До младотурецкой революціи 1908 г. македонскіе автономисты (или народники, иначе «внутренняя организація») мечтали объ образованіи особаго Македонскаго царства, независимаго отъ Турціи. Революція 1908 года вызвала у нихъ расколъ. Одна ихъ часть,—и во главѣ ея наиболѣе благородный изъ дѣятелей македонскаго движенія, недавно убитый Санданскій,—повѣрила въ прогрессъ Турціи, начала проводить своихъ сторонниковъ въ турецкій парламентъ и искать союзниковъ среди другихъ народностей, населяющихъ Турецкую имперію, выставляя программу: аграрная реформа; автономія Македоніи, какъ турецкой провинціи; обращеніе Турціи въ федеративное государство. Но борьба за осуществленіе этой программы должна была вестись исключительно въ рамкахъ турецкаго государства.

Другая часть оказалась проникательнѣе, съ самаго начала отнеслась скептически къ турецкой свободѣ и турецкому парламентаризму; и по-прежнему вѣрила въ революціонные способы борьбы, но по-прежнему мечтала о самостоятельной Македоніи, а не о Македоніи болгарской; тѣмъ

болѣе не о ея раздѣлѣ. Года черезъ два—въ 1910 или 1911—и Санданскій со своими сторонниками убѣдился въ ихъ правотѣ *).

IV.

29 февраля 1912 г. между Сербіей и Болгаріей былъ заключенъ договоръ, предопредѣлившій раздѣлъ Македоніи.

Договоръ по точному смыслу своего текста имѣлъ исключительно оборонительный характеръ, но зато онъ былъ договоромъ самой тѣсной дружбы и союза. Болгарія и Сербія обязались начинать войну безпрекословно, лишь только одна изъ нихъ усмотритъ въ какомъ-либо дѣйствіи Турціи посягательство на свои интересы. Но въ секретномъ приложеніи говорилось уже о наступательныхъ дѣйствіяхъ, которыя должны быть предприняты по соглашенію обѣихъ державъ, а если соглашеніе не состоится, то и по желанію одной изъ нихъ, если только Россія признаетъ ея соображенія правильными. Такимъ образомъ, договоръ имѣлъ въ дѣйствительности явно наступательный характеръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ война была начата.

Что касается Македоніи, ради которой собственно заключался договоръ, то въ секретномъ приложеніи къ нему ея будущность рисовалась въ такомъ видѣ:

«Если обѣ стороны получатъ увѣренность, что устройство Македоніи въ видѣ отдѣльной автономной провинціи невозможно въ общихъ интересахъ народностей—болгарской и сербской,— или по другимъ причинамъ внутренняго или внѣшняго характера, то съ нею будетъ поступлено слѣдующимъ образомъ».

---

*) Впрочемъ и раньше Санданскій не особенно твердо вѣрилъ въ турецкую свободу, и его туркофильство, за которое онъ не разъ слышалъ обвиненіе въ предательствѣ и измѣнѣ (на Балканахъ этимъ обвиненіемъ швыряютъ вообще съ изумительной легкостью), никогда не было особенно глубокимъ. См. ниже очеркъ, посвященный Санданскому.

Продольной линіей, идущей съ нѣкоторыми изгибами съ сѣверо-востока на юго-западъ отъ Кривой Паланки къ Охридѣ, Македонія была раздѣлена на двѣ части: сѣверо-западную съ городами Ускюбъ (Скопье), Куманово, Тетово, Дебаръ (Дибра), и юго-восточную съ городами: прежде всего—Салоники, а затѣмъ Велесъ, Штипъ, Кочана, Монастырь (Битоль), Охрида, Прилѣпъ, Струмица, Кукушъ и др.

Сербія обязалась не выставлять никакихъ требованій относительно юго-восточной Македоніи. «Болгарія же обязуется принять указанную границу (между сѣверо-вост. и юго-зап. Македоніи), если Е. В. Императоръ Всероссійскій, въ качествѣ высшаго арбитра въ этомъ вопросѣ, выскажется въ пользу этой границы. Само собой разумѣется, что обѣ договаривающіяся стороны обязуются принять, какъ окончательную границу, ту черту, которую Государь Императоръ найдетъ наиболѣе отвѣчающей правамъ и интересамъ обѣихъ сторонъ въ указанныхъ выше предѣлахъ».

Договоръ вмѣстѣ съ секретнымъ приложеніемъ къ нему долженъ быть сообщенъ русскому правительству съ просьбою «ходатайствовать передъ Е. В. Императоромъ о принятіи и одобреніи тѣхъ функцій, которыя намѣчены для Него и для Его правительства статьяи этихъ двухъ актовъ».

Наконецъ, въ статьѣ 4-й прибавлено, что всякое разногласіе, которое могло бы возникнуть относительно истолкованія или осуществленія этой статьи договора, должно быть передано на окончательное рѣшеніе Россіи по требованію хотя бы одной стороны.

Смысль этихъ статей, кажется, не подлежитъ сомнѣнію: образуется безспорная болгарская зона,—юго-восточная Македонія, и спорная зона,—сѣверо-западная Македонія (Ускюбъ, Куманово, Тетово и т. д.), которая и подлежитъ арбитражу Русскаго Императора.

Безспорно сербской признавалась область, лежащая къ сѣверу и къ западу отъ Шаръ-Дага, слѣдовательно, такъ называемая или—лучше сказать—такъ называвшаяся Старая Сербія, и сѣверная половина Албаніи. Во всякомъ случаѣ, не Македонія.

Несмотря на нѣсколько, какъ бы нарочно, запутанный языкъ договора, иного толкованія быть не можетъ. «Сербія обязуется не выставлять никакихъ требованій»—совершенно ясно, что никакой арбитръ не можетъ присудить сторонѣ больше того, что она сама требуетъ, а Сербія обязуется не требовать себѣ ничего за границей Кривая Паланка—Охрида. И, словно опасаясь, что эти слова еще оставляютъ лазейку для иного толкованія, договоръ прибавляетъ, что окончательная граница должна быть установлена Государемъ Императоромъ «въ указанныхъ выше предѣлахъ» *).

Тѣмъ не менѣе споръ объ истолкованіи договора возникъ уже съ перваго дня войны съ Турціей, при чемъ Сербія, опираясь на статью 4-ю секретнаго договора, что «*всякое разноласіе*, которое могло бы возникнуть относительно истолкованія какой-либо статьи договора», подлежитъ арбитражу Россіи, настаивала на томъ, что безспорной зоны договоромъ вовсе не установлено, и арбитру предлагается провести границу, гдѣ только онъ найдетъ нужнымъ. Очевидно, что сербскія притязанія на безспорную зону, основанныя на этой статьѣ, были совершенно неосновательными, чтобы не сказать больше.

Безспорной указанная юго-восточная часть Македоніи являлась, конечно, только для двухъ договаривающихся сторонъ, такъ какъ договоръ 29 февраля не предусматри-

---

*) Изъ авторитетныхъ знатоковъ Балканскаго вопроса такъ понимаетъ этотъ договоръ и П. Н. Милуковъ; да иначе понимать его и нельзя. Однако, въ Сербіи мнѣ постоянно говорили, что я принимаю «болгарское» его толкованіе.

валь и не предупреждалъ претензій Греціи. А между тѣмъ обѣ стороны,—и Болгарія, и Сербія,—прекрасно знали, что въ предстоящей войнѣ имъ не обойтись безъ Греціи, и, слѣдовательно, надо было удовлетворить чѣмъ-нибудь и ее. Но Сербія, видимо, предоставляла Болгаріи инициативу соглашенія съ Греціей, и ей же предоставляла установить принципы будущаго раздѣла македонскихъ земель въ тѣхъ предѣлахъ, отъ притязанія на которыя она заранѣе категорически отказалась.

Договоръ между Болгаріей и Греціей, называвшійся «оборонительнымъ союзнымъ договоромъ», былъ заключенъ черезъ 2¹/₂ мѣсяца послѣ договора болгаро-сербскаго, 16 мая того же 1912 года. Мирная фразеологія въ немъ была развита въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ въ договорѣ сербо-болгарскомъ, но за нею точно также скрывалось взаимное обязательство вмѣстѣ начать войну съ Турціей. Ни одного слова о будущемъ раздѣлѣ завоеванныхъ территорій въ ней не было сказано.

* Исторія когда-нибудь выяснитъ причины того страннаго явленія, что двѣ державы, заключая явно наступательный договоръ противъ Турціи, явно стремясь къ пріобрѣтенію новыхъ земельныхъ владѣній, не позаботились предварительно разграничить свои интересы и взаимно выяснитъ другъ другу свои территоріальныя притязанія, и такимъ образомъ открыли полнѣйшій просторъ для произвольныхъ толкованій и недоразумѣній. Времени для выясненія взаимныхъ претензій, казалось, было достаточно: «оборонительный договоръ» заключался болѣе, чѣмъ за четыре мѣсяца до открытія военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, конфликтъ между Болгаріей и Греціей былъ неизбѣженъ, и ничего не было сдѣлано, чтобы его предупредить.

Столь же неизбѣженъ былъ и конфликтъ съ Сербіей. Во всякомъ случаѣ, обѣ стороны заключили свой договоръ съ задней мыслью. Сербское правительство, чуть ли не на

другой день послѣ заключенія договора, начало дипломатическія попытки, чтобы приготовить присоединеніе къ Сербіи не только всей спорной, но даже части безспорной болгарской зоны *).

Въ октябрѣ 1912 года началась война съ Турціей. Успѣхъ, сопровождавшій оружіе балканскихъ союзниковъ, далеко превзошелъ самыя пылкія надежды, и уже во время перемирія въ декабрѣ 1912 и январѣ 1913 г. Турція соглашалась отдать союзникамъ все то, о чемъ говорилось въ договорѣ 29 февраля, и даже гораздо больше. Но аппетиты разгорѣлись. Болгары потребовали Адрианополь, на который ихъ національныя притязанія ранѣе не распространялись; Греція тоже не хотѣла удовлетвориться уже сдѣланными завоеваніями. Поэтому предложенія Турціи приняты не были, война началась снова, и союзникамъ удалось получить все то, на что они начали изъявлять притязанія лишь послѣ первыхъ головокружительныхъ успѣховъ.

Черезчуръ блестящая побѣда оказалась губительной для нихъ самихъ. О возможности образовать изъ Македоніи автономную область, о чемъ упоминалось въ договорѣ 29 февраля, всѣ какъ-то сразу забыли. Рѣчь шла исключительно о раздѣлѣ. Но подѣлить всѣ завоеванныя земли мирно, хотя бы посредствомъ арбитража, стало уже психологически невозможнымъ. Болгары настаивали на раздѣлѣ Македоніи, но по договору 29 февраля.

Сербы возражали, что болгары получили гораздо больше, чѣмъ они могли ожидать, тогда какъ они, напротивъ, не получили выхода къ Адриатическому морю черезъ Албанію,

---

*) См. секретный циркуляръ сербскаго правительства къ дипломатическимъ агентамъ отъ 15 сент. 1912 г., изложенный Милюковымъ въ «Рѣчи» 6 ноября 1914 г. и Гешовымъ въ книгѣ «Балканскій Союзъ» (Петрогр. 1915), а также документы, напечатанные въ русской Оранжевой книгѣ 1914 года подъ №№ 134 и сл.

отнятому у нихъ благодаря вмѣшательству Австро-Венгріи. На этомъ основаніи они требовали, чтобы договоръ 29 февраля 1912 г. былъ оставленъ въ сторонѣ, и арбитражъ предоставленъ рѣшенію вопроса во всемъ его объемѣ. Болгары указывали, что они сдѣлали гораздо больше, чѣмъ должны были въ силу военной конвенціи; сербы указывали на то, что они помогли болгарамъ подъ Адрианополемъ, чего они не были обязаны дѣлать; болгары старались ослабить размѣры и значеніе сербскихъ услугъ; обѣ стороны тщательно подсчитывали понесенныя ими жертвы и настаивали на раздѣлѣ чуть ли не пропорціонально числу солдатскихъ труповъ обѣихъ народностей, или же фактически произведенныхъ ими завоеваній. Теперь уже говорилось о завоеваніяхъ и завоеванныхъ обѣими сторонами территоріяхъ Старой Сербіи, Македоніи, Фракіи, а о земляхъ освоенныхъ никто не заикался. О томъ, чтобы спросить населеніе завоеванныхъ земель, ради котораго будто бы велась война, обѣ стороны никто не заикался.

Въ маѣ 1913 г. въ Петербургъ пріѣхали бѣлградскій профессоръ Беличъ и софійскій профессоръ Шишмановъ, чтобы вести агитацію въ русскомъ обществѣ одинъ за сербское рѣшеніе вопроса, другой—за болгарское. Въ «Обществѣ Славянскаго Научнаго Единенія» было устроено нѣсколько публичныхъ собраній, на которыхъ противники выступили передъ русской публикой съ изложеніемъ своихъ точекъ зрѣнія и съ взаимными обвиненіями. Оба усиленно ссылались на договоръ 29 февраля (который тогда еще не былъ опубликованъ и никому не былъ извѣстенъ въ подробности), обвиняя одинъ—болгаръ, другой—сербовъ въ его нарушеніи; оба опирались на филологическіе аргументы, оба говорили о національныхъ идеалахъ, политическихъ и экономическихъ интересахъ Сербіи и Болгаріи, и оба упорно игнорировали настроенія и желанія мѣстнаго македонскаго населенія. Имъ обоимъ возражали находившіеся

въ Петербургѣ македонцы, а также нѣкоторые русскіе, и собранія обращались въ ожесточенную борьбу различныхъ интересовъ и симпатій. Но когда нѣкоторыми русскими подъ апплодисменты македонцевъ было высказано пожеланіе, чтобы былъ произведенъ опросъ македонскаго населенія, то обѣ враждующія стороны объединялись въ одномъ чувствѣ негодованія или презрѣнія:

— Плебисцитъ? Это нереальная политика.

— Я съ своей стороны, говорилъ Беличъ, согласился бы на плебисцитъ, такъ какъ увѣренъ въ его благопріятномъ исходѣ для насъ (сербовъ), — но вѣдь это нереальная политика.

Шишмановъ, только что ожесточенно нападавшій на Белича, на этотъ разъ присоединился къ нему.

— Я съ своей стороны ничего не имѣю противъ плебисцита и совершенно увѣренъ въ благопріятномъ для насъ (болгаръ) его исходѣ, но вѣдь это несерьезное предложеніе; это благодущная утопія мечтателей.

Итакъ—обѣ стороны были увѣрены въ благопріятномъ исходѣ плебисцита, обѣ съ своей стороны были на него согласны, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ не согласны.

По временамъ, однако, идея плебисцита выдвигалась болѣе или менѣе авторитетными руководителями балканской политики.

Такъ, шовинистская греческая печать предлагала его устроить въ Янинѣ (гдѣ она дѣйствительно имѣла всѣ основанія вѣрить въ его благопріятный исходъ), благоразумно умалчивая о плебисцитѣ въ спорной и сомнительной Македоніи. А сербскій премьеръ Пашичъ сказалъ въ скупщинѣ 15 мая 1913 г., что если при опредѣленіи сербско-черногорской границы между правительствами не будетъ полного согласія, то нужно будетъ прибѣгнуть къ плебисциту (онъ сказалъ: референдуму, но, очевидно, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употребляется слово плебисцитъ).

Такимъ образомъ опросъ народа съ точки зрѣнія греческаго или сербскаго правительства признавался возможнымъ и желательнымъ тамъ, гдѣ онъ былъ выгоденъ или безопасенъ для нихъ, но ни въ какомъ случаѣ не тамъ, гдѣ онъ могъ привести къ непріятнымъ результатамъ; тамъ онъ—нереальная политика.

Реальная политика балканскихъ королей и пюдерживавшихъ ихъ круговъ не могла согласиться на шлебисцитъ въ широкихъ размѣрахъ именно потому, что война съ Турціей велась не ради освобожденія страждущихъ братьевъ, хотя о немъ говорилось очень много, а ради территориальныхъ захватовъ. Поэтому рѣшить споръ можно было только оружіемъ, и на мирный исходъ дипломатическихъ переговоровъ надежда была очень слаба. Однако они велись въ іюнѣ 1913 г. Сербы пошли на уступки и согласились на передачу спора на основѣ договора. Тогда военная партія въ Болгаріи, во главѣ которой стоялъ помощникъ главнокомандующаго, генералъ Саввовъ, и самъ главнокомандующій, т. е. царь болгарскій Фердинандъ, вопреки желанію собственнаго правительства, начали военныя дѣйствія нападеніемъ на сербскія войска. Министерство Данева протестовало противъ этого, приказало Саввову прекратить начатое сраженіе и отступить, добилось его отставки и послало извиненія въ Бѣлградъ. Но военная партія въ Сербіи, которая съ великимъ неудовольствіемъ смотрѣла на уступчивость сербскаго премьера Пашича, воспользовалась благопріятнымъ моментомъ, не пожелала принять извиненія болгарскаго министерства, и сраженіе продолжалось *).

---

*) Я не вижу необходимости подробно излагать здѣсь ходъ дипломатическихъ переговоровъ между Болгаріей и Сербіей, тѣмъ болѣе, что тутъ много еще неяснаго. Что касается до начала военныхъ дѣйствій, то я основываюсь, главнымъ образомъ, на двухъ книгахъ бывшаго болгарскаго премьера Гешова «Прѣступното бе

Такъ началась война между вчерашними друзьями и союзниками. Война «братоубійственная» послѣдовала за войной «освободительной», причемъ Турція помогала одной изъ «освободительницъ» противъ другой. Послѣ пораженія Болгаріи былъ въ Бухарестѣ въ іюлѣ 1913 г. произведенъ раздѣлъ завоеванныхъ земель, и въ результатѣ Болгарія потеряла въ пользу Румыніи всю болгарскую часть Добруджи (съ населеніемъ въ 286.000 жит.), а взамѣнъ пріобрѣла жалкій клочекъ Македоніи съ городомъ Струмицей и значительную часть Эракіи съ эгейскимъ портомъ Дедеагачъ, но безъ Адріанополя и безъ середины желѣзнодорожной линіи, соединяющей новыя владѣнія Болгаріи со старыми — Дедеагачъ съ Филиппополемъ и Софіей*). Населеніе новопріобрѣтенныхъ болгарскими земель равняется всего 416.000 жит., такъ что въ общемъ она увеличила численность своего населенія на 130.000 душъ, — цифра значительно меньшая, чѣмъ число убитыхъ въ обѣихъ войнахъ. Сербія, помимо земель къ сѣверу отъ хребта Шаръ-Дагъ, т. е. такъ называемой Старой Сербіи, полу-

---

зуміе» (Софія 1914) и «Балканскій союзъ» (Петроградъ, 1915), который цѣликомъ возлагаетъ отвѣтственность за начало военныхъ дѣйствій на царя Фердинанда и ген. Саввова. «Кабинетъ Данева (замѣнившій кабинетъ Гешова въ концѣ мая 1913 г.), говоритъ онъ, единодушно рѣшилъ принять арбитражъ. И вопреки этому единодушному рѣшенію болгарскаго правительства и безъ его вѣдома 16 іюня, по приказанію болгарскаго верховнаго командованія, 2 и 4 арміи напали на нашихъ союзниковъ... Какъ бы исторія ни осудила этотъ преступный актъ, она должна признать, что балканскій народъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за него... Этотъ народъ не отвѣтствененъ за преступное безуміе». (Балк. Союзъ, стр. 69). Разсказъ Гешова вполне подтверждается всѣми опубликованными до сихъ поръ документами.

*) Эту часть желѣзнодорожной линіи вмѣстѣ съ пригородами Адріанополя Болгарія получила по соглашенію съ Турціей въ сентябрѣ 1915 г., и эта уступка была цѣною вступленія Болгаріи въ войну.

чила всю спорную зону Македоніи и значительную часть безспорной болгарской зоны съ городами Охрида, Монастырь (Битоль), Прилѣпъ, Велесъ, Гевгели, Штипъ, Кочаны и др., всего съ общимъ населеніемъ въ 1.442.000 жит. (Старая Сербія—492.000, Македонія—950.000). Греція получила южную часть Македоніи съ Салониками, Драмой, Кавалой и т. д., остававшуюся до того подъ турецкой властью часть Эссалии, Критъ, Самось и т. д., съ населеніемъ всего въ 1.700.000 чел.

V.

Итакъ, Македонія была разрѣзана по живому тѣлу между тремя государствами. Что ея населеніе не могло смотрѣть съ особымъ сочувствіемъ на своихъ освободителей, доказывалось уже тѣмъ фактомъ, что ни одна изъ державъ-завоевательницъ не сочла возможнымъ не только спросить его о желательности такого раздѣла, но даже немедленно распространить на новоприсоединенныя земли дѣйствіе своей конституціи и предложить имъ послать своихъ депутатовъ въ ея парламентъ. Первая это сдѣлала Болгарія, но при совершенно исключительныхъ условіяхъ, бросающихъ на это событіе совсѣмъ особый свѣтъ. Въ выборахъ въ палату депутатовъ, имѣвшихъ мѣсто въ ноябрѣ 1913 года, новопріобрѣтенныя земли участія не принимали. И выборы дали правительству Радославова лишь меньшинство. Оно отвѣтило новымъ роспускомъ палаты, министерскимъ декретомъ распространило политическія права на пріобрѣтенныя земли и произвело въ нихъ выборы подъ тѣмъ полицейскимъ давленіемъ, которое въ прежней Болгаріи уже отошло въ область прошлаго, но въ новоприсоединенныхъ земляхъ оказалось возможнымъ. Эти земли дали министерству желательныхъ депутатовъ, и только они создали ему незначительное большинство въ палатѣ. Гре-

ція дала політичєскія права Криту немедленно, но Македоніи только черезъ два года, весной 1915 г., и, вѣроятно, тоже только потому, что правительству Гунариса было тамъ легче фальсифицировать выборы, чѣмъ въ старой Греціи, въ которой господствовала партія Венизелоса, враждебная министерству. Сербія не распространила политическихъ правъ на Македонію до конца, и только манифестъ королевича 15 декабря 1914 г. обѣщаль сдѣлать это послѣ войны.

Дня за три до опубликованія манифеста я имѣлъ случай бесѣдовать по этому поводу съ сербскимъ премьеромъ Николаемъ Пашичемъ.

— Македонія, сказалъ мнѣ Пашичъ, куплена цѣною крови, и мы ее не уступимъ даромъ. Она намъ нужна. Намъ нужна дорога въ Салоники, къ морю.

— Почему, спросилъ я, оказалось невозможнымъ образованіе въ Македоніи отдѣльнаго государства, предусмотрѣнное въ сербско-болгарскомъ договорѣ 29 февраля 1912 г.?

— Болгары не захотѣли. Мы ничего не имѣли противъ этого.

— Есть какой-нибудь оффиціальный документъ, удостоверяющій, что отвѣтственность за это лежитъ именно на Болгаріи, а не на Сербіи?

— Нѣтъ, такого документа нѣтъ. Это выяснилось въ переговорахъ нашихъ двухъ правительствъ, ведшихся въ началѣ 1913 г.

— А какъ смотритъ на дѣло населеніе завоеванной вами Македоніи? Почему вы не предложили болгарамъ рѣшить спорный вопросъ путемъ опроса населенія, плебисцита; а, кромѣ того, что вы уже сдѣлали для населенія, чтобы закрѣпить за Сербіей его симпатіи? Я позволяю себѣ поставить этотъ вопросъ именно въ такой рѣзкой формѣ потому, что я знаю о васъ не только то, что вы

министръ сербскаго короля, но также и то, что вы ученикъ М. А. Бакунина и другъ П. Л. Лаврова.

Это напоминаніе о грѣхахъ молодости было, видимо, крайне непріятно моему собесѣднику, и онъ довольно сухо возразилъ:

— Въ этомъ мѣстѣ (очевидно, въ помѣщеніи министерства) я могу говорить только, какъ министръ сербскаго народа.

Я не счелъ нужнымъ подчеркивать нѣкоторую нелогичность возраженія, ибо званіе, особенно въ той формѣ, въ которой Пашичъ пожелалъ признать его за собой, не исключало вѣрности демократическимъ завѣтамъ его учителей, — и попросилъ все таки дать отвѣтъ на мой вопросъ, хотя бы въ томъ единственномъ качествѣ, которое онъ соглашался сохранить за собой*).

---

*) Мое напоминаніе Пашичу о грѣхахъ его молодости вызвало въ «Русскихъ Запискахъ» (1915 № 2) возраженіе со стороны М. П. Сажина. Сажинъ утверждаетъ, что «Пашичъ никогда не былъ ученикомъ Бакунина, не былъ съ нимъ лично знакомъ, никогда съ нимъ не встрѣчался, отрицательно относился къ его ученію и къ его революціонной дѣятельности... Въ то время (начало 70-хъ гг.) Пашичъ не зналъ Лаврова... Вѣрованія Пашича были несравненно радикальнѣе взглядовъ Лаврова», хотя Пашичъ не былъ социалистомъ, а былъ политикомъ-радикаломъ.

Мое обращеніе къ Пашичу было не констатированіемъ точно провѣреннаго мною факта изъ его біографіи, а своего рода *argumentum ad hominem*, основаннымъ, конечно, на общемъ характерѣ юношескаго міровоззрѣнія Пашича; къ этому аргументу я прибѣгъ съ цѣлью добиться отвѣта на интересовавшій меня вопросъ,— такъ меня поняли и въ Сербіи, и въ Россіи, всѣ, съ кѣмъ только мнѣ ни приходилось говорить по этому поводу. Основывался же я исключительно на сообщеніяхъ знакомыхъ Пашича, которые говорили мнѣ объ его связяхъ съ Бакунинымъ и Лавровымъ, причемъ знакомство съ первымъ они относили къ цюрихскому періоду жизни Пашича, а съ Лавровымъ къ періоду его позднѣйшихъ поѣздокъ въ Парижъ.

— На плебисцитъ мы не могли согласиться потому, что при настоящихъ условіяхъ онъ могъ бы быть только комедіей. Что же касается дѣйствія сербской конституціи, то мы не распространяли его на Македонію потому, что тамъ, кромѣ славянъ, имѣется большое число грековъ, турокъ, албанцевъ, славянъ. Не можемъ же мы давать имъ право участвовать въ скупщинѣ и законодательствовать не только для себя, но и для насъ. Конечно, если бы у насъ выборы производились такъ, какъ въ Болгаріи, гдѣ каждое министерство прекрасно умѣетъ устраивать ихъ въ свою пользу, то мы легко могли бы получить въ Македоніи удобное для себя голосующее стадо, — но мы рѣшительно отказываемся отъ подобныхъ пріемовъ. Именно поэтому конституціи на Македонію мы не распространили и управляемъ ею посредствомъ министерскихъ декретовъ. Декретомъ мы же ввели тамъ, несмотря на краткость

Не имѣя основанія не довѣрять Сажину, который зналъ Пашича въ цюрихскій періодъ его и былъ близокъ съ Бакунинымъ, я охотно допускаю, что это свѣдѣніе, которому я не придавалъ особеннаго значенія, и котораго я, поэтому, не провѣрилъ, не вѣрно, и что, слѣдовательно, я сдѣлалъ ошибку. Но утвержденіе Сажина о молодомъ Пашичѣ, какъ о политическомъ радикалѣ, чуждомъ социализма, мнѣ кажется врядъ ли вполне соответствующимъ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ Скерличъ въ своей весьма авторитетной книгѣ о провозвѣстникѣ сербскаго социализма (Юван Скерлич «Светозар Маркович. Негов живот, рад и идеје». Београд, 1910) въ числѣ членовъ славянской секціи интернаціонала называетъ, правда съ вопросительнымъ знакомъ, и Пашича (стр. 82) и приводитъ письмо Пашича 1872 года, въ которомъ Пашичъ высказывается, какъ членъ сербской социалистической партіи (стр. 87).

Такимъ образомъ, если я ошибся, говоря о Пашичѣ, какъ объ ученикѣ Бакунина, то все таки я имѣлъ вполне достаточное основаніе противопоставлять прежнія убѣжденія Пашича факту присоединенія къ Сербіи полуторамилліоннаго народа безъ его опроса, — да это въ сущности признаетъ и Сажинъ, говоря о крайнемъ радикализмѣ Пашича, а главное, призналъ и самъ Пашичъ, какъ это, по моему, видно изъ его отвѣта на мое къ нему обращеніе.

имѣвшася въ нашемъ распоряженіи срока, общинное самоуправленіе.

— На тѣхъ же началахъ, которыя дѣйствуютъ въ Сербіи?

— Не совсѣмъ. Здѣсь председатели управъ избираются, тамъ они назначаются правительствомъ.

Такъ мнѣ сказалъ министръ - президентъ Пашичъ, и совершенно въ томъ же родѣ говорилъ министръ вн. дѣлъ Іовановичъ. Эти разговоры происходили 12 и 13 декабря.

А 15 декабря королевичъ Александръ опубликовалъ манифестъ, которымъ онъ обѣщалъ политическія права македонцамъ въ награду за доблесть, обнаруженную ими во время войны; первая очередная сессія скупщины по окончаніи войны, говорилось въ манифестѣ, разсмотритъ проектъ распространенія на Македонію сербской конституціи. Между словами Пашича и Іовановича съ одной стороны и манифестомъ королевича съ другой — непримиримое противорѣчіе. Министры говорятъ, что распространить дѣйствіе сербской конституціи на Македонію нельзя, а черезъ три дня королевичъ заявляетъ, что это будетъ сдѣлано, но заявляетъ въ манифестѣ, изданномъ имъ на правахъ главнокомандующаго, не контрасигнованномъ ни однимъ министромъ и, слѣдовательно, формально для нихъ не обязательномъ. Противорѣчіе было отмѣчено въ русской печати, когда я опубликовалъ въ газетѣ «День» свой разговоръ съ Пашичемъ, и также въ сербской социаль-демократической газетѣ «Радничке Новине», которая заимствовала его изъ моей корреспонденціи въ «Днѣ», снабдивъ его отъ себя такимъ ехиднымъ замѣчаніемъ:

«Противорѣчіе между словами Пашича и манифестомъ королевича ясно говоритъ о степени искренности, съ которой даются обѣщанія».

Я, однако, позволю себѣ высказать убѣжденіе, что манифестъ королевича, несмотря на его неконституціонную

форму, является вполне искреннимъ, и что обѣщаніе, данное въ немъ, будетъ исполнено, если Македонія останется за Сербіей. Гарантіей его исполненія является то общее сочувствіе, которое этотъ манифестъ встрѣтилъ въ Сербіи, и еще болѣе въ Македоніи, а можетъ быть еще больше то раздраженіе, которое онъ вызвалъ въ Болгаріи. Тамъ хорошо понимали,—и болгарская печать не скрывала этого,—что манифестъ вырываетъ почву изъ-подъ ногъ Болгаріи, что онъ обѣщаль закрѣпить Македонію за Сербіей и, слѣдовательно, лишитъ Болгарію возможности предъявить свои претензіи на Македонію. Очевидно, въ Болгаріи не сомнѣвались въ томъ, что конституціонныя права для сербской Македоніи должны явиться не способомъ предъявленія своихъ стремленій къ политическому сепаратизму, а, напротивъ, способомъ сліянія съ Сербіей *).

Не распространяя на Македонію до этого времени дѣйствія конституціи, сербское правительство, какъ мнѣ съ гордостью указали и Пашичъ, и министръ вн. дѣлъ Іовановичъ, даровало ей мѣстное самоуправленіе. Во время моего путешествія по Македоніи я, однако, имѣлъ возможность убѣдиться въ нѣсколько своеобразномъ харак-

---

*) Смягченный отголосокъ болгарскаго раздраженія въ русской печати можно найти въ статьѣ Викторова-Топорова «Балканская мозаика» въ «Сѣверныхъ Запискахъ», 1915, январь, стр. 129:

«Первымъ разочарованіемъ (для автора, думавшаго, что въ Сербіи назрѣло примирительное настроеніе, и что борющийся за свое національное объединеніе сербскій народъ начинаетъ признавать неправду Бухарестскаго договора и признавать національныя права болгаръ на Македонію) былъ сербскій манифестъ о томъ, что населеніе присоединенной къ Сербіи части Македоніи въ самомъ непродолжительномъ времени получить всѣ права, которыми пользуются граждане сербскаго королевства. Манифестъ этотъ, фактически равносильный аннексіи Македоніи къ Сербіи,—это сво-

терѣ этого мѣстнаго самоуправленія. Окружные управители (губернаторы) и срезскіе начальники (исправники), съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать, охотно разсказывали мнѣ, какъ были произведены первые выборы въ земскія собранія и городскія и сельскія думы.

— Я,—говорилъ мнѣ начальникъ,—собиралъ мѣстныхъ жителей.

— Всѣхъ мѣстныхъ жителей? —переспрашивалъ я.

— Нѣтъ, конечно не всѣхъ, а только болѣе разумныхъ, болѣе состоятельныхъ, вообще такихъ, съ которыми можно было имѣть дѣло. И я ихъ разспрашивалъ, кого бы они желали послать въ земское собраніе или городскую думу. Такимъ образомъ, мы останавливались на опредѣленныхъ лицахъ. При этомъ я всегда слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мусульмане имѣли пропорціональное представительство.

Таковъ, съ небольшими вариациями, былъ отвѣтъ положительно всѣхъ административныхъ лицъ, съ которыми я говорилъ о мѣстномъ самоуправленіи въ самой Македоніи. Выборы производились домашнимъ способомъ, посредствомъ переговоровъ власти съ именитыми гражда-

---

его рода *lasciate ogni speranza* для македонскихъ болгаръ. Я вижу, какъ десятки тысячъ эмигрантовъ изъ сербской Македоніи, наводняющіе города и веси Болгаріи, волнуются при извѣстіи о томъ, что ихъ родина будетъ окончательно присоединена къ Сербіи. Я вижу, какое впечатлѣніе производитъ этотъ новогодній подарокъ на всѣхъ болгаръ безъ различія партій и политическихъ направленій. И я не могу не отмѣтить, что эта «справедливая награда», предоставляемая сербскимъ государствомъ своимъ новымъ подданнымъ, рискуетъ еще болѣе углубить пропасть, зіяющую между сербскимъ и болгарскимъ народами».

И это огорченіе по тому поводу, что македонцамъ обѣщаны политическія права и блага конституціонной жизни! Нельзя забывать, что Викторовъ—постоянный и близкій сотрудникъ «Рѣчи»,—писатель несомнѣнно прогрессивный.

нами. Безъ всякаго сомнѣнія, представители власти руководились въ большинствѣ случаевъ добрыми намѣреніями, т. е. желаніемъ, чтобы въ органы мѣстнаго самоуправленія попали люди болѣе или менѣе способные. Безъ всякаго сомнѣнія, они не желали подавленія мусульманскаго элемента, — и мусульманскій элементъ въ этихъ мѣстахъ, дѣйствительно, представленъ въ органахъ самоуправления болѣе или менѣе пропорціонально, причемъ, какъ я имѣлъ случай убѣдиться во время посѣщенія засѣданій этихъ органовъ, онъ не является безгласнымъ, а часто вполне опредѣленно выражаетъ свои требованія и желанія и вообще принимаетъ самое дѣятельное участіе въ обсужденіи мѣстныхъ дѣлъ. Но само собой разумѣется, что если въ этихъ мѣстахъ имѣлись элементы явно антиправительственные, въ частности элементы, которые желали бы присоединенія Македоніи къ Болгаріи, то такіе элементы попасть въ думы или земскія собранія не имѣли возможности.

Такимъ образомъ, на новопріобрѣтенныя земли Сербія до начала міровой войны не распространяла ни дѣйствія своей конституціи, ни дѣйствительнаго мѣстнаго самоуправления. Но мнѣ нужно было выяснить, что она дала для ея культурнаго и экономическаго развитія, и съ этою цѣлью я поѣхалъ въ Македонію.

VI.

Сербское правительство отнеслось къ плану моей поѣздки по Македоніи съ полнымъ сочувствіемъ и дѣйствительно, какъ мнѣ обѣщаль королевичъ, оказало всяческое въ ней содѣйствіе. Мнѣ былъ данъ спутникъ, который провожалъ меня во всемъ путешествіи. Вездѣ меня встрѣчали предупредительно губернаторы, исправники и другія власти. Въ опасныхъ мѣстахъ, на примѣръ, по границѣ

Албани, мнѣ давался военный конвой изъ нѣсколькихъ конныхъ жандармовъ. Это очень облегчило мою поѣздку. Но это, конечно, имѣло и свою отрицательную сторону.

— Еще бы, говорили мнѣ потомъ въ Болгаріи, когда я тамъ рассказывалъ о своемъ путешествіи и сообщалъ, что мои впечатлѣнія въ общемъ болѣе или менѣе благоприятны для сербскаго правительства.—Конечно, они сумѣли вамъ втереть очки. Они на это большіе мастера, они да австрійцы, которые точно также умѣютъ показывать иностранцамъ свою Боснію.

— Но они меня нисколько не стѣсняли,—возражалъ я.—Я искалъ знакомствъ и знакомился независимо отъ тѣхъ властей, которыя устраивали мнѣ встрѣчи, и притомъ тщательно вездѣ разыскивалъ людей, отъ кого рассчитывалъ услышать отрицательные отзывы о сербскомъ режимѣ *).

— А поручитесь ли вы, что населеніе, зная, что вы являетесь чуть ли не правительственнымъ лицомъ, будетъ относиться къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ? Развѣ вы не знаете, что населеніе тамъ запугано правительственнымъ терроромъ и откровенно можетъ говорить только съ людьми, которыхъ оно хорошо знаетъ и которымъ оно вполне довѣряетъ; что нужно много соли съѣсть съ этимъ населеніемъ, чтобы вызвать его довѣріе. А вы рассчитываете на то, что македонцы будутъ вамъ говорить искренно о своемъ положеніи!

Такъ говорили мнѣ въ Болгаріи; такъ говорили мнѣ потомъ въ Петербургѣ люди, настроенные отрицательно по отношенію къ сербскому правительству. Нѣтъ сомнѣнія, что доля правды въ этихъ возраженіяхъ есть. И

---

*) Въ болгарской печати, даже серьезной (напр. «Славянски Гласъ», 1915, № 4, стр. 148), утверждалось, будто бы съ моихъ словъ, что всѣ разговоры мои съ мѣстнымъ населеніемъ велись въ присутствіи жандармовъ. Это, конечно, неправда.

тѣмъ не менѣе, я позволю себѣ представить на судъ читателя мои впечатлѣнія, убѣжденный, что тотъ скептицизмъ и та осторожность, съ которыми я воспринималъ всѣ свои впечатлѣнія, ни на минуту не забывая о своемъ положеніи почти сербскаго правительственнаго лица, и тотъ фактъ, что все-таки я увидѣлъ многое, далеко не вполнѣ благопріятное для сербскаго правительства, даютъ мнѣ основаніе думать, что мои впечатлѣнія имѣютъ все же нѣкоторую цѣну и являются далеко не столь односторонними, какъ это желали представить мнѣ сторонники болгарской политики *).

VII.

Въ монастырѣ Ивана Бигорскаго, недалеко отъ Дибры, на границѣ сербской Македоніи съ Албаніей, я встрѣтился съ интереснымъ сербскимъ священникомъ.

— Гдѣ, батюшка, кончили вы свое богословское образованіе?—спросилъ я его.

— Гдѣ кончилъ богословское образованіе?—съ усмѣшкой переспросилъ батюшка.—У планини (въ горахъ).

— Чему же вы тамъ учились?

Отвѣтомъ былъ характерный жестъ, обозначающій прицѣлъ изъ ружья.

— Такъ развѣ вамъ приходилось пользоваться этой наукой?

— Да еще какъ! Вѣдь я былъ комитаджіемъ.

---

*) Тотъ же самый «Славянски Гласъ» признаетъ до извѣстной степени мое безпристрастіе: «Нельзя сказать, говорить онъ тамъ же, чтобы почтенный русскій публицистъ былъ настроенъ противъ Болгаріи. Напротивъ, нужно признать, что онъ старается быть безпристрастнымъ. Онъ говоритъ не мало горькихъ истинъ и сербамъ».

— Какъ велика была ваша комита?

— Человѣкъ 60, 80.

— Что же вы дѣлали въ качествѣ комитаджіевъ?

— Убивали болгаръ.

— Вы убивали болгаръ, а турокъ вы не трогали?

— Нѣтъ, и турокъ тоже.

— А за что же вы убивали болгаръ?

— А то какъ же! они насъ, а мы ихъ. Иначе нельзя.

— Какъ же, батюшка, вы были комитаджіемъ въ рясѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ въ рясѣ. Зимой я въ рясѣ, тогда я попъ. А лѣтомъ я комитаджій, на мнѣ арнаутскій костюмъ. Широкій поясъ, за поясомъ ятаганъ, за плечомъ— пушка (по-сербски и по-болгарски словомъ *пушка* обозначается наше ружье; наша пушка переводится словомъ *топъ*).

— А на какія средства жили комитаджіи?

— Намъ помогала сербская держава. Сербская держава содержала попове, учителя, комитаджіи, давала намъ топове, пушки, бомбе и пари также (т.-е. деньги).

— Какъ, у васъ были даже топове и бомбы?

— Были, и очень хорошія.

— Гдѣ, батюшка, вашъ приходъ?

— Приходъ мой около Дибры, только онъ очень маленькій, домовъ 60—70.

— Какъ же велики ваши доходы?

— Франковъ 120 бира, франковъ 250 за требы. Всего самое большее 360 франковъ въ годъ. (Бирь—особый налогъ въ 2 франка въ годъ, налагаемый на каждый домъ прихода въ пользу священниковъ. Такимъ же биромъ облагаются и мусульмане въ пользу своего духовенства. Налогъ установленъ сербскимъ правительствомъ со времени присоединенія Македоніи къ Сербіи).

— Есть у васъ жена, дѣти?

— Какъ же, жена и двое дѣтей.

— Такъ какъ же вы живете на доходъ въ 360 франковъ въ годъ?

— Какъ живу! Сиромах сам (Я бѣденъ). Прежде я получалъ больше: сербская держава платила мнѣ два съ половиной наполеона въ мѣсяцъ.

— Значить, теперь вамъ живется гораздо хуже, чѣмъ при туркахъ?

— Нѣтъ, теперь я свободенъ, а тогда что!—тогда я былъ рабъ, всякій могъ меня обидѣть, всякій могъ меня убить.

— Но, батюшка, вѣдь убивать васъ было не такъ-то легко. У васъ же были и ятаганы, и «пушки» (ружья), и даже «топове» (пушки).

— Да оттого-то мы и уходили въ горы и поступали въ комиты, что ужъ больно плохо жилось мирнымъ жителямъ.

— Но какъ все таки вы можете жить теперь на 360 франковъ въ годъ при нынѣшнихъ цѣнахъ? (Цѣны въ Сербіи и въ Македоніи въ послѣднее время очень возрасли, и въ общемъ жизнь во время моего путешествія въ концѣ 1914 и началѣ 1915 г. врядъ ли обходилась многимъ дешевле, чѣмъ въ Россіи, такъ что 12 руб. въ мѣсяцъ для семейнаго человѣка, дѣствительно, говорили о совершенной нищетѣ. Теперь же, въ 1916 г., дѣло обстоитъ, конечно, еще хуже.

— У меня домъ при церкви. Конечно, я очень бѣденъ (сиромах). Но вѣдь теперь война. Кончится война, мы потребуемъ отъ правительства улучшенія нашего положенія.

Я передалъ интересный разговоръ съ дибрскимъ батюшкой со всею возможною пунктуальностью, даже сохраняя нѣкоторыя сербскія выраженія. Быстро бѣгающіе глазки и хищное выраженіе лица ясно свидѣтельствовали, что

батюшка, окончившій свое богословское образованіе «у планини» (въ горахъ), былъ едва-ли не лучшимъ комитаджіемъ, чѣмъ священникомъ.

Во время разговора съ нимъ у меня все время вертѣлась въ памяти злая гейневская характеристика:

War er Mönch in seiner Jugend,
Später war er Räuberhauptmann,
Beides zu verein'gen, nahm er
Endlich Dienste bei Don Carlos *).

Разница только въ томъ, что гейневскій герой поступилъ на службу къ дону Карлосу испанскому, а мой дибрскій попикъ состоялъ на службѣ у сербской державы.

Священники, учителя, комитаджии, ружья, пушки, бомбы; пропаганда словомъ и дѣйствіемъ—такую программу дѣятельности сербскаго правительства нарисовалъ мнѣ мой собесѣдникъ.

Что такое комитаджии?

Въ началѣ XIX вѣка слово *комитаджии* не существовало,—тогда ихъ роль исполняли гайдуки у славянскихъ народовъ, клефты у грековъ. И тѣ, и другіе наполовину были разбойниками, наполовину политическими дѣятелями. Въ настоящее время слово *гайдукъ* въ славянскихъ земляхъ и *клефтъ* въ Греціи вполнѣ однозначуще съ нашимъ «разбойникъ» и имѣетъ исключительно оскорбительное, бранное значеніе. Начиная съ 60-хъ и 70-хъ г.г., еще до освобожденія Болгаріи, на смѣну гайдучьимъ четамъ появляются комиты (т.-е. комитеты), и романское слово съ турецкимъ суффиксомъ, комитаджій (т. е. членъ комитета),—входитъ въ обиходъ. Тогда во главѣ комитъ стояли такіе

---

*) Былъ онъ въ юности монахомъ,
Послѣ—шайки атаманомъ,
Въ заключенъе поступилъ онъ
Къ дону Карлосу на службу. (Атта Тролль).

благородные дѣятели болгарскаго освобожденія, какъ Василій Левскій, Христо Ботевъ и др. Первый періодъ исторіи комитъ окончился въ 1878 г. освобожденіемъ Болгаріи.

Въ 90-хъ г.г. возникло революціонное движеніе въ Македоніи, выразившееся въ образованіи новыхъ комитъ. Чета, скрывавшаяся въ горахъ и оттуда производившая свои нападенія, до революціи 1908 г. была единственнымъ убѣжищемъ для людей, обиженныхъ правительствомъ, ищущихъ дикой воли, сильныхъ жаждою мести. Комитаджіи, конечно, не были разбойниками, или по крайней мѣрѣ *только* разбойниками, какъ ими не были клефты и гайдуки, какъ ими не были наши Ермаки Тимофеевичи и Стеньки Разины; политическая месть врагамъ, разумѣется, играла не менѣе видную роль въ ихъ дѣятельности, чѣмъ жажда наживы. И потому среди македонскихъ комитаджіевъ, особенно среди тѣхъ изъ нихъ, которые выдвигали лозунгъ «Македонія для македонцевъ», были тоже выдающіеся и благородные люди, люди, стремившіеся комиту сдѣлать тайнымъ правительствомъ, тайнымъ судіей позора и обиды. Такимъ комитаджіемъ былъ Санданскій. Но если не всѣ, то многіе изъ нихъ были революціонерами на жалованьи сербскаго, болгарскаго или греческаго правительства, и главной ихъ задачей была не столько борьба съ турецкимъ правительствомъ, сколько борьба другъ съ другомъ. Мой попикъ въ монастырѣ Ивана Бигорскаго не даромъ, какъ на главное занятіе сербскихъ комитаджіевъ, въ первую голову указывалъ на борьбу съ болгарами, и только подъ давленіемъ моего вопроса согласился на то, что нѣкоторую роль въ ихъ дѣятельности играли и турки. Точно также, конечно, вели себя и болгарскіе комитаджіи, для которыхъ главными врагами были сербы. А кромѣ того, анархическій характеръ борьбы, постоянная партизанская война, грабежъ и убійство изъ-за угла, какъ способъ политической борьбы и мести, наконецъ, положеніе травленныхъ волковъ, при-

нужденныхъ постоянно скрываются въ горахъ и лѣсахъ,— все это вмѣстѣ взятое оставляло на комитаджіяхъ далеко не благопріятный отпечатокъ, и романтической ореолъ, окружающій, или по крайней мѣрѣ раньше окружавшій ихъ въ представленіяхъ иностранцевъ, разсѣивается при ближайшемъ знакомствѣ.

Какъ относилось населеніе къ комитаджіямъ?

Бѣжали въ горы и дѣлались комитаджіями люди, особенно обездоленные, съ особенно сильной жаждой воли и мести. Мирное, подчиняющееся властямъ, хотя бы и съ подавленной ненавистью къ нимъ, населеніе иногда видѣло въ комитаджіяхъ мстителей за свои обиды, но Богъ вѣсть, не чаще ли и не больше ли—простыхъ разбойниковъ. Въ г. Дибрѣ меня пожелали встрѣтить мѣстные нотабли *). Въ ихъ числѣ былъ одинъ кметъ, т.-е. членъ земской управы. Раньше онъ былъ комитаджіемъ, но комитаджіемъ не сербскимъ, а болгарскимъ. Зимой онъ жилъ въ Софіи, а лѣтомъ дѣйствовалъ въ болгарской комитѣ въ македонскихъ горахъ. На вопросъ о національности: «Вы болгаринъ?» онъ дипломатически отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я былъ македонецъ, а теперъ я сербинъ.

Такимъ образомъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ болгаръ, которые отреклись отъ своихъ прежнихъ національныхъ симпатій и заявляютъ себя сербами. Онъ утверждалъ, что ихъ комита не получала пособія въ Софіи. А на вопросъ, чѣмъ они жили, онъ сказалъ:

— Мы собирали налоги (порезы) съ сель и городовъ.

---

*) Такъ мнѣ сказалъ срезскій (уѣздный) начальникъ, представившій этихъ нотаблей мнѣ. Конечно, я совершенно не знаю, въ какихъ формахъ и подъ какими вліяніями выразилось это ихъ желаніе. Не исключаю возможности и того, что встрѣча была организована срезскимъ начальникомъ по предписанію или по желанію губернатора, переданному ему по телефону. Но если даже и такъ, то дѣло отъ этого не мѣняется.

— Добровольные?—спросилъ я.

— Гдѣ добровольные, а гдѣ и насильные. — При этихъ словахъ среди другихъ нотаблей, ясно слышавшихъ разговоръ, послышался легкій смѣхъ.— Бѣдные,—добавилъ комитаджій, — помогли намъ дѣломъ, показывая дороги, сообщая свѣдѣнія о передвиженіи турецкихъ солдатъ, пряча насъ и принося припасы.

Вслѣдъ затѣмъ я, въ присутствіи этого самаго комитаджія, заговорилъ съ его сосѣдомъ.

— Вы тоже были комитаджіемъ?

— Нѣтъ, я торговецъ, а торговецъ не можетъ быть комитаджіемъ. Онъ долженъ платить комитаджію,—и мой собесѣдникъ показалъ пальцами, какъ онъ отсчитывалъ монеты.

— Добровольно?

— Ну, кто же станетъ добровольно платить комитаджію!

— А много приходилось платить комитаджіямъ?

— «Безъ рачунъ» (т.-е. безъ счета).

— Что же, вы любили комитаджіевъ?

— За что же ихъ любить!

Если для сельскаго населенія, съ котораго взять нечего, комитаджіи были чаще мстителеми обидъ, чѣмъ разбойниками, то для болѣе зажиточнаго городского люда они являлись скорѣе разбойниками, чѣмъ чѣмъ-нибудь другимъ.

Возгласъ—«за что же ихъ любить!» и жалобу, что комитаджіямъ приходилось платить «безъ рачунъ», я слышалъ на каждомъ шагу, въ особенности отъ торговцевъ, для которыхъ младотурецкій и даже старотурецкій (до революціи 1908 г.) режимъ представлялъ все же большую безопасность личности и торговли, чѣмъ своеобразный режимъ революціоннаго разбойничества, налагавшійся сосѣдними державами. Еще болѣе осложнялось дѣло національностью. Населеніе, считавшее себя болгарскимъ или захваченное болгарской пропагандой, въ томъ числѣ и на-

селеніе сербское, склонно было смотрѣть на болгарскихъ комитаджіевъ, какъ на борцовъ за свободу, и видѣть простыхъ разбойниковъ въ сербскихъ, и обратно. Недаромъ мой дибрскій батюшка въ первую голову убиваль болгаръ (очевидно, не только болгарскихъ комитаджіевъ, но и тѣхъ селяковъ, которые ихъ поддерживали), и только во вторую—турокъ.

Къ сожалѣнію, благодаря слишкомъ общимъ даннымъ публикуемыхъ бюджетовъ Болгаріи и Сербіи, нельзя опредѣлить, какъ велики были расходы этихъ государствъ даже на открыто содержавшіяся школы и церкви въ Македоніи; тѣмъ болѣе на содержаніе комитъ, которые шли изъ секретныхъ фондовъ. Одинъ изъ македонскихъ губернаторовъ, съ которымъ мнѣ пришлось говорить, съ видомъ таинственной откровенности сообщилъ мнѣ, что болгары тратили на одну Македонію 5 милл. франковъ въ годъ, въ то время, какъ Сербія на Македонію и Боснію съ Герцеговиной тратила всего два милл. Цифры эти, конечно, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія; онѣ могутъ быть и выше, и ниже дѣйствительныхъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что въ Македонію приливали довольно значительныя средства изъ Болгаріи, Сербіи и Греціи и что эти средства играли замѣтную роль не только въ политической, но и въ экономической жизни страны, роль, которую легко себѣ вообразить, но очень трудно уяснить конкретно. Иностранцы-наблюдатели охотно говорятъ о томъ, что оригинальный бюджетъ пропаганды развилъ въ народѣ лѣнность и тунеядство. Насколько это вѣрно, я судить не берусь, но я слышалъ о немъ отъ людей, долго жившихъ въ Македоніи и имѣвшихъ возможность приглядѣться къ мѣстной жизни. Во всякомъ случаѣ, трудно сомнѣваться въ громадномъ и въ общемъ едва-ли положительномъ вліяніи этого бюджета на весь обликъ страны, хотя на него содержались между прочимъ и школы.

Безплатное обученіе является въ большинствѣ странъ Европы завѣтнымъ желаніемъ демократическихъ партій. Въ турецкой Македоніи было достигнуто нѣчто гораздо большее: учителя болгарскихъ и сербскихъ школъ давали своимъ ученикамъ или ихъ родителямъ одинъ по череку (франку), другой по полтора черека въ мѣсяцъ, только для того, чтобы привлечь учениковъ въ свою школу, преслѣдующую задачу національной пропаганды. Этотъ своеобразный заработокъ десятилѣтнихъ ребятишекъ служилъ однимъ изъ источниковъ существованія семьи и, такъ или иначе, связывалъ ее либо съ Бѣлградомъ, либо съ Софіей, либо съ Аѳинами, дѣлалъ ее носительницей либо великосербской, либо великоболгарской, либо великоэллинской идеи, разжигалъ ее злобу къ носителямъ враждебной идеи и поддерживалъ все ту же анархію въ странѣ.

Сходную роль играла и церковь. Какъ извѣстно, турки отличались большою вѣротерпимостью. Смотри на покоренные народы, какъ на дойное стадо, они совершенно не интересовались, какъ это стадо вѣруетъ, и еще въ тѣ времена, когда по всей Европѣ горѣли костры еретиковъ, Турція, не зная, конечно, религіозной равноправности, уже знала вѣротерпимость. Всѣ церкви, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя не отказывали турецкимъ должностнымъ лицамъ въ соотвѣтственномъ бакшишѣ, пользовались свободою богослуженія. И турки долгое время не замѣчали, что церковь различныхъ народовъ является своего рода политическимъ центромъ, вокругъ котораго группируется національное недовольство и готовится революціонное движеніе. А когда они это замѣтили, то все же не сочли нужнымъ отказаться отъ своей вѣротерпимости, а удовольствовались тѣмъ, что стали натравливать одну церковь на другую, чтобы такимъ образомъ чужими руками укрѣпить свою власть надъ всѣми.

Въ турецкихъ владѣніяхъ Балканскаго полуострова дол-

гое время была единая православная церковь, общая для сербовъ, болгаръ и грековъ, іерархически подчиненная константинопольскому (греческому) патріарху. Въ 1870 г. продолжительныя усилія болгарскихъ революціонеровъ, поддержанныхъ русской дипломатіей (гр. Игнатъевъ), увѣнчались успѣхомъ: султанскимъ фирманомъ создана особая болгарская церковь съ болгарскимъ экзархомъ, имѣющимъ пребываніе въ Константинополѣ, во главѣ. Приходамъ была предоставлена свобода оставаться въ патріархистской церкви или же переходить въ экзархистскую. И вотъ сербы, несмотря на нѣкоторыя нелады съ греками, предпочли остаться въ греческой патріархистской церкви, тогда какъ вся Болгарія и значительная часть славянскихъ приходовъ Македоніи присоединились къ церкви экзархистской. Сербы объясняютъ переходъ въ экзархію болгарской пропагандой, т.-е. въ значительной мѣрѣ болгарскими деньгами и различными посторонними соображеніями мѣстнаго населенія, въ родѣ того, что у турокъ будто бы господствовалъ взглядъ на сербовъ, какъ на революціонеровъ, тогда какъ болгарское духовенство жило съ турками въ мирѣ, почему и приходамъ было безопаснѣе и удобнѣе присоединиться къ болгарской церкви.

Болгары, напротивъ, видятъ въ этомъ фактѣ доказательство болгарскаго характера и болгарскихъ политическихъ симпатій македонскаго населенія.

Сербское объясненіе, конечно, не можетъ быть признано убѣдительнымъ; тѣмъ не менѣе, торжество экзархіи не можетъ служить оправданіемъ и болгарскихъ притязаній на Македонію. Вѣдь оно могло имѣть мѣсто и потому, что населеніе по какимъ-либо соображеніямъ даннаго времени видѣло въ экзархіи, во всякомъ случаѣ славянской, и притомъ опирающейся на авторитетную поддержку русской дипломатіи, лучшую защитницу національныхъ и другихъ своихъ интересовъ, чѣмъ въ греческой патріархіи,

въ особенности въ виду той антипатіи, какую возбуждали къ себѣ среди балканскихъ славянъ греки; фактъ имѣлъ бы рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если бы споръ шелъ не между греческой церковью и болгарской, а между сербской и болгарской. Во всякомъ случаѣ, если переходъ къ экзархіи можетъ являться нѣкоторымъ аргументомъ въ пользу болгаръ противъ сербовъ, то онъ ничего не можетъ говорить противъ тѣхъ, кто видитъ въ македонцахъ особую народность съ особымъ національнымъ правомъ на политическую самостоятельность.

Съ момента возникновенія экзархистской церкви между нею и церковью патріархистской, т. е. двумя одинаково-православными церквями, началась такая вражда, которая врядъ ли уступаетъ враждѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ, или даже между христіанствомъ и исламомъ. Совершенно явственные отголоски этой вражды и порожденной ею злобы я слышалъ чуть не на каждомъ шагу. Въ ней сказалось все: и различіе политическихъ стремленій, и непосредственныя экономическія выгоды. Священники той и другой церкви тянули прихожанъ каждый въ свою сторону, рвали ихъ на части, боролись за нихъ, соперничали изъ-за нихъ. А прихожане иногда, не безъ наивнаго лукавства, пользовались борьбою въ своихъ интересахъ.

— У насъ, — рассказывалъ мнѣ одинъ священникъ, въ турецкое время бывшій экзархистскимъ, а теперь присоединившійся къ сербской церкви, — не было таксы на требы. И вотъ придетъ человѣкъ крестить ребенка. Скажешь ему бывало: давай два черека. А онъ: возьми черекъ: а не то пойду къ патріархистскому попу. Базаръ былъ. Плохо было намъ тогда. «Нема бира, нема такса». (У насъ не было ни биры, ни таксы на требы). А сада (теперь) «има бира, има такса». Я кончилъ курсъ въ тетовскомъ основномъ училищѣ въ 1872 году, когда здѣсь еще не было

экзархїи. Потомъ я былъ торговцемъ; а въ 1901 г. меня наши избрали попомъ.

— Почему же вы стали попомъ экзархистскимъ, если вы кончили патріаршистскую школу?

— Меня избрала экзархистская община, и я сталъ экзархистомъ.

— А почему община стала экзархистской?

— Бугарска пропаганда. Мы надѣялись, что экзархїя освободитъ насъ отъ турецкаго ига.

— Всѣ здѣшніе христіане стали экзархистами?

— Нѣтъ, не всѣ. Были семь: отецъ — патріаршистъ, сынъ — экзархистъ; одинъ братъ — патріаршистъ, другой братъ — экзархистъ.

— А что же, отношенія между тѣми и другими были порядочныя?

— Не добры. Во какъ, — и священникъ направилъ одинъ палецъ противъ другого, чтобы наглядно представить всю обостренность отношеній между двумя церквами. — Братъ на брата, отецъ на сына.

— Почему же такъ? Вѣдь цѣль была одна — освобожденіе отъ турецкаго ига?

— Не добры. Братъ на брата. Србска пропаганда, бугарска пропаганда. Сербы были революціонерами, турки ненавидѣли сербовъ, никто не смѣлъ назвать себя сербомъ, — мы и стали экзархистами. У экзархїи были добрыя отношенія съ турецкими властями. Россія была за экзархїю. И мы вѣрили, что она насъ освободитъ отъ турецкаго ига.

— Ну, а какъ же вы вновь сдѣлались сербами?

— Сербы насъ освободили, мы и стали сербами. Іа сам био бугарин, а сад сам србин (я былъ болгаринъ, а теперъ я сербъ).

— И весь вашъ приходъ вмѣстѣ съ вами?

— Весь приходъ, да и не только весь приходъ, а вся епархія. Прихожане и попы. Одинъ только попъ ушелъ въ Болгарію.

Священникъ говорилъ о былой враждѣ двухъ церквей, какъ объ историческомъ фактѣ, и въ его словахъ вражды не чувствовалось, потому ли, что онъ дважды измѣнялъ своей церкви, или, можетъ быть, несмотря на то. Но весьма нерѣдко я явственно слышалъ такую злобу, которая меня приводила въ изумленіе.

Въ монастырѣ Ивана Бигорскаго, о которомъ я уже упоминалъ, монахи заставили меня взобраться на колокольню и показали мнѣ три колокола съ вычеканенными на нихъ надписями, изъ которыхъ явствовало, что одинъ изъ нихъ былъ подаренъ монастырю княземъ Милошемъ, другой—княземъ Александромъ Карагеоргиевичемъ, а третій, послѣдній, княземъ Михаиломъ III въ 60-хъ годахъ.

— Видите, — убѣждали меня монахи, — монастырь-то былъ сербскимъ. Вѣдь не стали бы сербскіе князья дарить колокола болгарскому монастырю. А болгары все-таки поворотили его въ монастырь экзархистскій. А вотъ видите, два образа — святого короля Стефана и святого короля Лазаря въ ряду другихъ образовъ сербскихъ святыхъ (надъ каждымъ образомъ имѣется старинная надпись съ именемъ изображеннаго на немъ святого). И вотъ, когда болгары поворотили монастырь въ экзархистскій, они замазали эти надписи и написали на нихъ свои — царя Шимана и еще одного царя (я забылъ, какого именно, но оба царя даже не святые). Когда Македонія перешла въ руки Сербіи, мы замѣтили, что надписи сдѣланы какъ-то непохоже на другія, и попробовали стирать ихъ щеткою, и что же: надписи стерлись, и изъ-подъ нихъ вышли старинныя надписи. Вотъ какъ безобразничали болгары, — закончилъ свое обличеніе монахъ.

Въ одномъ училищѣ мнѣ показывали книгу, посланную московскимъ славянскимъ обществомъ въ даръ «сербскому» училищу; болгары, «поворотивъ» училище въ экзархистское, зачеркнули надпись «сербскому» и сдѣлали—«болгарскому», и т. п.

Подобныхъ фактовъ я слышалъ сотни. Конечно, я не хочу сказать ими, чтобы церковь патріаршистская вела себя въ этой борьбѣ лучше. Я нисколько не сомнѣваюсь, что экзархисты могли бы рассказать не меньше исторій о столь же наивныхъ продѣлкахъ ихъ враговъ съ ними. Само-собою разумѣется, что сербскіе колокола тоже мало убѣдительны. Они, вѣдь, пожертвованы въ то время, когда не было еще ни Болгаріи, ни экзархіи, ни политическаго, ни церковнаго соперничества между сербами и болгарами.

Но всѣ эти факты наглядно говорятъ о поразительной враждѣ и ненависти, которая раздѣляла двѣ церкви, не различающіяся ни однимъ религіознымъ догматомъ и, казалось бы, преслѣдовавшія одну и ту же политическую задачу, — борьбу съ турками. Очевидно, что въ дѣйствительности политическая задача была не одна и та же. А между тѣмъ, и тѣ, и другіе утверждали противное: одна и та же—борьба съ Турціей.

И вотъ, западную Македонію завоевала Сербія. Можно было бы думать, что экзархистская церковь горячо будетъ отстаивать свою церковную самостоятельность, что начинается борьба между церковью господствующей и церковью подчиненной, въ родѣ борьбы между церквами католической и протестантской въ различныхъ странахъ, и что она будетъ длиться вѣка или по крайней мѣрѣ десятилѣтій. Нѣчто подобное и было. Были случаи угрозъ и принужденій различнымъ священникамъ экзархистской церкви, были случаи лишенія экзархистскихъ священниковъ ихъ приходоѡвъ. Но въ общемъ экзархистская церковь съ изумительной легкостью присоединилась къ церкви сербской.

Нужно замѣтить, что сербы распространили на Македонію власть автокефальной сербской церкви, т. е. подчинили македонскія епархіи бѣлградскому митрополиту, независимому отъ константинопольскаго патріарха. Это было однимъ изъ обстоятельствъ, быть можетъ нѣсколько смягчавшимъ горечь перехода изъ одной церкви въ другую: вѣдь ненависть у экзархистовъ была къ церкви патріаршистской, а не къ церкви сербской. Въ ускубской епархіи, говорилъ мнѣ одинъ ускубскій священникъ, было 92 священника, изъ нихъ 45 экзархистовъ, 47 патріаршистовъ, въ томъ числѣ 45 сербскихъ и 2 греческихъ. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ, оставшихся въ патріаршистской церкви, почти всѣ остальные присоединились къ церкви сербской и лишь пять, шесть человѣкъ ушло въ Болгарію. И такъ было вездѣ. Изъ двухъ десятковъ экзархистскихъ священниковъ одинъ, два, много три должны были уйти въ Болгарію. Такія цифры приводили мнѣ мѣстные священники, въ томъ числѣ и тѣ, которые сами раньше были экзархистами.

Въ Болгаріи мнѣ приводили инья цифры, мнѣ говорили о цѣлыхъ сотняхъ священниковъ, изъ Македоніи ушедшихъ въ Болгарію. Какія изъ этихъ цифръ ближе къ истинѣ, — съ увѣренностью сказать не могу, но думаю, что цифры сербскія. Во всякомъ случаѣ, о поголовномъ, или почти поголовномъ, бѣгствѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ повсемѣстно я встрѣчалъ десятки священниковъ, легко и охотно перемѣнившихъ экзархію на бѣлградскую митрополию.

— Гнетъ, давленіе, угрозы, страхъ голодной смерти, — вотъ мотивы ренегатства, — говорили мнѣ въ Болгаріи. — Тѣ, кто остались, — это трусы, ренегаты. Всѣ лучшіе ушли.

Можетъ быть, и такъ. Но если здѣсь можно говорить о ренегатствѣ, то едва-ли главнымъ стимуломъ были притѣсненія.

Экзархистскіе священники жили требами; я приводилъ уже разсказъ о торгѣ между священникомъ и прихожаниномъ съ угрозой послѣдняго перейти къ священнику соперничающей церкви. Это явленіе было общимъ, повсемѣстнымъ. Одинъ ускубскій священникъ, бывшій экзархистъ, выручалъ въ турецкое время 600 — 700 франковъ за требы, и это былъ весь его доходъ. А теперь онъ за однѣ требы выручаетъ раза въ полтора-два больше, потому что на нихъ имѣется такса: 4 франка за свадьбу, 1 за похороны, 2 за крестины, 50 сантимовъ за «славу», исповѣдь и причастіе бесплатны. Да сверхъ того, онъ имѣетъ бира, и всего получаетъ до 2.000 франковъ въ годъ. Закончивъ свои выкладки, священникъ такъ срезюмировалъ свой разсказъ: «Мы присоединились къ сербской церкви добровольно и охотно, такъ какъ мы сербы, а не болгары».

— «Не было биры, не было таксы; теперь есть бира, есть такса»—вотъ формула, объясняющая подчиненіе митрополіи. Такимъ образомъ, сербское правительство просто купило экзархистское духовенство, и очень недорого, и едва-ли у него имѣются теперь болѣе горячіе слуги и пропагандисты, чѣмъ всѣ эти бывшіе экзархистскіе священники. Има бира, има такса.

Читатель, можетъ быть, отмѣтитъ, какъ нѣкоторое противорѣчіе этому выводу, разсказъ священника въ монастырѣ Ивана Бигорскаго, положеніе котораго не улучшилось, а ухудшилось послѣ присоединенія къ Сербіи. Но это не такъ: вѣдь тотъ священникъ былъ раньше священникомъ сербскимъ, патріархистскимъ, а не экзархистскимъ, а Сербія и въ турецкое время была щедрѣе по отношенію къ своимъ пропагандистамъ-священникамъ, чѣмъ Болгарія къ своимъ, въ особенности, если эти священники съ такимъ искусствомъ соединяли двѣ профессіи: разбойника и священника. Жъ тому же нынѣшнее жалкое положеніе

даннаго лица объясняется нѣкоторыми исключительными условіями: крайне малой величиной и заброшенностью его прихода.

VIII.

Въ турецкое время въ Македоніи имѣлось большое число соперничавшихъ другъ съ другомъ школъ болгарскихъ и сербскихъ.

Началась война съ Турціей, преподаваніе стало невозможнымъ, и школы — болгарскія и сербскія одинаково, — закрылись. Но вотъ война окончилась, и сербы съ большой энергіей начали открытіе учебныхъ заведеній, Открылось большое число начальныхъ школъ и довольно значительное число гимназій и прогимназій. Школы болгарскія, однако, открыты не были. Такимъ образомъ, преподаваніе (за исключеніемъ немногихъ мусульманскихъ школъ) стало чисто-сербскимъ. Среди учителей не мало мѣстныхъ уроженцевъ, не мало такихъ, которые учительствовали здѣсь еще въ турецкое время, но есть и пришлые изъ Сербіи.

Я посѣтилъ много учебныхъ заведеній, бывалъ и въ школахъ, бывалъ и въ гимназіяхъ, разговаривалъ съ учениками. Сколько-нибудь полной и точной статистики школьнаго дѣла мнѣ не могло дать даже министерство народнаго просвѣщенія въ Нишѣ. Но по даннымъ о численности населенія для различныхъ срезовъ (уѣздовъ) и городовъ, а также о числѣ школъ и учениковъ, которыя общались мнѣ мѣстнымъ начальствомъ, я позволю себѣ заключить, что низшее обученіе, по крайней мѣрѣ для мальчиковъ, близко къ всеобщему; число учащихся дѣвочекъ значительно ниже. Печально обстоитъ дѣло только съ мусульманами, у которыхъ дѣвочки, можно сказать, не учатся вовсе, да и изъ мальчиковъ учатся немногіе въ

спеціально мусульманскихъ школахъ. Какъ довольно рѣдкое исключеніе, я видѣлъ мусульманскихъ мальчиковъ въ сербскихъ православныхъ школахъ.

Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ идутъ весело и дружно. Отношенія между учителями и учениками въ общемъ хорошія, уроки проходятъ живо, ученики, видимо, интересуются и хорошо относятся къ преподаванію.

Какъ на единственный диссонансъ, замѣченный мною, я могъ бы указать на преподаваніе исторіи, дышащей въ устахъ сербскихъ учителей грубымъ національнымъ самохвальствомъ; изъ школьной исторіи дѣти узнаютъ, что Сербія всегда была полна благородства, а Болгарія всегда переполнена низостью и коварствомъ. Этотъ наивный и грубый тонъ господствуетъ какъ въ учебникахъ,—грубой передѣлкѣ нашего Иловайскаго,—такъ и въ устныхъ разсказахъ учителей.

Я не знаю, чувствуетъ ли населеніе фальшь этого тона. Во всякомъ случаѣ, оно съ нимъ мирится. Вообще я не видѣлъ ничего, что говорило бы о стремленіи насильственно денационализировать учениковъ и населеніе посредствомъ школы, о недовольствѣ учащихся школьными порядками, о томъ, чтобы учащіе и учащіеся представляли два враждебныхъ лагеря, какъ это часто имѣетъ мѣсто даже въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ (я говорю о Великороссіи) не можетъ быть и рѣчи о какой-либо національной пропагандѣ въ школѣ. Я этого не видѣлъ и съ значительной степенью увѣренности утверждаю, что ничего подобнаго въ сербской Македоніи и не было.

IX.

На мѣстной торговлѣ бухарестскій миръ отозвался самымъ печальнымъ образомъ. Въ восточной полосѣ сербской Македоніи (Ускиубъ, Штипъ, Велесъ) торговцы постоянно жаловались на то, что они отрѣзаны отъ Сало-

никъ. Прежде, говорили мнѣ, всѣ товары получались у насъ изъ Салоникъ дешево (таможенный тарифъ въ Турціи былъ всегда очень низокъ), а теперь за все приходится платить высокую таможенную пошлину. Цѣны на привозные товары поднялись, и народъ ничего не покупаетъ.

Въ западной Македоніи (Монастырь, Охрида, Струга, Дебаръ) къ этой жалобѣ присоединяется еще другая: страна отрѣзана отъ Албаніи.

— Прежде мы покупали товары въ Салоникахъ, а продавали ихъ албанцамъ, приходившимъ къ намъ въ базарные дни. Теперь албанцы не приходятъ, и мы, покупая товары втридорога, не имѣемъ, кому ихъ сбывать.

— Прежде, — жаловался мнѣ кафенаджій (содержатель кафе) въ городѣ Дебаръ, — въ базарные дни у меня было все полно, къ намъ приходили албанцы изъ Элбасана на базаръ и, купивъ что нужно, заходили ко мнѣ пить кофе. А теперь у меня пусто.

Великій ущербъ для Македоніи, причиняемый тѣмъ, что она отрѣзана отъ своей прежней столицы—Салоникъ, не скрывается и не отрицается никѣмъ, даже администраторами.

— Когда шла война съ турками, ожидали вы этого результата—паденія вашей торговли?—спросилъ я одного торговца изъ Монастыря (Битоля).

— Нѣтъ, какъ можно, всѣ были увѣрены, что торговля пойдетъ лучше. Да если бы мы не потеряли Салоникъ, то такъ бы и вышло; а теперь все стало дороже, и никто ничего не покупаетъ.

— А какъ вы думаете, если бы Македонія образовала одно государство и городъ Монастырь (Битоль) не былъ отрѣзанъ отъ Салоникъ, было бы лучше?

— Еще бы, конечно, лучше, — отвѣчалъ мнѣ торговецъ.

— Кому же вы желали побѣды во время сербо-болгарской войны?

— Мы македонцы,—уклончиво отвѣчалъ мнѣ монастырскій торговецъ.—Мы хотѣли освобожденія.

— Скажите по совѣсти, довольны вы тѣмъ, что сербы освободили васъ отъ турецкой власти, или вы предпочли бы остаться подъ нею?

— Свободы стало больше. Прежде выйти на улицу ночью было страшно, а ѣхать куда-нибудь по дорогѣ и совсѣмъ не могли. Теперь этого нѣтъ; теперь у насъ свобода. А торговля пала, совсѣмъ пала. Я совсѣмъ разоренъ. И еще одно горе: налоги,—прибавилъ онъ, помолчавъ.— Я платилъ 200 франковъ, а теперь 1000, а доходы куда меньше.

— А хотѣли бы вы, чтобы къ Сербіи была присоединена Албанія?—спросилъ я торговца въ городѣ Дебаръ, представившагося мнѣ въ числѣ другихъ именитыхъ гражданъ.

Вопросъ этотъ задѣлъ его за живое, и не его одного; начался общій говоръ: да какъ же, да тогда наше положеніе стало бы совсѣмъ иное, да это было бы счастье. Теперь албанцы къ намъ не ходятъ, ничего не покупаютъ, въ кафе къ намъ не заходятъ. А если бы въ Албаніи мы ввели порядокъ, такъ албанцы опять стали бы ходить къ намъ.

Совсѣмъ иное вліяніе раздѣлъ Македоніи произвелъ на торговлю и промышленность Сербскаго королевства. Въ Ускюбѣ мнѣ случилось разговаривать съ богатымъ бѣлградскимъ фабрикантомъ, владѣльцемъ крупной бѣлградской металлургической фабрики, выдѣлывающей гвозди и другіе товары изъ желѣза. На его фабрику, по его словамъ, имѣлось около 350 рабочихъ; небольшая доля изъ нихъ, не болѣе восьмой части,—крестьяне, приходящіе на фабрику на заработки, остальные—профессіональные ра-

бочіе; почти всѣ—соціалъ-демократы. Присоединеніе къ Сербіи новой территоріи увеличило его обороты почти въ два раза, доставивъ ему большой рынокъ. Къ несчастью, не надолго: новая, міровая война повела за собой бомбардированіе Бѣлграда, и какъ отъ его фабрики, такъ и отъ его дома осталась только груда кирпичей и желѣза, и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Ускюбъ, гдѣ проживалъ послѣдніе спасенные имъ гроши, не зная, чѣмъ онъ будетъ жить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

И это общій говоръ—присоединеніе новаго рынка сбыта съ полуторамилліоннымъ населеніемъ оказалось чрезвычайно выгоднымъ для сербской промышленности и торговли.

Жалобы на налоги я слышалъ повсемѣстно, по крайней мѣрѣ въ городахъ, въ особенности со стороны торговцевъ, однако не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Да, налоги стали большіе, говорили мнѣ. Прежде въ турецкое время, налоги были меньше, только кромѣ налоговъ, тогда мы и взятки платили чиновникамъ, да еще и комитаджіямъ, и платили безъ рачунъ (безъ счета). Одно на одно и выходитъ.

Но если горожане, и въ частности торговый классъ, все же жалуются на налоги, то со стороны крестьянъ жалобъ совершенно не слышно. Напротивъ, раньше крестьяне платили за все,—и за свинью, и за овцу, и за корову, и десятину съ урожая. Теперь налоги объединены, и главнымъ предметомъ обложенія является земля. Вообще налоговая система въ Сербіи далеко не является буржуазною въ той мѣрѣ, какъ въ государствахъ Западной Европы. Напротивъ, она приспособляется къ интересамъ крестьянства, которое господствуетъ въ скупщинѣ и даже въ правительствѣ. Тѣ же самые принципы налоговой системы были распространены на Македонію.

Правда, если налоги на крестьянъ въ общемъ не повысились, а скорѣе понизились, то форма взиманія ихъ въ одномъ отношеніи стала тяжелѣе: прежде крестьяне платили натурой, теперь они платятъ деньгами. Но взиманіе натурой давало мѣсто всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Пока чиновникъ пріѣдетъ, чтобы сосчитать жатву, жатва должна была оставаться неубранной и, чтобы ускорить пріѣздъ чиновника, нужно было платить ему бакшишъ. Младотурецкая революція, несомнѣнно, значительно улучшила систему управленія, и въ главныхъ центрахъ сильно сократила взяточничество, но въ глуши оно процвѣтало попрежнему, и крестьянство послѣ присоединенія Македоніи къ Сербіи въ общемъ почувствовало нѣкоторое даже ослабленіе податного бремени, несмотря на то, что замѣна натуральныхъ повинностей денежными была для него не легка.

Х.

Я уже говорилъ, что принадлежность славянъ, живущихъ въ Македоніи, къ тому или иному славянскому племени опредѣляется крайне произвольно болгарскими и сербскими учеными и политиками. Я лично не обладаю достаточными филологическими свѣдѣніями, чтобы самостоятельно рѣшать филологическій споръ, и могу удовольствоваться только впечатлѣніями отъ моихъ разговоровъ съ мѣстными жителями. Я уже замѣтилъ, что нѣкоторыя лица, въ отвѣтъ на мой вопросъ о національности, отвѣчали: «Я былъ бугаринъ, а сада я самъ сербинъ», при чемъ отвѣчали въ громадномъ большинствѣ случаевъ по-сербски (бугаринъ, я, сада, самъ, вмѣсто българинъ, азъ, теперь, съмъ), сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ по-болгарски произнося слово българинъ, но сохраняя сербское построеніе фразы. Очень многіе просто не понимали во-

проса о національности и отвѣчали: я православный, былъ экзархистъ, а теперъ я сербинъ, или: я православный, былъ патріархистъ, а теперъ я сербинъ, и только послѣ повторнаго прямого вопроса: болгаринъ или сербъ, отвѣчали: былъ бугаринъ, а теперъ сербъ. Бывали, хотя и рѣдко, такіе отвѣты: не болгаринъ и не сербъ, а македонецъ.

— Я былъ болгаринъ, а теперъ я сербъ,—вѣдь это значить, что онъ не смѣетъ оставаться болгариномъ,—съ негодованіемъ говорилъ мнѣ профессоръ Софійскаго университета Крстевъ, которому я рассказывалъ о моихъ македонскихъ впечатлѣніяхъ. — Почему вы не спросили, гдѣ тѣ, кто не захотѣлъ изъ болгарина сдѣлаться сербомъ?

Но я спрашивалъ, и притомъ спрашивалъ и въ Македоніи, и позднѣе въ Болгаріи. Въ Болгаріи мнѣ отвѣчали, что изъ сербской Македоніи имѣется по крайней мѣрѣ сто тысячъ людей, спасшихся въ Болгарію отъ сербскаго національнаго гнета. Въ Македоніи и Сербіи надъ этой цифрою смѣялись. Какихъ-нибудь документальныхъ данныхъ, которыя подтвердили бы мнѣ ея достовѣрность, болгары мнѣ не представили. Но что такіе бѣглецы имѣются, и что ихъ много,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Еще въ мою предыдущую поѣздку на Балканы, во время болгаро-сербской войны 1913 г., я самъ ихъ видѣлъ и притомъ въ очень большомъ числѣ. Они бѣжали отъ жестокостей, производившихся сербскими войсками, и страшно жаловались на нихъ. Они рассказывали о побояхъ, о нанесенныхъ имъ безъ причины ранахъ, объ оскорбленіяхъ, объ убійствахъ, объ изнасилованіяхъ женщинъ. И рассказывали такъ, что ни малѣйшей возможности усомниться въ ихъ рассказахъ у меня не было. Но это была война, а во время войнъ, — одинаково, какъ первой балканской войны, которую балканскія государства сообща вели съ

Турціей, такъ и второй войны 1913 г., которую вели балканскіе союзники другъ съ другомъ, и одни изъ нихъ при помощи Турціи,—во время войнъ самыхъ отвратительныхъ эксцессовъ было очень много. Въ первую войну ихъ было много со стороны турокъ, но не мало ихъ было и противъ турокъ.

Я никогда не забуду сильного впечатлѣнія, произведеннаго на меня рассказомъ одного болгарскаго офицера, съ которымъ вскорѣ по окончаніи турецкой войны мнѣ пришлось ѣхать въ поѣздѣ. Онъ съ негодованіемъ и ужасомъ рассказывалъ о тѣхъ звѣрствахъ, которыя производились турками,—о выколотыхъ глазахъ, о вырѣзанныхъ у женщинъ грудяхъ и т. п. Негодованіе и ужасъ передавались и мнѣ.

Но наконецъ я спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, а со стороны болгаръ не было случаевъ чего-нибудь подобнаго по отношенію къ туркамъ?

Мой офицеръ какъ-то съежился и сухо, односложно отрѣзалъ:

— Были.

Послѣ этого онъ замолчалъ, и всю дорогу я не могъ выдать изъ него больше ни слова; доѣхавъ до своей станціи, онъ сухо, короткимъ кивкомъ головы, простился со мною. Его видимо мучили воспоминанія, и онъ сердился на меня за то, что я вызвалъ въ его памяти тяжелыя и печальныя картины. Звѣрства были и со стороны болгаръ, онъ зналъ это, — и все-таки всю силу своего негодованія онъ направилъ на турокъ, на однихъ турокъ.

Во вторую войну звѣрства, безъ всякаго сомнѣнія, тоже совершались обѣими сторонами. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія военныхъ дѣйствій противъ сербовъ въ болгарской газетѣ «Дневникъ» (1 іюля 1913 г.) былъ помѣщенъ съ посвященіемъ генералу Радко Дмитріеву

«Манифестъ поэта», подписанный именемъ талантливаго поэта Кирилла Христова. Въ своемъ манифестѣ,—съ подвѣемомъ написанномъ, — поэтъ обращался къ болгарскому юношѣ съ призывомъ отомстить сербамъ:

За издѣвательство съ дѣте, за поруганье
Надъ майка българска — покрый съ найлюти рани
Звѣръ-воинъ и го живъ въ землята закопай!
На пѣкъль нека се прѣвѣрне сръбский край!
И както нѣкога царъ Симеонъ прѣсуди:
Години тамъ петель да не пропѣй—да буде
И днесъ така! Напрѣдъ! Възмездие въздай!
Въ кърви нека се облѣе сръбский край!

(За издѣвательства надъ дѣтьми, за поруганье болгарской матери, покрой звѣря-воина жестокими ранами и закопай его живого въ землю. Пусть сръбскій край обратится въ адъ. И пусть теперь будетъ такъ, какъ когда-то приказалъ царъ Симеонъ, чтобы цѣлые годы тамъ не пропѣлъ пѣтухъ. Впередъ! Отмщеніе! Пусть кровью оболѣется сръбскій край!).

Этотъ каннибальскій манифестъ не вызвалъ въ болгарскомъ обществѣ ни малѣйшаго возмущенія, ни единаго протеста.

Если такое настроеніе можетъ находить отголосокъ въ душѣ талантливаго поэта, то на полѣ сраженія оно можетъ проявляться, я скажу болѣе — оно не можетъ не проявляться, въ актахъ самаго грубаго звѣрства.

И факты такого рода, — сожженіе домовъ, массовыя избіенія, насилія надъ женщинами, отвратительныя истязанія и т. д., — имѣвшіе мѣсто во вторую балканскую войну, жертвами которыхъ были уже греки и сербы, собраны въ слишкомъ достаточномъ количествѣ и даже и иллюстрированы фотографическими снимками въ книгѣ Карнегійскаго института (стр. 63 и сл.; стр. 120 и сл.).

И сербы платили болгарамъ такъ же, какъ и туркамъ, тою же монетою.

Естественно, что завоеваніе Македоніи ими вызвало потокъ бѣженцевъ, направлявшихся въ Болгарію.

Разлагая волну бѣглецовъ изъ сербской Македоніи на ея составные элементы, мы прежде всего должны выдѣлить мусульманъ. Дибрскій исправникъ говорилъ мнѣ, что въ Дибрѣ раньше было 12.000 жителей, изъ нихъ половина мусульманъ, и почти всѣ мусульмане, за немногими исключеніями, бѣжали.

— Теперь, однако, прибавилъ онъ, они, видя, что мы ничего дурного имъ не дѣлаемъ, понемногу начинаютъ возвращаться, и тысячи двѣ уже вернулись.

То же самое мнѣ говорилъ исправникъ велесскій и всѣ другія сербскія власти. Бѣжали прежде всего помѣщики, и они имѣли для этого свои основанія: сербскій режимъ не обѣщаль имъ ничего хорошаго, такъ какъ необходимость аграрной реформы, и притомъ, можетъ быть, даже безъ выкупа, сознавалась въ Сербіи всѣми, и помѣщичьему эксплуататорскому хозяйству тамъ, несомнѣнно, пришелъ конецъ. Бѣжала турецкая чернь, напр. массы людей, промышленявшихъ нищенствомъ при мечетяхъ. Они тоже чувствовали, что ихъ существованіе при болѣе культурномъ режимѣ станетъ болѣе тяжелымъ или даже невозможнымъ, и они должны были уходить туда, гдѣ строй религіи и всей жизни даетъ имъ еще возможность какъ-нибудь пробиваться. Къ нимъ можно прибавить и многочисленное мелкое мусульманское духовенство, въ родѣ разныхъ дервишей, и кадры людей, занимающихся какимъ-нибудь ремесломъ въ родѣ чистки сапогъ на улицѣ и т. д. Меньше основаній уходить имѣли городскіе домовладѣльцы и торговцы. Однако, въ силу ли религіознаго фанатизма, въ силу ли несомнѣнныхъ жестокостей, совершаемыхъ вой-

сками, или какихъ-нибудь другихъ причинъ, но они дѣлали то же самое.

Ихъ во всякомъ случаѣ десятки тысячъ. Только они уходили не въ Болгарію, а въ Турцію, въ Малую Азію. И уходили не изъ одной лишь сербской Македоніи, а также изъ новыхъ болгарскихъ и греческихъ владѣній, такъ какъ съ мусульманами крайне жестоко обращались во время войны всѣ,—и сербы, и греки, и болгары *).

Но болгары говорятъ о сотнѣ тысячъ бѣглецовъ славянской, и именно болгарской народности, бѣжавшихъ отъ насильственной сербизаціи населенія, и бѣжавшихъ именно въ Болгарію отъ тяжелаго полицейскаго режима, созданнаго сербами.

Доля правды тутъ, конечно, есть; весь вопросъ въ томъ, какъ она велика.

Болгары показывали мнѣ различныя «объявы», т. е. паспорта, выдаваемые въ сербской Македоніи крестьянамъ для передвиженія изъ деревни въ городъ или изъ округа въ округъ, выдаваемые обыкновенно на очень краткій срокъ, иногда всего на одинъ день. Въ придирчивой паспортной системѣ болгары видятъ основаніе для сильнаго недовольства населенія. Безъ всякаго сомнѣнія, эти паспорта очень стѣснительны. Но, насколько мнѣ извѣстно, они существовали только въ пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ все время дѣйствовали болгарскія четы, производя очень серьезные беспорядки (взрывы желѣзнодорожныхъ мостовъ и т. п.). А кромѣ того, нельзя забывать, что едва окончилась война между союзниками, какъ началась война съ албанцами, а за ней почти безъ промежутка послѣдовала

---

*) Множество фактовъ такого рода несомнѣннымъ образомъ установлено въ цитированномъ уже изслѣдованіи Карнегійскаго института. Въ немъ же установленъ фактъ насильственнаго крещенія мусульманъ въ болгарской Македоніи; для сербскихъ владѣній подобныхъ фактовъ мы не знаемъ.

великая міровая война. Во время этой послѣдней всѣ воюющія государства, не исключая давно забывшей о паспортахъ Англіи, и даже всѣ нейтральныя государства, не исключая и самой Болгаріи (въ то время, къ которому относятся эти свѣдѣнія, сохранявшая еще нейтралитетъ), ввели паспортную систему, и въ Сербіи она была едва ли не мягче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что сербы, дѣйствительно, не смогли совершенно отказаться отъ насильственной сербизаціи завоеваннаго ими края. Она началась задолго до того, какъ Македонія была закрѣплена за Сербіей бухарестскимъ миромъ; она началась съ первыхъ недѣль войны съ Турціей, въ концѣ 1912 г., по мѣрѣ того, какъ сербскія войска занимали македонскую территорію и сербское правительство вводило на ней свое управленіе. Сербизація направилась, какъ я уже говорилъ, прежде всего и больше всего на болгарскую церковь, которая была немедленно подчинена бѣлградской митрополіи; далѣе на школу, такъ какъ болгарскія школы не были открыты и т. д. Между прочимъ она сказала въ одномъ характерномъ фактѣ. Значительная часть людей, населявшихъ Македонію, прежде носила фамиліи съ болгарскими окончаніями на овъ и евъ—Ивановъ, Стефановъ, Лапчевъ и т. д. Въ настоящее время въ Македоніи такихъ фамилій почти не встрѣчается: Ивановы обратились въ Іовановичей, Стефановы—въ Стефановичей, Лапчевы—въ Лапчевичей и т. д. Нѣкоторые интеллигенты (врачи и др.) сами въ разговорахъ со мной сознавались, что они сочли болѣе удобнымъ перемѣнить свою фамилію. Другимъ, менѣе грамотнымъ, напримѣръ, мелкимъ торговцамъ, фамиліи перемѣняла полиція при выдачѣ документовъ, слѣдя въ особенности за тѣмъ, чтобы она перемѣнялась на вывѣскахъ.

Эти проявленія національнаго гнета не могли не вызвать недовольства. И поэтому неизбѣжно образовалась

волна бѣженцевъ, и притомъ не только тѣхъ, которые бѣжали непосредственно изъ района военныхъ дѣйствій отъ насилій, учиняемыхъ солдатами, но также изъ мѣстъ, уже замиренныхъ, гдѣ было введено гражданское управленіе. Эту волну составляли тѣ священники-экзархисты, которые не захотѣли или не смогли примириться съ сербскимъ режимомъ (или съ которыми, въ силу ихъ крайняго болгарскаго настроенія, не пожелала примириться сербская церковная іерархія); болгарскіе учителя, которые должны были во время войны закрыть свои школы, и не могли явиться обратно; всѣ тѣ, кто жилъ за счетъ болгарской пропаганды, послѣ занятія Македоніи Сербіей прекратившейся, и кто, потерявъ источникъ своего существованія, долженъ былъ искать новаго уже не въ Македоніи, ставшей сербской, а въ Болгаріи. Наконецъ, въ эту волну входили и тѣ, кто, не получая средствъ изъ бюджета пропаганды, тѣмъ не менѣе, въ силу національнаго болгарскаго чувства, не пожелалъ подчиниться несомнѣнной сербизаціи страны.

И эта волна продолжалась все время войны съ Турціей; она могла только усилиться во время войны съ Болгаріей и не сразу прекратилась послѣ ея окончанія. А тутъ началась новая, уже міровая война, и образовалась новая волна бѣженцевъ, когда многіе, измученные предыдущими войнами, начали спасаться отъ воинской повинности въ Болгарію, принимавшую ихъ съ распростертыми объятіями, гарантируя имъ свободу отъ воинской повинности, давая имъ денежное пособіе, иногда отводя имъ земельные участки.

Какъ бы то ни было, эта волна бѣженцевъ свидѣтельствуеъ о недовольствѣ новымъ режимомъ если не всего населенія, то, по крайней мѣрѣ, извѣстной его части. Но что это недовольство не такъ уже велико, доказывается наличностью и обратной волны македонцевъ, которые въ

свое время бѣжали въ Болгарію, а потомъ возвращались домой въ Македонію. И если первая цифра—бѣглецовъ изъ Македоніи извѣстна мнѣ только по устнымъ, ничѣмъ не подтвержденнымъ заявленіямъ болгарскихъ политиковъ, то вторую цифру, обратной волны бѣженцевъ, я знаю съ совершенною точностью: въ сербской миссіи въ Софіи мнѣ показали списки македонцевъ, которымъ были выданы паспорта на возвращеніе въ Македонію. Обратная волна, какъ оказывается, потянулась съ 23 ноября 1912 г., когда Македонія формально еще не принадлежала Сербіи, но фактически находилась уже въ ея обладаніи. Въ 5 съ половиной недѣль до конца того же 1912 г. было выдано 592 паспорта на возвращеніе въ Македонію. Съ 4-го января 1913 г. по 6-е іюня того же года, число паспортовъ равняется 1.382, итого 1.974. (Число возвратившихся *лицъ* значительно больше, такъ какъ многіе паспорта выданы на цѣлыя семейства: въ книгахъ записей значится: Стефанову съ женой и двумя дѣтьми, или: Петрову съ семьей и т. д.). 6-го іюня, передъ самымъ началомъ братоубійственной войны, сербская миссія въ Софіи закрывается, и выдача паспортовъ прекращается. Она возобновилась 16 августа, черезъ три недѣли послѣ подписанія бухарестскаго мира. До конца декабря выдано 6.609 паспортовъ. Въ теченіе 1914 г. выдано еще 1.408 паспортовъ. Сверхъ того, въ книгѣ миссіи записано 525 лицъ, уже имѣвшихъ паспорта, но заявившихъ ихъ въ миссіи. Итого, до сербско-болгарской войны почти 2.000 паспортовъ, а послѣ нея до 31 декабря 1914 г. восемь съ половиною тысячъ паспортовъ; всего, вѣроятно, тысячъ 12 или болѣе лицъ (если считать также членовъ семействъ). Среди возвратившихся бѣженцевъ имѣются булочники, земледѣльцы, ремесленники, сапожники, торговцы, кафенаджіи (содержатели кафе) и т. д. Имѣются лица изъ пограничныхъ съ Болгаріей Кумановскаго и Штипскаго округовъ, но также изъ Охриды, Дибры

и т. д., т.-е. съ крайняго запада Македоніи. Когда я просматривалъ списки, мнѣ бросалась въ глаза одна ихъ особенность. Въ началѣ болгарскія фамиліи—Атанасовъ, Лазаровъ и т. д. перемежаются съ фамиліями сербскими. Но, послѣ сербско-болгарской войны, фамиліи болгарскія дѣлаются гораздо рѣже, а немного погодя исчезаютъ вовсе. Очевидно, сербское правительство и возвращающимся бѣженцамъ тоже искусственно навязываетъ сербскія фамиліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ фактъ едва-ли не говоритъ и о томъ, что населеніе относится къ этой внѣшней сербизаціи довольно спокойно, и изъ-за нея не думаетъ отказываться отъ возвращенія на родину.

XI.

З а к л ю ч е н і е .

Итакъ, мое путешествіе привело меня къ слѣдующимъ выводамъ.

До 1912 года Македонія находилась въ очень тяжелыхъ условіяхъ подъ властью дурного турецкаго правительства, ставшаго лишь немногимъ лучше со времени турецкой революціи 1908 г.

Страна страдала отъ крайняго малоземелья, отъ системы помѣщичьяго хозяйства, отъ дурного управленія, отъ отсутствія правосудія, отъ податной системы, ухудшенной грубымъ взяточничествомъ и т. д. Тяжесть положенія едва-ли не усиливалась наличностью иностранной пропаганды и революціоннаго движенія, руководимымъ изъ-за границы. Члены революціонныхъ четъ были не тѣми революціонерами, какихъ мы знаемъ изъ исторіи другихъ странъ, революціонерами, которые жертвуютъ всѣмъ ради своей идеи. Это были своеобразные чиновники на жалованьи сосѣднихъ державъ.

Изъ всѣхъ революціонныхъ направленій, существовавшихъ въ Македоніи, только одно обѣщало ей дѣйствительное освобожденіе и дѣйствительное улучшеніе ея положенія,—это то, которое отрицательно относилось къ содѣйствію сосѣднихъ державъ, выдвигало лозунгъ «Македонія для македонцевъ» и стремилось къ автономіи Македоніи, связывая съ этимъ политическимъ требованіемъ аграрную реформу и мобилизуя на дѣло борьбы массы крестьянства. Это движеніе имѣло опору въ томъ фактѣ, что Македонія представляла изъ себя во всякомъ случаѣ географическое цѣлое (а по мнѣнію его сторонниковъ и этнографическое, поскольку дѣло касается славянъ), у котораго былъ одинъ центръ (Салоники) одна дорога къ морю, и которому для экономическаго, политическаго и соціальнаго развитія необходимо было оставаться цѣлымъ.

Македонія, какъ особое государство, есть теоретически лучшее рѣшеніе балканскаго вопроса: у Болгаріи и у Сербіи были бы сильнѣйшія побужденія вступить съ нею въ таможенный союзъ, и она вѣроятно была бы первой ячейкой, вокругъ которой сравнительно быстро должна была образоваться балканская федерація; а къ ней уже давно стремятся соціалисты всѣхъ балканскихъ странъ и многіе лучшіе люди не изъ соціалистическихъ партій. Балканская федерація дала бы и Болгаріи, и Сербіи выходъ къ Эгейскому (а при привлеченіи къ ней Албаніи и Греціи и къ Адриатическому) морю, и каждой изъ нихъ—необходимую долю вліянія на Вардарскую долину *).

Это было рѣшеніе вопроса—мирное и выгодное для всѣхъ.

Но, конечно, это рѣшеніе чисто теоретическое; оно было абсолютно неосуществимо при повсемѣстномъ на Балканахъ господствѣ грубыхъ имперіалистическихъ вождельнѣй, при

---

*) См. ниже особую статью о балканской федераціи.

наличности сильныхъ династическихъ интересовъ, вообще при конкретныхъ условіяхъ даннаго историческаго момента.

Три соперничающихъ изъ-за Македоніи державы, ведя въ ней своекорыстную политику, парализовали чисто македонское революціонное движеніе, поддерживали въ ней цѣлыми годами анархію, препятствовавшую и безъ того слабой реформаторской дѣятельности младотурецкаго правительства. Говоря въ своемъ договорѣ 29 февраля 1912 г. объ автономіи Македоніи, Болгарія и Сербія уже тогда не вѣрили въ нее и не хотѣли ея; уже этимъ договоромъ онѣ совершили тяжкое преступленіе передъ населеніемъ якобы освобождаемой ими страны, произведя раздѣлъ по живому ея тѣлу. Начиная войну съ Турціей, балканскія державы преслѣдовали не освободительныя, а, главнымъ образомъ, завоевательныя цѣли, стремясь къ расширенію рынковъ сбыта для своей молодой промышленности и къ обезпеченію себѣ выхода къ Эгейскому морю.

Завоевательныя цѣли Болгаріи, Сербіи и Греціи по самому существу были непримиримы между собой, и потому братоубійственная война 1913 г. была неизбѣжнымъ результатомъ войны съ Турціей; поэтому всякій, кто поддерживалъ союзниковъ въ 1912 г., несетъ тяжелую моральную отвѣтственность и за нее, и за всѣ ея дальнѣйшія послѣдствія—національный гнетъ, массовое бѣгство изъ Македоніи и т. д. Этотъ упрекъ относится не только къ русской дипломатіи, но и къ значительной части прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества. *)

Раздѣлъ Македоніи имѣлъ очень сложныя и очень тяжелыя послѣдствія для ея населенія и для судебъ всего

---

*) Симпатіи этой части русскаго общества нашли свое выраженіе въ извѣстномъ воззваніи къ русскому обществу, опубликованномъ въ газетахъ въ октябрѣ 1912 г., въ которомъ говорилось:

«Русское сердце въ общемъ подъемѣ бьется живымъ сочувствіемъ побѣдному шествію славянъ и надеждою, что русское на-

Балканскаго полуострова. Онъ сильно и болѣзненно отозвался на экономическомъ благосостояніи страны, отдѣливъ сербскую и болгарскую части ея отъ Салоникъ и вызвавъ непомѣрный подъемъ цѣнъ всѣхъ привозныхъ товаровъ. Онъ создалъ необходимость для новыхъ хозяевъ страны закрѣпить свое положеніе въ ней національнымъ гнетомъ *). Онъ не только не распространилъ немедленно на Македонію дѣйствія сербской и греческой конституцій, но лишилъ ее и тѣхъ конституціонныхъ правъ, которыми она пользовалась въ Турціи. Онъ отодвинулъ въ неопредѣленное будущее образование Балканской федераціи. Онъ не удовлетворилъ, а только разогрѣлъ имперіалистскіе

національное самосознаніе поможетъ обезпечить за ними плоды ихъ побѣдъ».

Подъ этимъ возваніемъ имѣются подписи очнь уважаемыхъ дѣятелей (М. Ковалевскаго, Н. Карѣева, С. Ольденбурга, А. Шахматова, В. Вернадскаго и мн. др.), кстати сказать, забывшихъ, что греки, принимавшіе участіе въ побѣдномъ шествіи, врядъ ли могутъ быть причислены къ славянамъ.

Къ сожалѣнію, національное сознаніе авторовъ возванія не помогло обезпечить ни за болгарами, ни за сербами, плодовъ ихъ завоеваній, а всего менѣе сумѣли они это сдѣлать по отношенію къ македонцамъ.

*) Я говорилъ выше о національномъ гнетѣ въ сербской Македоніи, которую я посѣтилъ самъ. Тамъ нужно было сербизировать болгарскую и болгарофильскую часть населенія. Совершенно несомнѣнно, что такой же и даже во много разъ худшій національный гнетъ производился и производится и до сихъ поръ въ греческой Македоніи (см. цитированную выше книгу Карнегійскаго института, стр. 175 и сл.). Производится ли онъ въ болгарской Македоніи? Книга Карнегійскаго института, посвятившая по спеціальной статьѣ сербской и греческой Македоніи, болгарскую какъ разъ обошла молчаніемъ. Но мимоходомъ въ главѣ, посвященной описанію тѣхъ жестокостей, которыя совершались по отношенію къ мусульманамъ славянами и греками, рассказывается, какъ болгары насильственно крестили помаковъ (болгаръ, исповѣдующихъ исламъ) (стр. 139—142). Такимъ образомъ и болгары по меньшей мѣрѣ не свободны отъ того же упрека.

аппетиты не только побѣжденной Болгаріи, но и побѣдившей Сербіи, которая послѣ присоединенія одной части Македоніи не скрывала своего сожалѣнія, что она не получила Салоникъ, и явно стремилась къ захвату Албаніи, видя въ ней цѣнный для себя рынокъ. Такимъ образомъ, раздѣлъ Македоніи посѣялъ на Балканахъ «сѣмена раздоровъ и войны» на многіе годы, и первую, но врядъ ли послѣднюю ихъ жатву, собираемъ мы уже теперь.

Однако, разъ преступный договоръ былъ заключенъ, то необходимо признать, что Сербія въ той части Македоніи, которая досталась ей, произвела значительную культурную работу. Она установила тамъ полную безопасность личности. Она замѣнила совершенно некультурную турецкую систему налоговъ культурною европейскою. Она провела цѣлый рядъ хорошихъ шоссеиныхъ дорогъ и готовилась къ постройкѣ цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Она покрыла страну сѣтью весьма удовлетворительныхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Она создала тамъ правосудіе и прекратила грубое господство бакшиша. Но всего важнѣе, что Сербія, если не приступила къ аграрной реформѣ, то только вслѣдствіе новой войны. Въ данномъ случаѣ заявленія сербскихъ министровъ вызываютъ къ себѣ полное довѣріе. За это говоритъ прошлый опытъ, и не только опытъ тридцатыхъ годовъ ХІХ столѣтія, когда такая реформа была проведена въ освободившейся части Сербіи, но и опытъ конца семидесятыхъ годовъ, когда эта реформа была распространена на новые округа, присоединенные къ Сербіи Берлинскимъ трактатомъ; за это говоритъ общій характеръ сербской политики, демократической и притомъ мужицки-демократической. И если реформа не могла быть совершена такъ скоро, то все же Сербія уже сумѣла во многихъ случаяхъ смягчить тяжесть положенія безземельнаго крестьянства посредствомъ извѣстнаго давленія на помѣщиковъ-турокъ.

Культурная работа, произведенная сербскимъ правительствомъ, и надежда на аграрную реформу заставили население сербской Македоніи примириться съ сербскимъ режимомъ, несмотря даже на національный гнетъ. Что касается національнаго гнета, то, сильный сначала, онъ очень скоро ослабѣлъ и, наконецъ, вовсе прекратился, такъ какъ національное чувство македонскаго населенія никогда не было глубокимъ и прочнымъ. Когда ушли непримиримые болгарскіе элементы, составляющіе во всякомъ случаѣ лишь незначительное меньшинство въ населеніи, то остальные славяне безъ особенной горечи согласились признать себя сербами *).

Поэтому можно сказать съ значительной долей увѣренности: если Македонія останется за Сербіей и если черезъ годъ или два въ сербскую скупщину войдутъ ея представители, то сербскому правительству не будетъ ни малѣйшей надобности прибѣгать къ избирательнымъ прие-

---

*) Явленіе такой легкой и быстрой сербизаціи не новое. Въ 1878 г. къ Сербіи были присоединены освобожденные отъ турецкой власти округа Нишскій, Пиротскій и Враньскій, тогдашнее населеніе которыхъ болгары признаютъ болгарскимъ. Тамъ была произведена аграрная реформа, введена сербская школа, церковь подчинена бѣлградской митрополіи,—вообще Сербія дѣйствовала совершенно въ томъ же духѣ, какъ теперь въ Македоніи. И не прошло и десяти лѣтъ, какъ населеніе забыло болгарскій языкъ, заговорило по-сербски и начало чувствовать себя сербскимъ. По крайней мѣрѣ въ 1894 г., когда я посѣтилъ эти мѣста, я не могъ найти въ нихъ никакихъ признаковъ національнаго или церковнаго недовольства, и въ исторіи сербскаго парламентаризма нѣтъ возможности отыскать какихъ бы то ни было слѣдовъ сепаратизма или борьбы за мѣстныя національныя права. И сами болгарскіе націоналисты, жалуясь на потерю этихъ округовъ, признаютъ ихъ полную сербизацію въ самое короткое время. Только она въ этомъ фактѣ быстрой и легкой сербизаціи Нишскаго и др. округовъ видятъ аргументъ въ пользу возвращенія болгарамъ Македоніи, такъ какъ иначе и она скоро будетъ для нихъ потеряна безвозвратно.

мамъ Радославова или Гунариса, чтобы въ ней не было ни македонскихъ сепаратистовъ, ни болгарскихъ націоналистовъ.

Тѣмъ не менѣе, если бы можно было теперь съ надеждой на успѣхъ поставить на очередь вопросъ о созданіи автономной Македоніи изъ трехъ ея частей, находящихся во власти враждебныхъ другъ другу государствъ, то это слѣдовало бы сдѣлать. Автономія Македоніи примирила бы интересы Болгаріи и Сербіи, и Балканы перестали бы играть роль кучи горячаго матеріала. Но въ настоящій историческій моментъ для постановки этого вопроса нѣтъ необходимыхъ условій, и трудно ожидать, чтобъ они появились въ близкомъ будущемъ.

Сербская Македонія отъ присоединенія къ Болгаріи не выиграетъ, а только проиграетъ. Она по-прежнему останется отрѣзанной отъ Салоникъ. Замѣна Бѣлграда, какъ торговаго центра, Софіей никакой выгоды не представитъ, особенно на первое время: съ Бѣлградомъ Македонія все же связана желѣзной дорогой, хотя и крайне недостаточной (одноколейной), а съ Софіей и Болгаріей она связана только черезъ Сербію.

Что касается національнаго гнета, то врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что, при переходѣ сербской Македоніи въ руки Болгаріи, національный гнетъ долженъ начаться въ удвоенной или утроенной степени. Правда, руководители болгарскаго общественнаго мнѣнія постоянно заявляютъ съ большой гордостью, что Болгарія никогда не знала ни національнаго, ни религіознаго гнета, и что, слѣдовательно, предсказывать таковой для родственной Македоніи нѣтъ основанія. Но прежде всего это указаніе не соотвѣтствуетъ истинѣ,—мы видѣли, что по отношенію къ помакамъ въ Македоніи и Эракіи болгары религіозный гнетъ производили. А затѣмъ,—и это главное, по отношенію къ Македоніи, къ тому ея населенію, которое имъ

такъ хотѣлось бы видѣть болгарскимъ, соблазнъ у нихъ будетъ особенно великъ. Они не могутъ не возвратитъ ушедшихъ изъ Македоніи священниковъ и учителей; они не смогутъ смотрѣть на священниковъ, раньше бывшихъ экзархистами, а теперь присоединившихся къ митрополіи, иначе, какъ на ренегатовъ; они не смогутъ простить той части населенія, которая признала себя сербской.

Такимъ образомъ, если раздѣлъ Македоніи по договору 29 февраля 1912 г. и миру 28 іюля 1913 г. былъ преступленіемъ, то новый раздѣлъ Македоніи будетъ новымъ преступленіемъ и по отношенію къ македонскому населенію, которое ничего, кромѣ новыхъ скорпіоновъ, отъ него не получитъ, и по отношенію ко всѣмъ балканскимъ народамъ вообще, такъ какъ онъ нисколько не приблизитъ единственнаго возможнаго мирнаго разрѣшенія спора, т. е. балканской федераціи *).

---

*) Послѣднія страницы я нарочно оставляю совершенно въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны вскорѣ послѣ моей поѣздки въ сербскую Македонію, задолго до новаго занятія ея болгарами, и какъ онѣ были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы». Ниже читатель найдетъ статью о судьбѣ сербской Македоніи послѣ завоеванія ея болгарами, и изъ нея онъ увидитъ, въ какой мѣрѣ оправдались высказанныя здѣсь соображенія.

Янь Санданскій.

Краткая телеграмма объ убійствѣ, жертвой котораго въ апрѣлѣ 1915 г. близъ Неврокопа (на югѣ болгарской Македоніи) палъ македонскій революціонеръ Санданскій, не говорила ни слова ни объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершено убійство, ни о его виновникѣ. „Ведется слѣдствіе“ — вотъ все, что мы узнали изъ нея. Съ тѣхъ поръ прошелъ почти цѣлый годъ, и все таки мы не знаемъ ничего сверхъ этого. Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію какъ то, что убійство совершено на политической почвѣ, такъ и то, что въ могилу сошла очень яркая и крупная фигура, быть можетъ, одна изъ самыхъ яркихъ фигуръ, работавшихъ въ послѣднія два десятилѣтія на Балканскомъ полуостровѣ.

Санданскій родился въ 1873 г. близъ Драмы, т. е. въ той части Македоніи, которая по бухарестскому миру 1913 г. отошла къ Греціи. По своему національному происхожденію онъ — чистый славянинъ, и родной языкъ его—либо болгарскій, либо близкій къ болгарскому. Учился онъ въ гимназіи въ Болгаріи, но дошелъ только до 4 класса, потомъ недолго служилъ въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Болгаріи же, но уже въ 1894 г. вышелъ въ отставку (его враги говорятъ, что онъ былъ уволенъ за какія-то неблаговидныя дѣйствія, но это крайне сомнительно). Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя революціонной дѣятельности на своей родинѣ, Македоніи, дѣйствуя въ качествѣ орагнизатора и воеводы революціонныхъ четъ.

Въ революціонныя четы на Балканскомъ полуостровѣ шли очень разнообразныя люди; здѣсь были и люди идейные, боровшіеся за освобожденіе родины отъ тиранническаго правительства и стремившіеся къ опредѣленнымъ социальнымъ реформамъ; здѣсь была и разгульная вольница, которой стало тяжело подъ гнетомъ полицейскихъ и социальныхъ условий и которой нуженъ былъ просторъ для проявленія своей удали; здѣсь были и люди, которымъ нечего было дѣлать въ рамкахъ легальной жизни и которые просто являлись разбойниками. Въ разное время доминировали то тѣ, то другіе элементы. Санданскій принадлежалъ, несомнѣнно, къ первой категоріи. Крестьянинъ по происхожденію, притомъ крестьянинъ турецкій, съ дѣтства знавшій, что значитъ малоземелье и крѣпостная зависимость, фактически существовавшая въ то время въ Турціи, несмотря на отмѣну ея въ законодательномъ порядкѣ, онъ былъ прежде всего и больше всего сторонникомъ аграрной реформы, т. е. конфискаціи земельной собственности у помѣщиковъ и надѣленія ею арендаторовъ и батраковъ; затѣмъ онъ былъ сторонникомъ образованія изъ Македоніи самостоятельнаго государства, или, на худой конецъ, автономной провинціи. Такова была его программа.

Во всякомъ случаѣ, на первомъ планѣ у него стояла аграрная реформа, а политическую онъ сознательно подчинялъ ей.

Я много разъ встрѣчался съ Санданскимъ въ различные моменты его жизни. Весьма немногіе люди на Балканскомъ полуостровѣ производили на меня такое сильное, цѣльное и яркое впечатлѣніе, какъ именно этотъ борецъ за македонскую независимость. Въ немъ чувствовалось полнѣйшее безстрашіе, самообладаніе и громадная, непреклонная энергія; чувствовалось, что своимъ тихимъ, груднымъ голосомъ онъ умѣетъ отдавать приказанія, кото-

рыхъ въ критическую минуту никто не рѣшится слушаться. Его громадное честолюбіе было совершенно ясно, и трудно было сомнѣваться, что этотъ демократъ-народникъ, оставаясь вѣренъ своей программѣ, въ то же время нигдѣ и никогда не согласится удовлетвориться второстепенной ролью, вторымъ мѣстомъ; считая дозволительными и не останавливаясь ни передъ какими средствами на пути къ своимъ общимъ политическимъ цѣлямъ, онъ въ то же время не потерпитъ рядомъ съ собой и личнаго соперника.

При отсутствіи сколько-нибудь серьезнаго образованія онъ былъ человѣкомъ крупнаго ума, съ прекраснымъ знаніемъ Македоніи и македонскаго народа и съ умѣніемъ разбираться въ политическихъ вопросахъ каждаго даннаго момента. Среди македонскаго крестьянства онъ пользовался громадной популярностью.

Въ самомъ началѣ своей революціонной карьеры, въ 1896 г., онъ успѣлъ возмутить городокъ Мельникъ, который объявилъ себя независимымъ. Само собою разумѣется, городская республика въ Мельникѣ не могла быть прочной, и черезъ нѣсколько дней городъ сдался турецкимъ властямъ, которыя, конечно, жестоко выместили свою временную неудачу на руководителяхъ движенія. Но Санданскій успѣлъ организовать тамъ своихъ единомышленниковъ, и съ тѣхъ поръ г. Мельникъ былъ главнымъ центромъ его дѣятельности, гдѣ онъ всегда находилъ вѣрное убѣжище, несмотря на поиски турецкихъ сыщиковъ. Оттуда онъ распространилъ свое вліяніе на всю мѣстность между рѣками Струма и Места. По горной цѣпи Пиринъ—Планина эта область называлась Пиринскимъ царствомъ, и неуловимый для турецкихъ властей Санданскій былъ въ немъ царемъ. Тамъ на средства мѣстныхъ крестьянъ возникли школы и учителями въ нихъ были сторонники Санданскаго. Тамъ турецкіе помѣщики не смѣли такъ притѣснять своихъ крестьянъ, какъ въ

другихъ мѣстахъ; тамъ турецкія власти боялись отвѣтственности не только передъ высшими властями въ главномъ городѣ вилайета, Салоникахъ, но и передъ пиринскимъ царемъ, и передъ послѣднимъ даже больше, такъ какъ отъ него нельзя было откупиться бакшишемъ. Самъ пиринскій царь скрывался со своей четою въ Пиринскихъ ущельяхъ, время отъ времени производя набѣги то на отряды турецкихъ войскъ, то на турецкихъ должностныхъ лицъ, то на турецкія деревни, избивая людей и грабя имущество. Такова была политическая борьба того времени. Но объектами его нападеній были не только турки...

Въ Македоніи имѣлись различныя революціонныя партіи: была партія греческая, была «внѣшняя организація», получавшая денежную и всякую иную помощь изъ Софіи и стремившаяся къ присоединенію Македоніи къ Болгаріи; была такъ называемая внутренняя организація, выдвигавшая лозунгъ «Македонія для македонцевъ». Санданскій вначалѣ принадлежалъ къ этой послѣдней, а позднѣе онъ вышелъ и изъ нея, разоидясь съ нею, быть можетъ, болѣе по личнымъ, чѣмъ принципіальнымъ причинамъ, продолжая, однако, дѣйствовать въ томъ же общемъ направленіи. Три эти партіи были на ножахъ, другъ друга ненавидѣли и въ борьбѣ другъ съ другомъ прибѣгали къ тѣмъ же средствамъ, какими они пользовались и въ борьбѣ съ турками, т. е. къ ятагану и пистолету. Въ концѣ 1907 г. былъ убитъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ вождей македонскаго революціоннаго движенія болгарской партіи Сарафовъ. Хотя непосредственно въ этомъ убійствѣ Санданскій и не принималъ участія, но въ софійскомъ судѣ онъ былъ признанъ моральнымъ его соучастникомъ. Виновенъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ, съ полною достовѣрностью сказать я бы не рѣшился; самъ Санданскій, въ разговорѣ со мной категорически отрицалъ свое участіе въ этомъ убійствѣ, но я склоненъ думать, что въ данномъ случаѣ обви-

нительный приговоръ былъ вынесенъ далеко небезосновательно. Отвѣтомъ на убійство Сарафова было покушеніе на жизнь Санданскаго, который былъ тяжело раненъ въ спину выстрѣломъ изъ ружья.

Санданскій заочно былъ приговоренъ къ смертной казни въ Болгаріи, а въ Турціи онъ былъ къ ней приговоренъ еще гораздо раньше. Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ вести жизнь травленнаго волка, не имѣя возможности изъ турецкой Македоніи скрываться даже на территоріи Болгаріи, дружественной македонскимъ революціонерамъ другихъ политическихъ оттѣнковъ. Въ Греціи и Сербіи онъ тоже не могъ рассчитывать на благосклонный пріемъ.

Въ 1908 г. произошла турецкая революція. Тотчасъ же послѣ торжества младотурокъ въ Турціи была дана широкая амністія политическимъ борцамъ, и Санданскій подошелъ подъ нее. Съ тѣхъ поръ онъ могъ жить открыто и появляться совершенно свободно на улицахъ и въ кафе Константинополя, Салоникъ и другихъ городовъ и деревень Турціи, слѣдовательно, и Македоніи. Турецкая революція дала Македоніи нѣкоторое улучшеніе въ порядкѣ управленія, но для разрѣшенія аграрнаго вопроса она не сдѣлала ровно ничего. Скорѣе напротивъ. Если раньше македонскій селякъ могъ жаловаться революціонной четѣ на обиду, причиненную ему турецкимъ помѣщикомъ или полицейскимъ, и революціонная чета являлась, своего рода, тайнымъ судилищемъ и явнымъ мстителемъ за его обиду, то теперь улучшеніе полицейскаго надзора совершенно лишило революціонную чету этой роли. Поэтому непосредственно положеніе македонскаго селяка стало скорѣе хуже, чѣмъ лучше.

— Но зато у насъ,—говорилъ мнѣ Санданскій въ Константинополѣ въ 1909 г.,—появилась возможность открытой борьбы въ легальныхъ формахъ; мы теперь не звѣри, на Балканахъ.

которыхъ травятъ, а граждане; мы можемъ работать надъ преобразованіемъ родины, и наша работа не останется безплодной. Но, конечно, мы должны работать, какъ граждане конституціонной Оттоманской имперіи въ ея политическихъ границахъ, отказавшись отъ стремленія къ политическому отдѣленію Македоніи отъ Турціи. У насъ есть аграрная программа, связанная съ общей политической программой; первая состоитъ въ конфискаціи земли у помѣщиковъ и надѣленіи ею крестьянства, а вторая—въ образованіи изъ Македоніи автономной провинціи въ рамкахъ Оттоманской имперіи. На политическія же интриги съ болгарскимъ правительствомъ или иностранными державами мы не идемъ. И всего больше боимся мы того, какъ бы милые друзья,—болгары, сербы и греки, не пришли насъ освобождать.

Такимъ образомъ, Санданскій явился въ рядахъ македонскихъ революціонеровъ главнымъ выразителемъ идеи примиренія съ младотурецкимъ правительствомъ, и на этой почвѣ окончательно разошелся не только съ сторонниками болгарской оріентаціи, но и съ частью своихъ вчерашнихъ товарищей, съ самаго начала оказавшихся болѣе дальновидными и не повѣрившими обѣщаніямъ турецкой революціи. А всего удивительнѣе была та быстрота, съ которой вчерашній комитаджій, цѣлыми годами скрывавшійся въ горахъ, преслѣдуемый врагами и преслѣдующій ихъ, человѣкъ пистолета, ятагана и краснаго пѣтуха, обратился въ политическаго дѣятеля конституціоннаго государства, заботившагося о проведеніи своихъ кандидатовъ въ парламентъ и о парламентскихъ группировкахъ.

Между тѣмъ уже въ то время, въ 1909 г., многое могло бы навести и наводило Санданскаго на раздумье. Между прочимъ, онъ познакомилъ меня съ Хильми-пашой, тогдашнимъ великимъ визиремъ, который раньше, въ качествѣ генераль-губернатора Македоніи, приговаривалъ

Санданскаго къ смертной казни, а теперъ, послѣ амнистіи, находился съ нимъ въ порядочныхъ личныхъ отношеніяхъ. Я спрашивалъ Хильми-пашу о томъ, какъ турецкое правительство намѣрено отнестись къ автономистскимъ стремленіямъ различныхъ частей Турціи и получилъ отъ него рѣшительный отвѣтъ, что для турецкаго правительства нѣтъ ни македонцевъ, ни арабовъ, ни евреевъ, а есть только оттоманскіе граждане; они получаютъ полную личную свободу, но только какъ оттоманскіе граждане, подъ условіемъ отреченія отъ какихъ бы то ни было стремленій къ политической автономіи. Санданскій, плохо понимая языкъ (французскій), на которомъ мы говорили, но все же догадываясь о содержаніи разговора, потомъ заговорилъ съ Хильми-пашой по-турецки. На этотъ разъ я былъ лишенъ возможности слѣдить за разговоромъ, но послѣ Санданскій сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ съ Хильми-пашой о томъ же, о чемъ и я, и закончилъ разговоръ словами: «Своей политикой централизма, вы готовите Турціи могилу».

Пророчество впоследствии оправдалось, но тогда Санданскій еще надѣялся, что турецкіе политическіе дѣятели сумѣютъ пойти по другой дорогѣ. Надежда обманула его, и къ 1911 году онъ окончательно разочаровался въ турецкомъ правительствѣ.

Въ 1912 г. произошло то, чего онъ всего больше боялся: милые друзья, болгары, сербы, черногорцы и греки, заключили договоръ о раздѣлѣ Македоніи и принялись ее освобождать. Что было дѣлать ему? Онъ по прежнему былъ убѣжденъ, что только единая и автономная Македонія можетъ развиваться спокойно, но видѣлъ, что осуществленіе этого плана становится невозможнымъ. Ему оставалось выбрать изъ нѣсколькихъ золъ меньшее, и онъ остановился на Болгаріи, которая, какъ казалось тогда, имѣла шансы получить всю Македонію и, слѣдовательно,

сохранить по крайней мѣрѣ ея единство. И онъ сформировалъ особую чету, во главѣ которой сражался съ турками на сторонѣ Болгаріи, не отказываясь отъ принципа «Македонія для македонцевъ», и не теряя надежды, что будущее дастъ возможность осуществить его. Сражался на сторонѣ Болгаріи, все еще оставаясь въ ней человекомъ лишеннымъ правъ, котораго каждую минуту можно было арестовать и отправить на висѣлицу. Лѣтомъ 1913 г. я его встрѣтилъ въ Софіи. Онъ ходилъ совершенно открыто по улицамъ Софіи, посѣщалъ софійскія кафэ, нисколько не скрываясь. Его узнавали многіе, и, конечно, его ничего не стоило бы арестовать. Но, повидимому, болгарское правительство отдало приказъ по полиціи не трогать его. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени былъ проведенъ черезъ парламентъ спеціальнѣйшій законъ объ амністіи для Санданскаго и нѣсколькихъ его товарищей.

По бухарестскому миру, родина Санданскаго, для которой онъ считалъ необходимымъ политическое соединеніе въ одно цѣлое съ западной и сѣверной Македоніей, испытала худшую, съ его точки зрѣнія, изъ всѣхъ возможныхъ частей: она попала подъ греческое владычество, которое въ области аграрнаго вопроса продолжало политику турецкаго правительства, а въ области уваженія къ правамъ человѣческой личности было едва ли не хуже, чѣмъ турецкое правительство, по крайней мѣрѣ, послѣ революціи 1908 г. Санданскому нужно было видоизмѣнить свою политическую программу въ зависимости отъ событий, и онъ сдѣлался однимъ изъ носителей идеи новаго передѣла Македоніи въ интересахъ болгарскаго государства. Въ послѣднее время въ маленькомъ журнальчикѣ «Македонскій Голосъ», издающемся въ Петроградѣ (порусски) небольшою группою македонскихъ выходцевъ, оставшихся вѣрными идеѣ «Македонія для македонцевъ»,

появилось нѣсколько чрезвычайно рѣзкихъ статей противъ этого дѣятеля. Статьи ясно говорили о томъ, что сторонники автономной Македоніи должны были окончательно и рѣзко порвать съ Санданскимъ.

Враговъ у него было очень много. Врагами его были турки, врагами его были греки и сербы, отстаивающіе неприкосновенность бухарестскаго мира, врагами его были и чистые македонцы. Съ чьей стороны нанесенъ ударъ,—мы этого не знаемъ.

Ударъ былъ нанесенъ мѣтко, какъ его умѣлъ наносить и самъ Санданскій.

Судьба Македоніи въ годы великой войны.

Въ первые мѣсяцы великой міровой войны Македонія была сравнительно мало затронута ею. Ея болгарская и греческая части были нейтральны вмѣстѣ съ тѣми державами, въ составъ которыхъ онѣ входили, а сербская Македонія представляла изъ себя глубокой тылъ. Изъ этого тыла шли новобранцы, какъ изъ самой Сербіи; туда массами направлялись раненые и плѣнные, и ея значеніе, какъ тыла, было очень велико. Врядъ ли Сербія такъ легко выдержала бы безъ него первый натискъ австрійцевъ, которые въ ноябрѣ 1914 г. забрали весь сѣверо-западъ Сербіи съ ея столицей Бѣлградомъ, но которыхъ уже въ декабрѣ того же года сербы принудили спѣшно его очистить. Это значеніе Македоніи живо сознавалось и высоко оцѣнивалось сербами.

Но вооруженнаго врага сербская Македонія въ своихъ горахъ и на своихъ поляхъ еще не видѣла. Полной безопасностью она все же не пользовалась. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны не разъ четы комитаджіевъ, образовавшихся на болгарской территоріи подъ эгидой болгарскаго правительства, вступали въ Македонію, истребляя сербскіе военные посты, сжигая деревни, взрывая желѣзнодорожные мосты, послѣ чего спокойно укрывались въ Болгарію. Въ отвѣтъ на дипломатическіе протесты Болгарія объясняла, что она здѣсь не причемъ, и что въ дѣйствительности произошло мѣстное возстаніе македонцевъ,

доведенныхъ до крайности тиранническимъ сербскимъ режимомъ. Неправильность такого объясненія не подлежитъ сомнѣнiю; о ней говорятъ и патронницы съ клеймами болгарскаго арсенала, почти всегда находившіяся на мѣстѣ предполагаемаго возстанія; и самый фактъ, что возстанія систематически происходили на одномъ и томъ же мѣстѣ у самой болгарской границы (около болгарскаго города Струмицы), и та легкость, съ которой участники возстанія каждый разъ находили совершенно безопасное убѣжище за пограничной чертой. Болгарія просто продолжала въ сербской Македоніи то дѣло, которое она (такъ же, какъ и Сербія) дѣлала тамъ раньше, въ турецкія времена.

Но значеніе такихъ вторженій все же было не особенно велико, и въ общемъ тяготы войны падали на сербскую Македонію значительно легче, чѣмъ на коренную Сербію.

За время войны она все болѣе и болѣе сживалась и сrostалась съ коренною Сербіею. Но судьба ея, какъ части сербскаго королевства, далеко не была вырѣшена.

Въ тѣ же мѣсяцы между маленькими державами Балканскаго полуострова и великими державами согласія шли долгіе и трудные дипломатическіе переговоры о новомъ раздѣлѣ Македоніи*).

Еще въ августѣ 1914 г. союзныя правительства предложили Сербіи взять на себя обязательство вознаградить по окончаніи войны Болгарію за ея предполагаемое выступленіе частью Македоніи, не опредѣляя точнѣе, какою именно. Сербія отвѣтила согласіемъ въ расчетѣ на ком-

---

*) Къ сожалѣнію, документы, касающіеся этихъ переговоровъ, до сихъ поръ не опубликованы, и потому приходится довольствоваться далеко не полнымъ «Правительственнымъ сообщеніемъ» о нихъ, напечатаннымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 23 сентября 1915 г., а кромѣ того разными отрывочными газетными свѣдѣніями.

пенсацію за счетъ Австріи, а также на то, что впоследствии она выторгуетъ скромный размѣръ своей уступки. Но Болгарія этимъ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ не соблазнилась и отвѣтила державамъ, что она намѣрена по прежнему держаться нейтралитета. Въ январѣ 1915 г. русская дипломатія предложила Болгаріи уже опредѣленно всю безспорную (по договору 29 февраля 1912 г.) зону Македоніи, т. е. Македонію къ югу отъ линіи Кюстендиль—Охрида съ городами Велесъ, Штипъ, Охрида, Битоль (Монастырь). Но Болгарія упорно держалась своего не вполне добросовѣстнаго нейтралитета, не мѣшавшаго ей систематически поддерживать четы комитаджіевъ, вторгавшіяся въ сербскую Македонію.

Въ то же самое время министр-президентъ Греціи Венизелосъ рѣшилъ, что настало время Греціи вмѣшаться въ мировую войну, конечно, на сторонѣ Россіи, Англіи и Сербіи, противъ Австріи, Германіи и Турціи. Чтобы обезпечить границы Греціи отъ возможнаго нападенія на нее со стороны такъ недавно и такъ тяжело оскорбленной ею Болгаріи, Венизелосъ проектировалъ добровольно уступить ей восточную часть греческой Македоніи съ городами Кавала, Драма и др. Такимъ образомъ Венизелосъ, яркій выразитель стремленій греческаго имперіализма, одинъ изъ творцовъ балканскаго союза 1912 г., самъ добровольно отказывался отъ части завоеваній, сдѣланныхъ Греціею во время балканскихъ войнъ и закрѣпленныхъ бухарестскимъ миромъ, однимъ изъ главныхъ виновниковъ котораго былъ именно онъ. Конечно, онъ рассчитывалъ на щедрое вознагражденіе за счетъ Турціи; къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ далеко простирались его притязанія въ этомъ направленіи.

Такимъ образомъ въ началѣ 1915 г. предполагалось увеличеніе болгарскихъ владѣній въ Македоніи, и притомъ съ двухъ сторонъ: со стороны сербской и греческой. Но

это все же не было объединеніемъ всей Македоніи подѣ болгарской властью: «спорная зона» Македоніи съ такими цѣнными пунктами, какъ Ускюбъ, Дибра, Тетово, должна была остаться сербской, а столица Македоніи—Салоники—греческой.

Замѣчательный планъ Венизелоса разбился о сопротивление короля Константина, который сталъ подѣ защиту очень выигрышнаго лозунга: «ни пяди греческой земли». Въ февралѣ 1915 г. Венизелось долженъ былъ выйти въ отставку.

Замѣстителемъ Венизелоса явился Гунарисъ. Какъ недавно (въ началѣ 1916 г.) сообщил греческій королевичъ Николай въ статьѣ, помѣщенной имъ въ Temps, Гунарисъ вступилъ въ управленіе Греціей вовсе не германофиломъ, какимъ его считали у насъ. Напротивъ, онъ немедленно сдѣлалъ предложеніе державамъ согласія о немедленномъ вступленіи Греціи въ войну на ихъ сторонѣ, но только поставилъ одно непремѣнное условіе: державы должны были гарантировать грекамъ неприкосновенность ихъ нынѣшней территоріи, т. е. категорически отказаться отъ плана вознаграждать Болгарію за счетъ греческихъ пріобрѣтеній въ Македоніи. Державы, все еще надѣявшіяся привлечь Болгарію на свою сторону и правильно оцѣнивавшія болгарскую военную помощь гораздо выше греческой, отказались и попробовали увлечь Грецію обѣщаніемъ другихъ, гораздо болѣе щедрыхъ компенсацій за счетъ Турціи. Но Гунарисъ, свергнувшій своего широко популярнаго предшественника лозунгомъ: «ни пяди греческой земли», конечно, не соблазнился ими.

Лѣтомъ 1915 г. общіе парламентскіе выборы въ Греціи вернули къ власти Венизелоса. Но это былъ уже не прежній Венизелось: онъ цѣликомъ принялъ лозунгъ короля Константина и Гунариса; а вмѣстѣ съ тѣмъ, подѣ влияніемъ военныхъ успѣховъ нѣмцевъ, онъ уже далеко не съ

прежней рѣшимостью готовъ былъ начинать войну. Новое министерство Венизелоса оказалось крайне непрочнымъ. Началась быстрая смѣна министерствъ (августъ 1915—Венизелось, сентябрь—Заимись, ноябрь—Скулудись, июнь 1916—Заимись, сент.—Калогеропулось, потомъ Ламбросъ), и постоянныя колебанія между Германіей и Россіей, между нейтралитетомъ и поддержкой державъ согласія. Во всякомъ случаѣ на планѣ о передачѣ болгарамъ части греческой Македоніи, поскольку онъ могъ зависѣть отъ доброй воли Греціи, былъ рѣшительно поставленъ крестъ.

Но мысль о передачѣ болгарамъ части сербской Македоніи еще не окончательно заглохла.

16 мая 1915 г. державы согласія повторили Сербіи и Болгаріи свое предложеніе. Болгарія, согласно ихъ предложенію, должна была немедленно выступить противъ Турціи. За это она получала отъ державъ согласія денежную помощь, а отъ Сербіи, по окончаніи войны, безспорную зону Македоніи; кромѣ того державы предоставляли ей немедленно восточную половину Фракіи съ Адрианополемъ вплоть до линіи Энось—Мидія, т. е. ту часть турецкихъ владѣній, которая была Болгаріей завоевана въ 1912—13 году, была за нею закрѣплена лондонскимъ миромъ 17 мая 1913 г., но была ею потеряна во время несчастной братоубійственной войны лѣтомъ 1913 г., когда Турція, воспользовавшись ея стѣсненнымъ положеніемъ, напала на нее съ тыла и вернула себѣ часть своихъ потерь.

Предложеніе державъ не вызвало особеннаго сочувствія ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи.

Для Сербіи это было совершенно естественно. За 2 года обладанія Македоніей она сжилась и срослась съ нею; она въ значительной мѣрѣ успѣла сербизировать ее; сербская буржуазія почувствовала выгоду обладанія македонскимъ рынкомъ, а во время войны вся страна оцѣнила ея значеніе, какъ тыла. Правда, въ случаѣ вступленія въ

войну Болгаріи роль тыла какъ бы брала на себя эта послѣдняя, но сербовъ, плохо вѣрившихъ въ дѣйствительность болгарской помощи и всегда опасавшихся возможнаго съ ними въ будущемъ конфликта, такая перспектива плохо ободряла.

Кромѣ того въ первые мѣсяцы 1915 года въ области международныхъ отношеній Европы произошло важное событіе, сильно затронувшее и Сербію, и ея положеніе на Балканахъ.

Этимъ событіемъ былъ договоръ Италіи съ державами согласія, на основаніи котораго она вмѣшалась въ войну.

Еще недавно—союзница Германіи и Австріи, въ теченіе девяти мѣсяцевъ войны удерживавшаяся отъ участія въ ней и усиленно торговавшаяся съ обѣими сторонами о цѣнѣ своего выступленія, Италія выторговала себѣ отъ тройственнаго согласія очень значительное территориальное приращеніе. Тройственное согласіе ей гарантировало: южный Тироль (съ Триентомъ), всю Береговую Землю (т. е. Герць и Градиску, Триестъ, Истрію), небольшую прибрежную часть Хорватіи, сѣверную часть Далмаціи съ городами Зара и Спалато (южная съ городами Рагуза и Катарро предназначается сербамъ); среднюю часть Албаніи, съ городомъ Валлона; наконецъ, Родось и нѣкоторые другіе о-ва Эгейскаго моря у малоазіатскаго берега, объединяемые именемъ Додеканезъ. Кромѣ того, она должна получить выгодную желѣзнодорожную концессию въ малоазіатской Турціи.

Эти земельныя приращенія во много разъ превосходятъ всѣ національныя притязанія Италіи, когда-либо ею выставлявшіяся. Со времени гарибальдійскихъ войнъ и до послѣдняго времени эти національныя притязанія выражались въ формулѣ: Триестъ (вмѣстѣ съ маленькимъ сосѣднимъ графствомъ Герць и Градиска) и Триентъ (по-итальянски Трентино), т. е. южная половина Тироля.

Все остальное — позднѣйшаго, даже совсѣмъ новаго происхожденія. Со времени турецкой войны Италія, вопреки договору съ Турціей, упорно задерживала острова Додеканеза, и изъ факта почти случайной, вызванной ходомъ военныхъ дѣйствій, военной оккупации этихъ острововъ явилось политическое притязаніе на нихъ.

Въ Албанію экономическое стремленіе появилось у Италіи уже давно; тамъ въ городахъ она вложила не незначительные денежные капиталы. Но только теперь, когда міровая война открыла просторъ имперіалистскимъ аппетитамъ различныхъ государствъ, Италія начала открыто выражать желаніе утвердиться на албанскомъ берегу Адриатическаго моря, и въ декабрѣ 1914 г. она заняла Валону съ окрестностями. О какихъ бы то ни было національныхъ правахъ и задачахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, — ибо ни въ Албаніи, ни тѣмъ болѣе на островахъ Эгейскаго моря итальянцевъ нѣтъ. Единственнымъ стимуломъ, заставляющимъ итальянцевъ стремиться также и сюда, являются имперіалистско-коммерческіе интересы, желаніе обезпечить себѣ рынокъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи.

Если въ средней Албаніи интересы Италіи не сталкиваются особенно остро съ опредѣленно заявленными притязаніями какой-либо другой державы, то въ ея стремленіи утвердиться на Додеканезѣ она имѣетъ соперницей Грецію.

Еще гораздо острѣе стоитъ вопросъ въ Истріи и въ особенности въ Далмаціи, т. е. въ земляхъ, изъ которыхъ въ первой имѣется свыше 60% славянъ (сербо-хорватовъ и словенцевъ), а во второй населеніе почти поголовно сербо-хорватское (97%); итальянцы составляютъ всего два съ половиной процента. Въ Хорватіи точно также не менѣе 85% составляютъ сербо-хорваты. На эти двѣ области уже давно, и, во всякомъ случаѣ, съ начала войны (тѣмъ болѣе, со времени паразитическихъ успѣховъ на поляхъ

сраженій) изъясляла притязанія, и притомъ хорошо обоснованныя, Сербія, для которой ихъ приобрѣтеніе составляло національную задачу.

Переговоры между Италіей и державами согласія еще велись, а Сербія уже почувствовала себя больно задѣтой. На засѣданіи скупщины одинъ депутатъ запросилъ Пашича, вѣрны ли слухи о переговорахъ съ Италіей, которые самымъ чувствительнымъ образомъ затрагиваютъ интересы, какъ онъ сказалъ, сербо-хорвато-словенскаго народа. На это Пашичъ отвѣтилъ, что официальныхъ сообщеній и вообще достовѣрныхъ свѣдѣній у него нѣтъ, но онъ надѣется на то, что Италія, сама когда-то объединившаяся во имя національнаго принципа и всегда этотъ принципъ уважавшая, не можетъ совершить ничего такого, что ниспровергло бы его въ самой основѣ и нанесло бы тяжелый ущербъ,—тутъ Пашичъ повторилъ новый этнографическій терминъ,—сербо-хорвато-словенской народности.

Но договоръ былъ заключенъ. «Сербо-словенско-хорватская народность» значительной своей частью (во всякомъ случаѣ не менѣе милліона душъ) должна была достаться Италіи, разбивъ такимъ образомъ мечты сербскихъ націоналистовъ о будущей Великой Сербіи, долженствовавшей возникнуть на развалинахъ Австро-Венгріи; Италія дѣлалась сильной балканской державой, опасной экономической соперницей Сербіи, и получала Адриатическое море въ свое почти единоличное обладаніе, обращая его въ итальянское озеро.

Совершенно естественно, что Сербія начинала еще болѣе дорожить своими владѣніями въ Македоніи. Тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ крайней военной необходимости, хотя и не охотно, 19 августа, т. е. черезъ три мѣсяца, она дала свое согласіе на предложеніе союзниковъ.

Въ Болгаріи оно тоже не вызывало сочувствія, но уже по совѣмъ другимъ причинамъ. Прежде всего державы

согласія обѣщали болгарамъ не всю сербскую Македонію, а только «безспорную» ея зону; между тѣмъ болгары претендовали на гораздо большее.

Далѣе, они получали обѣщанное только послѣ окончанія войны, исходъ которой въ то время казался болгарамъ далеко не яснымъ (надо вспомнить, что это было время временныхъ успѣховъ Германіи); они же претендовали на немедленное вступленіе въ Македонію. Между тѣмъ союзники отдавали ей немедленно только Фракію,— но и ту нужно было еще завоевать. Но главное,—надъ всѣми этими соображеніями доминировала такая ненависть къ Сербіи и такое недовѣріе къ Россіи, которая, вѣроятно, сдѣлала бы неприемлемыми и гораздо болѣе выгодныя предложенія.

А Германія еще задолго до этого предложенія оказала Болгаріи щедрую денежную поддержку въ видѣ значительнаго займа; она немедленно (по соглашенію съ вполне зависящей отъ нея Турціей) отдавала болгарамъ, и отдавала даромъ, безъ завоеванія, Адрианополь, и немедленно же, хотя и на условіи завоеванія (сравнительно легкаго), отдавала всю сербскую Македонію *). И вотъ, вовсе не

---

*) Была ли она искренна въ великодушномъ дарѣ принадлежащихъ ей земель? Въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Дѣло въ томъ, что дорога къ Адриатическому морю нужна и Австріи. Подъ давленіемъ военной необходимости, конечно, ее было легко отдать болгарамъ, тѣмъ болѣе, что ее еще нужно было завоевать, и что однимъ австрійцамъ, какъ доказалъ опытъ предшествующаго года, это было не подъ силу; но весьма вѣроятно, что, даря ее болгарамъ, Германія и Австрія дѣлали это съ задней мыслью впослѣдствіи отобрать отъ обезсиленной и изолированной Болгаріи по меньшей мѣрѣ всю ту часть Македоніи, которая лежитъ къ западу отъ Вардара.

Такимъ образомъ многое заставляетъ думать, что Болгарія сильно просчиталась: въ случаѣ побѣды Россіи она безъ сомнѣнія будетъ жестоко наказана; но даже въ случаѣ побѣды Германіи

давая отвѣта на предложеніе державъ, 10 сентября Болгарія объявила мобилизацію, а черезъ нѣсколько дней вторглась въ Сербію.

Жребій былъ брошенъ, она оказалась въ станѣ нашихъ враговъ. Случилось то, что было неизбежно послѣ бухарестскаго мира.

Первые мѣсяцы, казалось, оправдали расчеты болгарскихъ шовинистовъ. Македонія была завоевана очень легко; заняты были и такъ называемая Старая Сербія, и самое Сербское королевство, причемъ восточная его половина болгарами (западная половина и Черногорія—австрійцами).

Въ началѣ января 1916 года Болгарія поставила новые таможенные посты, включивъ въ свою новую таможенную черту всю Македонію, всѣ вообще новыя пріобрѣтенія Сербіи по бухарестскому миру 1913 г. и юго-восточную и восточную часть бывшаго Сербскаго королевства съ городами Нишъ, Пиротъ, Вранья, Зайчаръ, Неготинъ, Пожаревацъ и др. Такимъ образомъ, еще задолго до окончанія войны и до формальнаго признанія державами ея правъ на эти завоеванія Болгарія какъ бы заявила, что она достигла осуществленія своихъ цѣлей въ смыслѣ территориальнаго расширенія.

Новыя пріобрѣтенія Болгаріи, помимо Адрианополя, полученнаго отъ Турціи еще лѣтомъ 1915 года, могутъ быть раздѣлены на четыре области, и пріобрѣтеніе каждой изъ нихъ имѣетъ свой особенный политическій смыслъ.

она рискуетъ остаться безъ Македоніи, ради которой она начала тяжелую войну.

Очень многіе, и притомъ весьма серьезные политическіе дѣятели Болгаріи, хорошо оцѣнивали эту сторону дѣла, почему и оставались рѣшительными противниками участія въ войнѣ на сторонѣ нѣмцевъ. Но правящіе круги,—Фердинандъ и Радославовъ,—рѣшили иначе.

Вся сербская Македонія съ ея обѣими,—спорной и безспорной — зоной, издавна была предметомъ болгарскихъ вожделѣній, и права на нее Болгаріи во всякомъ случаѣ имѣють извѣстныя основанія. Именно изъ-за нея произошла несчастная и позорная сербско-болгарская война 1913 г. Такимъ образомъ, здѣсь Болгарія, по крайней мѣрѣ, осуществляетъ свои давнишнія притязанія.

Такъ называемая или, лучше сказать, такъ называвшаяся старая Сербія, т. е. земли къ сѣверу отъ горнаго хребта Шаръ-Дагъ съ городами Призрѣнъ, Приштина и т. д., вошедшія по бухарестскому миру въ составъ Сербіи,—на нихъ Болгарія ни въ договорѣ 1912 г., ни въ какомъ-либо другомъ, имѣющемъ значеніе, документѣ никогда не изъявляла своихъ притязаній. Эти земли населены почти на половину албанцами-мусульманами и на три четверти мусульманами вообще, и только немного больше четверти составляютъ славяне, притомъ такіе славяне, сербскаго характера которыхъ не отрицали даже наиболѣе пылкіе болгарскіе націоналисты. Присоединеніе этихъ земель къ Болгаріи означаетъ, что Болгарія вмѣстѣ съ Австріей и Германіей признала необходимость дѣлежа сербскаго наслѣдства, и при этомъ дѣлежѣ аппетитъ побѣдительницы сегодняшняго дня, Болгаріи, значительно выросъ сравнительно съ самымъ недавнимъ прошлымъ.

Юго-восточная Сербія—Пиротъ, Вранья, Нишъ. Изъ нихъ одна половина (Пиротъ, Вранья) была присоединена къ Болгаріи по санъ-стефанскому миру 19 февраля 1878 г., но отнята въ пользу Сербіи берлинскимъ трактатомъ того же 1878 г. Другая половина (Нишъ) была отдана Сербіи уже санъ-стефанскимъ договоромъ. На эту область уже тогда претендовали наиболѣе пылкіе болгарскіе націоналисты, настаивая на болгарскомъ характерѣ ея населенія. О ней они мечтали во время злосчастной болгарско-серб-

ской войны 1885 г. (начатой цѣликомъ по винѣ сербскаго короля Милана, дѣйствовавшаго по совѣтамъ Австріи). Впослѣдствіи, однако, эти самые болгарскіе націоналисты признали, что эта область вполне сербизирована сербскимъ правительствомъ, хотя, какъ они утверждали, благодаря насильственнымъ мѣропріятіямъ съ его стороны. Со времени войны 1885 г. о присоединеніи этихъ земель къ Болгаріи никто въ Болгаріи больше не думалъ, или, по крайней мѣрѣ, не говорилъ.

Итакъ, присоединеніе этой области къ Болгаріи является воскрешеніемъ когда-то существовавшихъ, но давно забытыхъ и оставленныхъ болгарскихъ притязаній.

Наконецъ, восточная часть Сербіи съ городами Прахово, Неготинъ, Пожаревацъ. На эту область никогда до послѣдней минуты Болгарія не претендовала. Присоединеніе ея является осуществленіемъ новой политической задачи, ставшей передъ болгарскимъ и австрійскимъ правительствами въ послѣдній годъ настоящей войны, а именно задачи создать непосредственныя границы у Болгаріи съ Австро-Венгріей. Политическая задача, аналогичная съ тою, которую ставили въ началѣ войны нѣкоторые, наиболѣе пылкіе сербскіе націоналисты, мечтавшіе о такомъ раздѣлѣ Австро-Венгріи, послѣ котораго Сербія имѣла бы непосредственныя границы съ Россією. Именно, для достиженія этой задачи присоединена къ Болгаріи часть Сербіи, населенная сербами (отчасти румынами), чуждая Болгаріи, не могущая составлять органической ея части.

По отношенію къ тремъ послѣднимъ областямъ, изъ которыхъ на двѣ Болгарія никогда не претендовала, а на одну претендовала лишь въ очень давнія времена, болгары не могутъ не признавать, что эти области попали въ ихъ руки, благодаря повороту военнаго счастья, что онѣ являются завоеваніями въ самомъ полномъ и въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣми завоеваніями, кото-

рья совершаются безусловно противъ воли населенія завоеванныхъ земель, и которыя не могутъ быть закрѣплены иначе, какъ посредствомъ насильственной болгаризаціи и вообще военной рукой.

Но есть одна область, которая въ насъ вызываетъ особенный интересъ,—это сербская Македонія. По отношенію къ этой области въ русскомъ обществѣ существовало два мнѣнія. Одно,—наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго былъ П. Н. Милуковъ,—состояло въ томъ, что она населена болгарами и что болгары имѣютъ этнографическое и моральное право на нее. Сторонники этого взгляда поддерживали болгарскія притязанія на Македонію во время болгаро-сербской войны 1913 г. и даже во время настоящей великой міровой войны настаивали на томъ, чтобы она, путемъ дипломатическаго давленія на Сербію, была отдана болгарамъ, и этой цѣною куплено участіе Болгаріи въ міровой войнѣ съ нашей стороны. Другое мнѣніе состояло въ томъ, что сербскія притязанія на эту область вполнѣ обоснованы и, если во время міровой войны можно было согласиться на передачу ея въ болгарскія руки, то развѣ въ видѣ компромисса, въ видѣ печальной уступки для обезпеченія себѣ болгарской помощи.

Какъ читатель уже видѣлъ (см. выше главу «По сербской Македоніи»), первая точка зрѣнія должна быть признана безусловно ошибочной, а вторая не вполнѣ правильной. Правильно понятый интересъ македонскаго населенія состоялъ не въ присоединеніи къ Болгаріи, но и не въ присоединеніи къ Сербіи, а въ образованіи особой автономной единицы — Македоніи, въ которую вошли бы всѣ три части этой страны: сербская, греческая и болгарская. Въ Бухарестѣ было совершено преступленіе, когда эта Македонія была разрѣзана по живому тѣлу на три части. Оно очень тяжело отозвалось на экономическомъ положеніи македонцевъ. Но, разъ оно было совершено, то

Сербія съ поразительной легкостью сербизировала славянское население Македоніи; легкость объяснялась тѣмъ, что оно не имѣло яснаго національнаго сознанія.

Затѣмъ, въ теченіе очень короткаго періода, отдѣляющаго болгаро-сербскую войну отъ міровой, Сербія совершила въ своей части Македоніи изумительно большую работу, которая болѣе или менѣе примирила мѣстное население съ его судьбой.

Поэтому, если разрѣзь Македоніи былъ преступленіемъ передъ ея населеніемъ, то новый разрѣзь ея въ пользу Болгаріи или Греціи былъ бы новымъ, тягчайшимъ преступленіемъ.

И вотъ характеръ того режима, который установился теперь въ Македоніи, даетъ неожиданное подтвержденіе этому взгляду.

Въ газетахъ имѣется не мало свѣдѣній о томъ грубомъ террорѣ, который водворенъ въ несчастной странѣ ея новыми завоевателями; о той мести, которой болгары подвергаютъ ее за слишкомъ быструю сербизацію. Свѣдѣнія этого рода появляются, и притомъ въ большемъ числѣ, даже въ «Рѣчи», которая до самаго послѣдняго времени упорно настаивала на томъ, что Македонія—страна болгарская и по праву должна быть возвращена Болгаріи *).

*) См. напр. въ «Рѣчи», въ № 135, отъ 18 мая 1916 г., корреспонденцію Язвицкаго, который съ полнымъ сочувствіемъ передаетъ такія слова болгарскаго селяка:

«Можетъ случиться и такъ, — произнесъ онъ уныло, — что мы рѣзали сербовъ, а русскіе будутъ насъ рѣзать. Имѣютъ право. А все виноваты министры и македонцы! Зачѣмъ намъ эта Македонія? Былъ я тамъ, — камни да глина, а сколько народу погибло у насъ, да и сербовъ сколько перекололи! Совсѣмъ зря сербовъ убивали, — всѣхъ, вѣдь, вырѣзывали. Намъ бы лучше Добруджу вернуть. Вотъ это земля! Зелено все кругомъ, а поля-то! Да, сколько воевать еще будемъ—неизвѣстно,—печально заключилъ крестьянинъ,—а, можетъ, выйдетъ опять, какъ въ 13 году; только Болгаріи, можетъ быть, уже не станетъ».

Конечно, къ свѣдѣніямъ такого рода нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ; вѣдь онѣ появляются во время войны, когда принципъ *audiatur et altera pars* не только забывается, но когда ему прямо невозможно бываетъ слѣдовать, разъ всѣ свѣдѣнія доходятъ до насъ только изъ одного источника.

Но вотъ что безспорно. Въ софійскомъ народномъ собраніи 16 или 17 января 1916 г. министръ президентъ Радославовъ, возражая на обвиненія въ нарушеніи конституціи, содержаніе которыхъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, такъ какъ опубликованіе рѣчей оппозиціи запрещено болгарской цензурой, сказалъ:

«Вы нападаете на наше управленіе въ новыхъ земляхъ. Время ли примѣнять конституцію, когда населеніе стрѣляетъ въ наши войска при проходѣ ихъ! Здѣсь напали на военное управленіе въ новыхъ земляхъ. Если бы это было въ германскомъ рейхстагѣ, оратора сбросили бы съ трибуны. Не говоритъ ли наше терпѣніе о конституціонномъ управленіи?».

А военный министръ Найденовъ прибавилъ къ этому: «Бываютъ времена, когда законы нарушаются ради самоохраненія націи».

Формула конституціонализма, хорошо намъ знакомая...

Немного странно звучать замаскированный призывъ «сбросить оратора съ трибуны», оправдываемый явно недобросовѣстной ссылкой на Германію (гдѣ ни правительство не призывало сбросить Либкнехта съ трибуны, ни сами депутаты этого не сдѣлали), и хвастовство своею конституціонностью въ устахъ Радославова, прославившагося организаціей погромовъ и избіеній ненавистныхъ ему политическихъ дѣятелей.

Но дѣло теперь не въ этомъ, а въ признаніи болгарскаго правительства, что населеніе новозавоеванныхъ земель,—именно населеніе, а не войска,—стрѣляетъ въ бол-

гарскія войска при проходѣ ихъ, и что управленіе въ этихъ земляхъ можетъ быть только грубо военное.

Это говорится вообще о новыхъ земляхъ, и Македонія изъ нихъ не исключается.

Не ясно ли, что присоединеніе Македоніи къ Болгаріи совершено противъ воли ея населенія, что управленіе ею возможно только *manu militari*, и слѣдовательно не правы тѣ, кто оправдывалъ болгарскія притязанія на нее?

Василій Радославовъ.

Болгарскаго премьера многіе считаютъ главнымъ виновникомъ того, что Болгарія вмѣшалась въ войну на сторонѣ державъ центральной Европы. Едва ли это справедливо. Радославовъ скорѣе плылъ по теченію, которое несло Болгарію въ нѣмецкое море, чѣмъ руководилъ этимъ теченіемъ. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ изъ себя колоритную фигуру, весьма характерную не только для Болгаріи, но и для всего Балканскаго полуострова, и ближайшее знакомство съ нимъ не можетъ не представлять извѣстнаго интереса.

Это одинъ изъ тѣхъ мелкихъ политиковъ или скорѣй политикановъ, которыми полны министерства и парламенты балканскихъ государствъ,—да впрочемъ, и не ихъ однихъ. Они съ гордостью называютъ себя реальными политиками, и выраженія — «реальные интересы», «реальная политика» не сходятъ съ ихъ устъ. Въ дѣйствительности ихъ реальная политика сводится къ отсутствію ясныхъ общихъ цѣлей, которыя замѣняются у нихъ мелкими и постоянно измѣняющимися цѣлями дня, къ умѣнію лавировать между людьми и партіями, искусно пользуясь слабостями тѣхъ и другихъ.

Въ противоположность дѣйствительно крупнымъ политическимъ дѣятелямъ, убѣжденнымъ въ томъ, что исторія движется борьбою глубоко скрытыхъ народныхъ силъ, и что они сами являются только выразителями той или дру-

гой изъ нихъ,—реальные политики этого типа воображаютъ, что исторія движется спорами, столкновениями, переговорами и соглашениями отдѣльныхъ политическихъ группъ и ихъ вожаковъ, копошащихся на поверхности политической жизни.

Оба Питта, Гладстонъ, Тюрго, Наполеонъ I, Жоресъ, Марксъ принадлежатъ къ первому типу, Наполеонъ III—ко второму; Бисмаркъ страннымъ образомъ совмѣщаль въ себѣ черты обоихъ.

Радославовъ принадлежитъ къ второму. Конечно, отдѣльные представители этого типа весьма разнообразны и въ каждой странѣ имѣютъ свой характерный отпечатокъ. Радославовъ по своему происхожденію принадлежитъ къ болгарскимъ чорбоджіямъ турецкой эпохи, т. е. къ мелкой сельской буржуазіи. Эта болгарская мелкая буржуазія, правда, нѣсколько позднѣйшей эпохи, увѣковѣчена болгарскимъ писателемъ Алеко Константиновымъ въ безсмертномъ образѣ Бай Ганю, хитраго, ловкаго, тщеславнаго, пронырливаго деревенскаго политика. Такимъ же Бай Ганю, только въ нѣсколько болѣе широкомъ масштабѣ, и является Радославовъ, да впрочемъ и не онъ одинъ изъ числа болгарскихъ министровъ какъ настоящаго времени, такъ и недавняго прошлаго; да вѣроятно, и въ будущемъ они исчезнуть не скоро.

Радославовъ родился въ 1854 г. и, слѣдовательно, вся его молодость прошла въ эпоху турецкаго господства. Объ его участіи въ возстаніяхъ противъ турецкаго ига ничего неизвѣстно,—Радославовъ стоялъ вдали отъ нихъ. Нѣкоторое время онъ былъ учителемъ, но затѣмъ ему удалось поступить въ германскій университетъ и кончить курсъ въ Гейдельбергѣ докторомъ правъ.

Лѣтъ 20—30 тому назадъ среди болгарской интеллигенціи можно было чуть не съ перваго взгляда отличить человѣка, учившагося въ западной Европѣ (въ Германіи,

Франціи или Швейцаріи), отъ челоуѣка, учившагося въ Россіи. Эти послѣдніе—наиболѣе интересными ихъ образчиками являются злой геній Болгаріи—Стамбуловъ и одинъ изъ ея благороднѣйшихъ людей—Петко Каравеловъ,—воспитывались подъ скрещивающимся вліяніемъ, съ одной стороны, русскихъ «нигилистовъ», съ другой—славянофиловъ, изъ которыхъ съ Ив. Аксаковымъ они почти всѣ были хорошо лично знакомы, иногда даже дружны, что не мѣшало ихъ личному знакомству съ Желябовымъ, Перовской и другими революціонерами той эпохи и литературному знакомству съ сочиненіями Чернышевскаго, Бакунина, Герцена и др. Они возвращались въ Болгарію по большей части сторонниками социализма (отъ котораго скоро, впрочемъ, отказывались) и, во всякомъ случаѣ, людьми широкаго размаха, широкихъ политическихъ стремленій. Даже въ Стамбуловѣ, наложившемъ въ теченіе семи лѣтъ свою тяжелую руку на всѣ свободныя проявленія болгарской жизни, оставившемъ въ ней глубокой и очень печальный слѣдъ на долгіе годы, былъ этотъ широкій размахъ, умѣніе преслѣдовать болѣе отдаленныя, сознательно поставленныя себѣ цѣли. Напротивъ, Германія и Франція воспитывали въ болгаряхъ инстинкты реальныхъ политиковъ въ дурномъ смыслѣ этого слова. Въ настоящее время эта разница сильно сгладилась, но въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ, когда сложился Радославовъ-политикъ, она чувствовалась очень сильно.

Объявленіе войны Россіею Турціи въ 1877 г. и вступленіе русскихъ войскъ въ турецкую Болгарію открыли дорогу для политической дѣятельности Радославова у себя на родинѣ. Недолго, еще во время русской оккупации, онъ былъ секретаремъ городского совѣта одного изъ второстепенныхъ городовъ сѣверной Болгаріи. Когда Болгарія зажила самостоятельной политической дѣятельностью, Радославовъ сдѣлался адвокатомъ въ Софіи и въ 1883 г. до-

бился избранія въ народное собраніе. Въ политикѣ онъ примкнулъ къ радикалу и демократу Каравелову и шелъ за нимъ. Такимъ образомъ, германофильство не было вынесено Радославовымъ изъ германскаго университета, или по крайней мѣрѣ не было настолько глубокимъ, чтобы помѣшать ему пойти за вождемъ, совершенно чуждымъ, даже враждебнымъ Германіи, разъ въ рядахъ его сторонниковъ можно было сдѣлать хорошую карьеру. Политическая ловкость, нѣкоторый (не очень крупный) ораторскій талантъ, юридическое образованіе, столь рѣдкое тогда въ Болгаріи, и имѣвшій большой вѣсъ въ глазахъ очень многихъ, въ томъ числѣ и самого Каравелова, докторскій дипломъ облегчили дорогу Радославову, и очень скоро онъ сдѣлался предсѣдателемъ народнаго собранія, а потомъ (въ 1884 г.) министромъ юстиціи въ кабинетѣ Каравелова. Черезъ два года первый болгарскій князь Александръ Баттенбергъ былъ захваченъ и свергнутъ нѣсколькими заговорщиками, дѣйствовавшими подъ вліяніемъ русской дипломатіи, и мѣсто князя заняло регентство, состоявшее изъ Стамбулова, Муткурова и Каравелова; послѣдній очень скоро ушелъ изъ него, и даже былъ ненадолго арестованъ Радославовъ сталъ во главѣ кабинета, въ которомъ взялъ себѣ внутреннія дѣла. Время его министерства (1886—87) было временемъ жестокаго, грубаго произвола. Его управленіе отмѣчено грубыми нарушеніями конституціи, произвольными арестами, избіеніями ненравящихся правительству политическихъ дѣятелей при помощи искусно подобранной толпы народа. Этотъ послѣдній пріемъ управленія, конечно, не былъ изобрѣтенъ Радославовымъ. Вѣроятно, и въ предыдущей недолгой исторіи Болгаріи можно найти примѣры пользования имъ. Но Радославову принадлежитъ слава усовершенствованія его и примѣненія въ широкихъ размѣрахъ.

Совершались выборы. И вотъ, когда на выборы направлялся человекъ съ невыясненной для правящей клики по-

литической фізіономіей, то къ нему подходилъ какой-нибудь внушительнаго вида «патріотъ» и вѣжливо освѣдомлялся:

— Вы за кого собираетесь голосовать?

Если на вопросъ получался недостаточно ясный или нежелательный отвѣтъ, то раздавался крикъ:

— Эй, ребята, здѣсь измѣнникъ. Бей его!

И начиналось избіеніе.

Когда дѣятельность какого-нибудь виднаго общественнаго дѣятеля оказывалась неудобной правительству, то къ нему въ домъ врывалась толпа «патріотовъ», состоявшая изъ переодѣтыхъ городскихъ, сыщиковъ, или же изъ какихъ-нибудь подонковъ населенія, всего чаще цыганъ, которыхъ въ Болгаріи довольно много и которые тамъ какъ разъ пригодны для этой цѣли, и совершалось избіеніе, разгромъ имущества, разгромъ шрифта,—если это была типографія оппозиціонной газеты и т. д. Полиція долгое время блистала своимъ отсутствіемъ и являлась на сцену къ концу акта, чтобы водворять «порядокъ», т. е. распустить безчинствующую толпу, а иногда арестовать,—конечно, не безобразниковъ, а избитаго политическаго дѣятеля. Въ числѣ другихъ былъ избитъ въ тюрьмѣ и Каравеловъ, съ которымъ какъ разъ въ этотъ періодъ рѣзко разошелся Радославовъ.

Палка,—по болгарски—сопа,—и герои патріотическихъ погромовъ носятъ поэтому кличку сопаджіевъ (палочниковъ).

Позднѣе, когда Радославовъ разошелся и со Стамбуловымъ и оказался въ оппозиціи, то онъ, кажется, въ первый разъ узналъ, что палка о двухъ концахъ,—такъ какъ изобрѣтенные имъ палочники примѣнялись уже противъ его сторонниковъ.

Въ этотъ періодъ его оппозиціи я имѣлъ случай лично познакомиться съ нимъ. Однажды въ разговорѣ со мною Радославовъ рѣзко порицалъ Стамбулова, и какъ разъ за палочниковъ. Я прервалъ его замѣчаніемъ:

— Извините меня, но въ Россіи, да и въ Болгаріи, установилось мнѣніе,—можетъ быть ложное,—что истиннымъ изобрѣтателемъ сопы и сопаджіевъ были именно вы, а что Стамбуловъ въ этомъ отношеніи только вашъ ученикъ,—правда далеко превзошедшій своего учителя.

Радославовъ усмѣхнулся. Замѣчаніе, очевидно, было ему непріятно.

— Клевета. Въ мое время, правда, были случаи нападенія толпы на политическихъ дѣятелей, но исключительно со стороны добровольцевъ, а вовсе не по приказанію властей, какъ нынче.

И ни одного слова не прибавилъ, чтобы онъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ преслѣдовалъ виновниковъ подобныхъ расправъ; такимъ образомъ, по существу онъ не рѣшился отвергнуть обвиненіе,—въ справедливости котораго тогда никто не сомнѣвался,—удовольствовавшись попыткой только смягчить его.

За время перваго министерства у Радославова выработалось новое политическое направленіе.

Россія низверженіемъ Александра Баттенберга сдѣлала попытку подчинить Болгарію своему вліянію, попытку глубоко печальную: Болгарію она ввергла въ ужасы анархіи, потомъ стамбуловскаго деспотизма, а цѣль Россіи не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ именно эта попытка толкнула Болгарію въ объятія Германіи и Австріи и посадила на ея престолъ нынѣшняго носителя германской идеи. Радославовъ, сначала шедшій за Каравеловымъ и, слѣдовательно, готовый на всяческія уступки по отношенію къ Россіи, занялъ позицію, соотвѣтствовавшую подъему общественнаго настроенія,—позицію враждебную Россіи и дружественную Германіи.

На почвѣ политическихъ разногласій Радославовъ разошелся со своимъ прежнимъ вождемъ Каравеловымъ. Сколько-

нибудь яркихъ политическихъ разногласій со Стамбуловымъ у Радослава не было; вѣдь, Стамбуловъ былъ тоже руссофобъ. Но оказалось непримиримое противорѣчіе личныхъ честолюбій, и Радославовъ съ кучкою своихъ сторонниковъ, назвавшихъ себя либеральной партіей, но въ обществѣ болѣе извѣстныхъ подъ кличкой радославистовъ, оказался въ рѣшительной оппозиціи Стамбулову въ теченіе всего семилѣтняго періода диктатуры послѣдняго (1887—94). Радославовъ произносилъ рѣчи, писалъ въ газетахъ противъ тираніи стамбуловскаго режима, хотя Стамбуловъ шель по его стопамъ, ничѣмъ серьезнымъ отъ него не отличаясь. Писалъ такъ рѣзко, что былъ даже присужденъ къ годичному тюремному заключенію за оскорбленіе князя, но былъ помилованъ.

Народное движеніе въ маѣ 1894 г. закрѣпило отставку Стамбулова, данную ему княземъ, и призвало къ власти членовъ оппозиціи противъ него—консерватора Стоилова въ качествѣ премьера и либерала Радослава въ званіи министра юстиціи. Но и со Стоиловымъ Радославовъ поссорился и вновь перешелъ въ оппозицію. Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1899 году онъ получилъ въ коалиціонномъ кабинетѣ Грекова портфель—на этотъ разъ тотъ, котораго онъ добивался,—портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Народное собраніе было распущено, и на Радослава пала обязанность произвести выборы. Приемы онъ хорошо зналъ. Были пущены въ ходъ палочки, фальсификація избирательныхъ списковъ и т. д., и въ результатѣ палата оказалась почти сплошь радославистской. Грековъ долженъ былъ уйти въ отставку, и на его мѣсто явилось радославистское министерство; но по нѣкоторымъ соображеніямъ Радославовъ предпочелъ уступить премьерство второстепенному своему стороннику Иванчову, чтобы дѣйствовать черезъ него. Однако, мелочность и нетерпимость Радослава сдѣлали свое дѣло; черезъ годъ члены каби-

нета, хотя и принадлежавшіе къ одной партіи, перессорились между собою изъ-за дѣлежа добычи, и министерство пало. На этотъ разъ паденіе было особенно тяжелымъ. Новая палата произвела разслѣдованіе дѣятельности павшаго министерства, нашла грубыя злоупотребленія и постановила предать суду Радославова вмѣстѣ съ тремя его товарищами по кабинету по цѣлому ряду обвиненій, притомъ обвиненій весьма тяжелаго свойства: не только въ нарушеніи конституціи, въ самоуправствѣ и т. п. дѣянійхъ, которымъ можно придавать политическій характеръ, но и въ «нанесеніи вреда государству въ своекорыстныхъ цѣляхъ».

Судъ, однако, отвергъ за недоказанностью прямое обвиненіе въ корыстныхъ цѣляхъ, но призналъ наличность нарушеній конституціи «путемъ противозаконныхъ распоряженій по городскимъ и окружнымъ совѣтамъ, путемъ незаконнаго измѣненія мѣстъ избирательныхъ секцій, незаконнаго выставленія оффиціальныхъ кандидатуръ, совершенія насилій надъ избирателями, противозаконнаго задержанія гражданъ, противозаконнаго воспрещенія митинговъ». Все это—преступленія болѣе или менѣе политическія, хотя и не весьма чистоплотныя. Но судъ призналъ также противозаконную выдачу ссудъ изъ суммъ земледѣльской кассы. Тутъ уже идетъ дѣло о преступленіяхъ иного характера. Радославовъ, а также два его товарища по министерству, Тончевъ и Иванчовъ, были приговорены къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы, однако, съ ходатайствомъ суда передъ народнымъ собраніемъ и княземъ объ амнистіи, каковая и была дарована; четвертый подсудимый, мин. фин. Теневъ, былъ оправданъ.

Казалось, карьера Радославова разбита навсегда.

Вѣроятно, это такъ и было бы, если бы не война съ Турціей, потомъ съ Сербіей и Греціей. Когда царь Фердинандъ и помощникъ главнокомандующаго ген. Савовъ, во-

преки волѣ министерства Данева, начали войну съ Сербіей нападеніемъ на сербскія войска, то министерство вышло въ отставку. Ходъ военныхъ событій былъ неудаченъ для Болгаріи, и положеніе оказалось критическимъ. Въ такой моментъ власть не могла быть пріятна никому, даже изъ тѣхъ мелкихъ честолюбцевъ, изъ которыхъ обыкновенно пекутся министры на Балканахъ, и виднѣйшіе политическіе дѣятели одинъ за другимъ отказывались отъ нея. Тогда царь Фердинандъ обратился къ Радославову. Этому человѣку нечего было терять, и онъ не задумался принять предложеніе. Въ кабинетъ вступили: его товарищъ по скамьѣ подсудимыхъ и обвиненію Тончевъ; затѣмъ, незадолго до того тоже преданный суду по не вполне чистоплотнымъ обвиненіямъ, хотя амнистированный еще до суда Геннадіевъ (скоро, впрочемъ, изъ кабинета вышедшій) и др., если не столь же ошельмованныя, то почти столь же сомнительныя личности. И кабинетъ образовался.

Онъ закончилъ войну съ Сербіей и Греціей несчастнымъ для Болгаріи бухарестскимъ миромъ. Но въ дальнѣйшемъ кабинетъ Радославова—нужно отдать ему справедливость, — сдѣлалъ въ короткое время изумительно много для возстановленія благосостоянія Болгаріи, потрясеннаго тяжелыми войнами. Это второе министерство Радославова является крупной, для многихъ совершенно неожиданной его заслугой. Но рядомъ съ заслугой имѣется и воскрешеніе старыхъ радославовскихъ, казалось, уже отжившихъ избирательныхъ пріемовъ, если не во всей Болгаріи,—въ большей ея части они стали уже невозможными, — то въ только что присоединенной къ Болгаріи части Македоніи.

Во время этого второго министерства Радославова, неожиданно оказавшагося весьма долговѣчнымъ, началась великая міровая война. Неправильно было бы думать, что прежнее германофильство Радославова опредѣлило его по-

зицію къ ней. Самъ Радославовъ былъ бы готовъ пойти за Россією или за Германіей, глядя по тому, кто дастъ больше. И начался торгъ. Германія сперва предлагала или, скорѣе, обѣщала очень много, и притомъ очень дешево: за нейтралитетъ, Россія же требовала активнаго выступленія, но обѣщала тоже довольно много. Радославовъ все же предпочелъ вести торгъ съ Германіей, не отказываясь въ то же время отъ торга съ Россіей. 16 марта 1915 года Радославовъ говорилъ въ народномъ собраніи, что Болгарія и впредь останется вѣрной самому строгому нейтралитету; никакія давленія, никакія безпочвенныя обѣщанія (намекъ на Россію) насъ (т. е. болгаръ) не увлекутъ; реальные интересы,—говорилъ онъ,—должны господствовать надъ всѣми соображеніями чувства.

Быль-ли тогда онъ искренень? Широкіе круги болгарскаго общества и русскіе корреспонденты въ Болгаріи склонны были вѣрить въ его искренность, а русская миссія все еще рассчитывала добиться прямого вмѣшательства Болгаріи въ войну, но не противъ насъ, а за насъ. Но это было невозможно: война 1913 г. и политика Россіи во время этой войны положила пропасть между Болгаріей съ одной стороны, Россіей и въ особенности Сербіей съ другою. Для Болгаріи было невозможно оказаться въ томъ станѣ, гдѣ находилась Сербія.

Какъ бы то ни было, Радославовъ торговался, боялся продешевить нейтралитетъ или военное выступленіе. Онъ получилъ отъ Германіи сперва крупный заемъ, необходимый Болгаріи для возстановленія потрясеннаго двумя войнами государственнаго хозяйства страны, затѣмъ значительную территориальную уступку отъ Турціи. Наконецъ, ходъ событій и ловкая политика Германіи и Австріи толкнули его на войну.

На этотъ разъ онъ вновь поставилъ на карту всю свою политическую судьбу. Теперь она зависитъ отъ исхода войны,

Балканская федерація *).

О мирѣ всего міра говоритъ въ настоящее время, конечно, не приходится; гораздо естественнѣе вспомнить горькое пророчество поэта:

Этотъ годъ готовить и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.

Но о мирѣ просто, не въ христіанскомъ, а въ юридическомъ, въ частности въ международно-правовомъ и историческомъ смыслѣ этого слова, о мирѣ, который нисколько не противорѣчитъ ни камню за пазухой, ни развитію военной промышленности съ ея разрывными пулями, удушающими газами, подводными лодками, военными аэропланами и другими прелестями,—о такомъ мирѣ говорятъ
. . . . .
наши враги, которые широко и горячо обсуждаютъ его условія.

Передъ нами лежитъ брошюра. Она принадлежитъ перу недавняго болгарскаго дипломата, въ настоящее время члена болгарской академіи и небезызвѣстнаго болгарскаго публициста Шопова, и какъ разъ посвящена вопросу объ условіяхъ будущаго мира или, лучше сказать, вопросу о необходимыхъ условіяхъ мирнаго сожительства народовъ

---

*) А. Schopoff. «Les Etats balkaniques et le principe confédératif». Sophia, 1915.

Балканскаго полуострова. Брошюра написана до момента, когда Болгарія вступила въ настоящую войну; даже приближеніе новаго акта великой драмы, хотя и предчувствуется авторомъ, но далеко не въ ясныхъ чертахъ; между прочимъ, онъ гораздо рѣзче выстраиваетъ свой фронтъ противъ Греціи, чѣмъ противъ Сербіи; послѣ начала болгарской войны онъ поступалъ бы, вѣроятно, иначе.

Отвѣтъ автора на поставленный имъ вопросъ таковъ: конфедерация балканскихъ государствъ.

Отвѣтъ не новый.

Онъ включенъ въ политическія программы всѣхъ социалистическихъ партій Балканскаго полуострова, а также въ программу крестьянской партіи въ Болгаріи, такъ называемыхъ земледѣльцевъ (глава которой, Стамболійскій, прославился своимъ смѣлымъ выступленіемъ противъ Фердинанда за его готовность начать войну, и, судя по газетнымъ извѣстіямъ, за это арестованъ); тотъ же отвѣтъ давали и даютъ очень многіе общественные дѣятели, и не принадлежащіе къ социалистическимъ партіямъ.

Первымъ провозвѣстникомъ идеи балканской федераціи, или конфедерации, иногда называютъ греческаго поэта Ригаса, или, какъ его принято называть у насъ, Ригу, одного изъ первыхъ мучениковъ греческой борьбы за свободу, казненнаго турками въ 1798 году, того Ригаса или Ригу, чье имя пользовалось широкой популярностью въ европейскомъ обществѣ въ разгаръ грекофильскихъ увлеченій въ началѣ XIX вѣка и часто встрѣчалось у Байрона, Пушкина и др. великихъ поэтовъ и писателей того времени. Но это не совсѣмъ правильно. Видѣть у Ригаса идею конфедерации можно только съ большой натяжкой; въ ея юридической формулировкѣ эта идея была ему совершенно чужда, и онъ не шелъ далѣе сентиментально-благородныхъ

мечтаній о равенствѣ, свободѣ и братствѣ всѣхъ народовъ. Съ тѣмъ же основаніемъ можно было бы увидѣть ту же идею у Пушкина, который вслѣдъ за Мицкевичемъ тоже мечталъ:

... о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Въ дѣйствительности мысль о федераціи балканскихъ государствъ появилась впервые въ шестидесятые и семидесятые годы XIX в. у тогдашнихъ болгарскихъ революціонеровъ, — Хр. Ботева, Л. Каравелова и др., заимствовавшихъ ее, можетъ быть, у Маццини и др. итальянскихъ революціонеровъ. На ихъ конгрессѣ, собравшемся въ Бѣлградѣ въ 1867 г., была вынесена резолюція о желательности образованія юго-славянской конфедераціи подъ условіемъ, чтобы сербскій и болгарскій народы сохранили свои этнографическія границы и свою національную независимость. Протоколъ конгресса за подписью 35 его участниковъ былъ представленъ сербскому князю Михаилу III Обреновичу и тогдашнему сербскому премьеру Ильѣ Гарашанину (отцу болѣе извѣстнаго впоследствии сербскаго политическаго дѣятеля Милютина Гарашанина). Князь отвѣтилъ конгрессу особымъ письмомъ, въ которомъ выразилъ свое полное сочувствіе идеѣ балканской конфедераціи.

Давно это было. Тогда сербское правительство, хотя и осторожно, даже трусливо, поддерживало революціонное движеніе въ еще неосвобожденномъ болгарскомъ народѣ и не отказывалось отъ мечты о будущемъ братскомъ сожителствѣ съ этимъ народомъ. Тогда, или даже нѣсколько позднѣе, тѣ же самые болгарскіе революціонеры горячо дебатировали вопросъ, должна ли къ этой будущей конфедераціи быть привлечена также Турція, или нѣтъ, — разумѣлась, конечно, Турція реорганизованная, конституціонная, свободная.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло...

Ровно 20 лѣтъ спустя, когда Болгарія не только образовала особое государство, но успѣла даже объединиться съ первоначально оторванною отъ нея Восточною Румелию въ одно княжество, и когда уже пролились потоки крови въ первой болгаро-сербской войнѣ, — греческій премьеръ Трикуписъ обратился къ болгарскому премьеру Стамбулову съ проектомъ балканской федераціи, для которой предполагалось отнятіе у Турціи Македоніи. Такимъ образомъ, проектъ балканской федераціи изъ области разговоровъ и мечтаній перешелъ въ область дипломатическихъ переговоровъ. Но изъ предложенія Трикуписа ничего не вышло. Стамбуловъ, ухаживавшій за Турціею съ цѣлью выпрашиванія у нея разныхъ уступокъ въ Македоніи, въ надеждѣ обмануть ее и впослѣдствіи получить Македонію цѣликомъ, не только не далъ хода предложенію Трикуписа, но, какъ говорятъ, раскрылъ его туркамъ.

Едва ли нужно доказывать, что федерація или даже конфедерація балканскихъ народовъ есть единственная мыслимая государственная форма, при которой на Балканахъ возможенъ прочный миръ, и Балканы перестанутъ быть складочнымъ мѣстомъ взрывчатыхъ веществъ. Весь вопросъ только въ томъ, при какихъ условіяхъ возможно ея осуществленіе, да и возможно ли оно вообще. Но совершенно естественно, что желаніе прочнаго мира у всѣхъ, у кого оно искренно и серьезно, связано съ стремленіемъ къ федераціи.

На вопросъ объ условіяхъ федераціи Шоповъ отвѣчаетъ: она возможна лишь при условіи независимости отдѣльныхъ государствъ и уваженія къ принципу національностей, который, однако, долженъ быть пополненъ принципомъ естественныхъ географическихъ границъ и экономическихъ соображеній.

Другими словами, карта Балканскаго полуострова должна быть передѣлана въ зависимости отъ распространенія

національностей на полуостровѣ. Но, напримѣръ, Кавала, хотя она населена не болгарами, должна быть отдана болгарамъ, такъ какъ она—естественный морской портъ на Эгейскомъ морѣ для Болгаріи

Затѣмъ у Шопова начинается филологическій и статистическій хламъ, такъ набившій намъ оскомину во всѣхъ произведеніяхъ болгарскихъ, сербскихъ и греческихъ шовинистовъ. Населеніе Македоніи, говорится въ брошюрѣ, по языку и по симпатіямъ болгарское; не только болгарскіе ученые, но и императоръ старой Византіи Василій Болгаробойца еще въ X вѣкѣ признавалъ его таковымъ; одинъ сербскій историкъ въ 1794 г. говорилъ то же самое; русскій знатокъ славянства Гильфердингъ въ 1856 г. подтвердилъ то же и т. д., и т. д. безъ конца.

Итакъ, для осуществленія балканской федераціи нужно отдать болгарамъ Македонію (какъ сербскую, такъ и греческую ея части), и только тогда усиленную и распространенную такимъ образомъ Болгарію объединять въ одну федерацію съ ограбленными Сербіей и Греціей.

«Если бы въ южной Македоніи прибѣгли къ плебисциту, конечно, произведенному безпристрастными людьми, прибавляетъ Шоповъ, то этотъ плебисцитъ убѣдилъ бы всѣхъ, что даже болгары-патріаршисты, а также турки, куцовлахи, евреи греческой Македоніи отдали бы предпочтеніе болгарскому режиму передъ режимомъ греческимъ».

Здѣсь Шоповъ говоритъ о болгаряхъ-патріаршистахъ, т. е. о славянахъ, не присоединившихся къ болгарской экзархіи, а оставшихся прихожанами патріаршистскихъ церквей, какъ о несомнѣнныхъ болгаряхъ; между тѣмъ, стоитъ болгарскому публицисту заговорить о Македоніи сербской, какъ оказывается, что именно фактъ ея присоединенія къ болгарской экзархіи свидѣтельствуетъ о ея болгарскихъ симпатіяхъ, такъ какъ при симпатіяхъ сербскихъ она осталась бы вѣрной патріарху. Двое мѣръ, двое

вѣсовъ для одного и того же явленія. Явленіе человѣческое, слишкомъ человѣческое...

Пишущій эти строки лично, на основаніи самостоятельнаго изученія вопроса на мѣстѣ, думаетъ, что Шоповъ ошибается, и что если бы въ Македоніи въ свое время, т. е. до 1913 г., былъ дѣйствительно произведенъ плебисцитъ, то онъ далъ бы результатъ, правда, не въ пользу Сербіи и Греціи, но и не въ пользу Болгаріи: онъ далъ бы результатъ въ пользу образованія автономной Македоніи, но эта автономная Македонія не только не помѣшала бы образованію балканской федераціи, а какъ разъ наоборотъ,—болѣе чѣмъ какое-нибудь другое государство Балканскаго полуострова, содѣйствовала бы ея образованію.

Но плебисцитъ въ Македоніи не произведенъ и, къ сожалѣнію, о немъ на Балканахъ почти никто даже и не говоритъ. Теперь Шоповъ упомянулъ о немъ, упомянулъ осторожно, мимоходомъ, въ придаточномъ предложеніи, но все-таки упомянулъ. Въ этомъ мы можемъ увидѣть нѣкоторый шагъ впередъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ маленькій, слишкомъ скромный, и слишкомъ поздній.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвели бы слова Шопова, если бы онъ ихъ иначе молвилъ, хотя бы приблизительно на такой ладъ:

«Мы выдвигаемъ груду покрытыхъ вѣковою пылью фоліантовъ въ доказательство того, что македонцы желаютъ присоединенія къ Болгаріи, а не къ Сербіи и не къ Греціи. У сербовъ и у грековъ тоже есть груда фоліантовъ, но поменьше и похуже. Мы въ этомъ совершенно увѣрены. Поэтому мы смѣло утверждаемъ, что плебисцитъ далъ бы отвѣтъ въ нашу пользу; что за насъ высказались бы и мѣстные болгары, и турки, и куцовлахи, и евреи. Увѣренные въ этомъ, мы смѣло предлагаемъ устройство плебисцита, какъ способъ разумнаго и мирнаго рѣ-

шенія спора. Пусть границы на Балканскомъ полуостровѣ будутъ проведены послѣ опроса населенія путемъ плебисцита, и тогда можно будетъ приступить къ осуществленію давно всѣмъ желанной федераціи».

Если бы болгарскій публицистъ сказалъ такъ, другими словами, если бы плебисцитъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ на Балканскомъ полуостровѣ былъ выдвинутъ болгарами такъ же, какъ онъ выдвинутъ въ Бельгіи Вандервельде еще въ началѣ войны, то въ этомъ можно было бы увидѣть искреннее желаніе мира, отказъ отъ хищническихъ вождедѣній.

Къ сожалѣнію, въ брошюрѣ Шопова этого нѣтъ,—и она является лишь новымъ выраженіемъ болгарскихъ имперіалистскихъ вождедѣній, особенно цѣннымъ потому, что оно выставлено какъ разъ наканунѣ объявленія Болгаріей третьей братоубійственной войны на Балканахъ (1885, 1913, 1915). Шоповъ и его единомышленники, т. е. всѣ болгарскіе имперіалисты, хотѣли бы убѣдить сербское и греческое правительства въ своей правотѣ и добиться отъ нихъ соотвѣтственныхъ уступокъ; въ виду же очевиднаго безсилія филологической аргументаціи они пытаются достичь той же цѣли ссылкой на несомнѣнно гораздо болѣе вѣскій авторитетъ Круппа. Но именно необходимость прибѣгнуть къ этому авторитету говоритъ о малой степени искренности въ миролюбивыхъ заявленіяхъ и въ разговорахъ о федераціи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Слѣдующая таблица даетъ сербскія оффиціальныя данныя о численности населенія по административнымъ округамъ и о распредѣленіи его по религіи и національности въ новопріобрѣтенныхъ по бухарестскому миру 1913 г. сербскихъ владѣніяхъ, т. е. въ Македоніи и въ тѣхъ земляхъ, которыя прежде назывались Старой Сербіей. Произвести правильную перепись населенія сербское правительство въ короткій промежутокъ времени между войнами конечно не могло, и таблица составлена по полицейскимъ и церковнымъ даннымъ, слѣдовательно, неизбѣжно отличается неточностью. Это замѣчаніе—о *неизбѣжной* неточности—относится, конечно, къ общимъ цифрамъ населенія по округамъ, и можетъ быть къ его распредѣленію по религіи; что же касается распредѣленія населенія по національности, то оно отличается тою неточностью, которой при желаніи можно было бы избѣжать. Цифры, говорящія о немъ, интересны *только* какъ выраженіе оффиціальной сербской точки зрѣнія. Таблица эта мнѣ дана министромъ внутреннихъ дѣлъ Іовановичемъ и до сихъ поръ нигдѣ не была опубликована. Цифры относятся къ концу 1914 г.

Цифры, приведенныя въ извѣстныхъ статистическихъ ежегодникахъ—Scott Keltie, Statesman's yearbook, 1916, и Almanach de Gotha, 1916, не совпадаютъ съ вышеприведенными здѣсь; въ общемъ онѣ нѣсколько выше. Я не

О К Р У Г И.	Н А Р О Д Н					О С Т Ь.			Р Е Л И Г И Я.				
	Сербы.	Турки.	Албанцы.	Евреи.	Куцо-влахи.	Цыганы.	Греки.	Итого.	Православные.	Магометане.	Католики.	Евреи.	Итого.
Сербская Македония.													
Битольский, гл. гор. Битоль (Монастырь)	153.165	64.155	—	5.082	8.874	159	2.151	233.586	164.349	64.155	—	5.082	233.586
Брегальничский, гл. г. Штипъ	71.057	37.976	—	505	1.400	—	8	110.955	72.474	37.976	—	505	110.955
Кумановский, гл. г. Куманово	111.312	8.966	26.662	260	160	1.600	151	149.119	112.231	36.628	—	260	149.119
Охридский, гл. г. Охрида . .	51.674	27.494	440	—	—	—	—	79.608	51.674	27.934	—	—	79.608
Скопский, гл. гор. Скоплье (Ускюбъ)	71.628	65.705	10.728	2.528	—	2.556	148	153.293	71.776	77.668	1.321	2.528	153.293
Тетовский, гл. гор. Тетово (Калькандель)	57.511	18.786	59.764	—	60	569	10	136.707	57.588	79.119	—	—	136.707
Тиквешский, гл. г. Кавадарци	44.181	40.218	—	34	55	—	1.272	86.259	45.610	40.218	397	34	86.259
Итого . . .	560.528	263.300	97.594	8.409	11.074	4.884	3.740	949.527	575.702	363.698	1.718	8.409	949.527
Старая Сербия.													
Звечанский (гл. г. Митровица)	17.877	3.946	43.755	72	—	1.415	—	67.065	17.877	49.116	—	72	67.065
Косовский (гл. г. Приштина)	49.345	12.476	120.041	391	—	5.002	5	187.260	49.350	136.149	1.370	391	187.260
Призренский (гл. г. Призрень)	43.693	13.934	56.329	—	—	3.163	—	117.119	18.969	95.666	2.484	—	117.119
Приепольский (гл. гор. Приеполье)	27.576	15.799	—	—	—	—	—	43.375	27.576	15.799	—	—	43.375
Рашский (гл. гор. Новый Базаръ)	30.451	37.543	9.681	139	—	268	—	78.082	30.451	47.492	—	139	78.082
Итого . . .	168.942	83.698	229.806	602	—	9.848	5	492.901	144.223	344.222	3.854	602	492.901
Всего въ новыхъ владѣнiяхъ Сербiи	729.470	346.998	327.400	9.011	11.074	14.732	3.745	1.442.428	719.925	707.920	5.572	9.011	1.442.428

знаю, изъ какого источника заимствовали свои свѣдѣнія эти ежегодники, но во всякомъ случаѣ приводимыя мною цифры—оффиціальныя. Въ особенности не точны цифры у Scott Keltie, у котораго даже въ самомъ раздѣленіи новыхъ сербскихъ владѣній на округа допущены грубыя ошибки,—явленіе совершенно исключительное для ежегодника, пользующагося заслуженной извѣстностью за достоверность и свѣжесть своего матеріала.

Изъ цифръ приведенной выше таблицы слѣдуетъ:

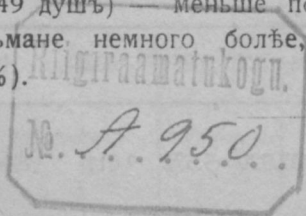
1. Почти половину населенія Старой Сербіи (точнѣе—той части Старой Сербіи, которая досталась сербамъ, такъ какъ другая ея часть досталась черногорцамъ) составляютъ албанцы, которые всѣ (кромѣ 3.854 католиковъ)—мусульмане.

2. Мусульмане вообще, къ числу которыхъ, кромѣ турокъ и албанцевъ тамъ принадлежатъ цыгане и около седьмой части (24.724) — сербовъ, составляютъ почти $\frac{3}{4}$ населенія Старой Сербіи.

3. Въ сербской Македоніи славяне, которыхъ сербская статистика огуломъ признаетъ сербами, составляютъ немного больше половины населенія (59,0%). Всѣ сербы—православные, кромѣ 397 католиковъ въ Тиквешскомъ округѣ.

4. Въ сербской Македоніи мусульмане, къ числу которыхъ принадлежатъ турки, албанцы (за исключеніемъ 1.321 католиковъ въ Скопскомъ округѣ) и цыгане (за исключеніемъ православныхъ: 159 въ Битольскомъ и 600 въ Кумановскомъ), составляютъ не много больше трети населенія (38%).

5. Во всѣхъ новыхъ владѣніяхъ Сербіи сербы составляютъ половину населенія (50,5%); православные сербы (704.349 душъ) — меньше половины (48,8%); всѣ вообще мусульмане немного болѣе, чѣмъ православные сербы (49,0%).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	5
Бухарестскій миръ	11
По сербской Македоніи. Путевыя замѣтки	21
Янъ Санданскій	93
Судьба Македоніи въ годы великой войны	102
Василій Радославовъ	118
Балканская федерація	128
Приложеніе. Статистика населенія сербскихъ владѣній, приобрѣтенныхъ по Бухарестскому миру	135

A 950

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00240161 6

A